

ДУХОВНЫЙ ПОТОМОК ЧЕХОВЫХ

Посвящается
любимой и дорогой
Алле Васильевне Ханило

Симферополь
2020

УДК
ББК

Издано во исполнение предсмертного желания Главного хранителя Дома-музея
А.П.Чехова в Ялте Аллы Васильевны Ханило.

Д **Духовный потомок Чеховых.** – Симферополь: Н.Оріанда, 2020. – с., ил.
ISBN

9 августа 2019 года произошла непоправимая трагедия – умерла Алла Васильевна Ханило. Мы потеряли великого человека, деятеля культуры государственного уровня, а семья А.П.Чехова, его Дом-музей – своего самого преданного помощника и защитника. Алла Васильевна пришла в музей в 1946 году, а уже в 1949-м Мария Павловна Чехова, представляя её, называла Аллу Васильевну «главным экскурсоводом музея». Алла Васильевна – человек многогранный, поэтому широка тематика представленных материалов. Предлагаемая вашему вниманию книга содержит статьи, которые являются продолжением книги «Чехов в Ялте», воспоминания Аллы Васильевны о её раннем детстве, оккупации Ялты немецко-фашистскими войсками, поступление на работу в Дом-музей А.П.Чехова, о её дружбе с членами и друзьями семьи А.П.Чехова, а также статьи и воспоминания об Алле Васильевне. В приложении приводятся документы, рекомендации, дорожная карта по спасению Дома-музея и сада.

Для литературоведов, краеведов, экскурсоводов и всех интересующихся творчеством Чехова.

УДК
ББК

На обложке: *Бочаров С.П.* Портрет "Три столетия, три эпохи, три портрета: Антон Павлович Чехов, Мария Павловна Чехова, Алла Васильевна Ханило".
2019 г. холст, масло. 80x60

Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

ISBN

©., текст, фотографии, 2020
©, 2020
© «Н.Оріанда», макет, оформление, 2020

*Посвящается
любимой и дорогой
Алле Васильевне Ханило*

Алла Васильевна Ханило в день 150-летия со дня рождения А.П.Чехова. 29.01.2010 г.

ДУХОВНЫЙ ПОТОМОК СЕМЬИ ЧЕХОВЫХ

Алла Васильевна Ханило работала в Доме-музее Антона Павловича Чехова в Ялте без 3 месяцев 73 года. Значительно больше, чем там прожила сама Мария Павловна Чехова, хозяйка и бессменный его директор. За это время на Алле Васильевне сошлись почти все ветви древа семьи А.П.Чехова: братьев Александра, Михаила и Митрофана, племянников Сергея Михайловича и Евгении Михайловны Чеховых, Игоря Васильевича Бренёва (сына Александры Митрофановны Чеховой), не говоря о её любимых и глубоко почитаемых Марии Павловны Чеховой и Ольги Леонардовны Книппер-Че-

Семья Чеховых. Таганрог, 1874 г. Сидят слева направо: брат Михаил, сестра Мария, жена дяди Митрофана Егоровича Людмила Павловна, их сын Георгий. Стоят: брат Иван, Антон Павлович, старшие братья Николай и Александр, дядя Митрофан Егорович

**Реконструкция Кремля
и Красной площади. 1974 г.**

**Реконструкция Дома-музея
А.П.Чехова в Ялте. 1974 г.**

хой, а также её племянника Льва Константиновича Книппера, о которых будет идти речь в этой книге.

Благодаря этим дружеским связям можно утверждать, что в мире нет человека, который бы знал более Аллы Васильевны не только о семье Антона Павловича, но и о нём самом, в ней суммировались эти знания, выйдя на новый уровень. Она стала духовным членом семьи Чеховых. Для Марии Павловны, не имевшей детей, Алла Васильевна стала приёмной дочкой, а для Аллы Васильевны Мария Павловна была духовной матерью, передавшей ей не только свой громадный исторический материал о жизни с братом, его друзьями, но и опыт по управлению и сохранению Дома-музея А.П.Чехова в Ялте.

О силе чеховского духа Аллы Васильевны, в частности, говорит такой случай. В момент критического состояния Дома в Ялту по просьбе Библиотеки имени Ленина, филиалом которой являлся Музей, выехали руководители реставрации Московского Кремля – «белокаменщики». С ними ехала заместитель директора Библиотеки Ленина, и, как она их ни уговаривала, они не соглашались на полную реконструкцию: «сделаем план работ и уедем». По приезде в Ялту Алла Васильевна провела для них такую экскурсию, настолько погрузила их в мир Чеховых, что они, несмотря на то, что их срочно ждали в Кремле в Москве, согласились, и, работая месяц с утра до позднего вечера, укрепили разрушающийся Дом А.П.Чехова в Ялте.

В целом шесть с половиной лет реставрировался Дом-музей (1974–1980), и Алла Васильевна ежедневно, с 8 часов утра и подчас до часу ночи, как настоящий прораб, следила, а где-то и руководила ремонтными работами, чтобы они не нарушили мемориальности музея, сохранили всё так, как было при Антоне Павловиче. Когда возникали непредвиденные проблемы, она находила нестандартные технические решения. Не хватало финансирования, она искала и находила недостающие деньги для работ. В этом ей помогал Иван Семёнович Козловский, познакомивший её с министром финансов СССР, отдыхавшим в Крыму. Ну, а дальше силой своего и чеховского духа Алла Васильевна получила необходимое финансирование для Музея.

В начале двухтысячных годов ниже музея, по оползню, начали строительство дома в его охранной зоне (как нам потом удалось выяснить), что привело к образованию в доме Чехова трещин и сдвижек под ним. Над музеем нависла угроза разрушения. Алле Васильевне практически в одиночку удалось остановить это строительство и ещё раз спасти музей.

Благодаря духовному родству и силе своего убеждения Алла Васильевна сохранила для чеховских музеев вещи Антона Павловича и Ольги Леонардовны. «После смерти О.Л.Книппер-Чеховой в 1959 году в её квартире жила её секретарь и помощница Софья Ивановна Бакланова, после смерти которой в 1967 году всё имущество перешло племяннику Ольги Леонардовны – Льву Константиновичу Книпперу. Он решил всю бесценную мебель, которую в 1903 году Антон Павлович и Ольга Леонардовна Чеховы покупали вместе для своего Дома, сдать в комиссионный магазин. Я приехала в Москву и уговорила его передать мебель в музей, и, в частности, МХАТа. Я разбирала её личный архив и всё, что касалось Театра, я передала директору музея МХАТа Фёдору Николаевичу Михальскому, с которым, а потом с Владленом Семёновичем Давыдовым, я плодотворно сотрудничала много лет. В Ялту я перевезла всю обстановку спальни Ольги Леонардовны и часть гостиной, что дало возможность открыть первый этаж Чеховского дома» (из воспоминаний А.В.Ханило).

Алла Васильевна как близкий родственник отмечала в Музее каждую дату рождения или памяти Антона Павловича, Марии Павловны и Ольги Леонардовны, а также друга семьи Ивана Семёновича Козловско-

Ольга Леонардовна у памятника А.П.Чехову в Баденвейлере. 1908 г.

«Алле Васильевне в дар от Федора Николаевича Михальского – директора музея Московского Художественного театра 1967 г. за то, что она сумела выпросить у Л.К.Книппер и сохранить все вещи московской квартиры Антона Павловича Чехова и Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой (более 1500 экспонатов: мебель, книги, фотографии и мн., мн. другое). Из Москвы в Ялту в Чеховский дом-музей библиотека им. Ленина помогла переслать большой железнодорожный контейнер с экспонатами. Все теперь в Ялте, в Доме-музее А.П.Чехова».

Алле Васильевне
 в дар от Федора Нико-
 лаевича Михальского –
 директора музея Москов-
 ского Художественного театра
 1967г. за то, что она
 сумела выпросить и сохра-
 нить у Л.К. Книппер. и все
 вещи Московской кварти-
 ры Антона Павловича
 Чехова и Ольги Леонардов-
 ны Книппер-Чеховой.
 (Более 1500 экспонатов:
 мебель, книги, фотографии
 и мн. мн. другое. Из Москвы
 в Ялту в Чеховский дом-
 музей библиотека им. Ле-
 нина помогла переслать
 большой железный контей-
 нер с экспоната-
 ми. Все теперь в Ялте в
 Доме-музее А.П.Чехова

Открытие памятника
 А.П.Чехову
 в Баденвейлере.
 1908 г.

Письмо Ф.Н.Михальского

го, проводя встречи с ялтинцами и гостями Ялты. Выступая на российских и международных конференциях, Алла Васильевна раскрывала неизвестные стороны души Антона Павловича, в частности, в 1994 году в Баденвейлере, где 15 июля 1904 года умер писатель, Алла Васильевна сделала доклад «Кресты и иконы Чехова».

Пересечение судеб Антона Павловича и Аллы Васильевны началось с её рождения. Она родилась в Алушке, в детском костно-туберкулезном санатории имени профессора А.А.Боброва, который много лет в нём работал. Антон Павлович, будучи студентом медицинского факультета Московского университета, слушал лекции Александра Алексеевича Боброва. Он, как и Антон Павлович, умер в 1904 году. Училась Алла Васильевна в образцовой школе № 1 в Ялте, бывшей женской гимназии, в которой А.П.Чехов был членом попечительского совета. Эти и ещё многие другие в её жизни «совпадения» можно смело назвать судьбой быть рядом с Чеховыми.

И вот 9 августа 2019 года на 92 году жизни скончалась Алла Васильевна Ханило, истинный патриот России, последний духовный потомок семьи великого русского писателя Антона Павловича Чехова, в духовном родстве которых убедятся читатели этой книги.

Слава России!

*Ялта – город Чехова!
Чайки над волной.
Три сестры приехали
В любимый город мой!*

*Ирина, Маша, Ольга –
России имена!
Учителя, актрисы,
Поэты и врачи.*

*В Крыму живут и трудятся.
И славит их Страна!
Страну зовут Россия!
И нет другой такой!*

*Вернулся Крым в Россию!
Вернулся навсегда!
Великая Россия,
Ведь ты у нас одна!*

*Великая Россия!
Навеки мы с тобой!
Живу в любимой Ялте!
Мне Чехов повелел!*

*И Ялта лучше Ниццы,
Так Чехов всем сказал!
Великая слава России!!!
И Президенту Путину Слава!!!*

«МОЙ ПРЕЗИДЕНТ»

В 2003 году Президент России Владимир Владимирович Путин приезжал в наш музей с Президентом Украины, и мы все вместе сфотографировались. Все сотрудники прижались к Леониду Даниловичу Кучме, а я встала рядом с Владимиром Владимировичем. После фотографирования я сказала сотрудникам, что они поступили нехорошо. Они мне ответили: «А мы встали к своему Президенту», а я им ответила: «А я к своему Президенту». Так что я 4 мая 2003 года выбрала для себя и для Крыма Президентом Владимира Владимировича Путина.

Поздравление Президента Российской Федерации
с 90-летием Ангилины (Аллы) Васильевны Ханило

Уважаемая Ангелина Васильевна! Сердечно поздравляю Вас со знаменательным юбилеем. Талантливый, увлеченный любимым делом человек, многие годы Вы выполняете высокую просветительскую миссию – содействуете

4 мая 2003 года

*Здравствуйте Владимир Владимирович!
От всей души с наилучшими пожеланиями
благодарю Вас за самые дорогие
для меня поздравления – это Ваше
телеграмма в день моего деньгосемена-
ния. Ваше слово, которое является
свои работами на благо нашей люби-
мой Родины, Великой России и
ее Крестура !!!*

Ангелина (Алла) Жаминко.

те сбережению памяти об Антоне Павловиче Чехове и популяризации его богатейшего творческого наследия, заботитесь об уникальных экспонатах Дома-музея великого русского писателя, повествующих о Ялтинском периоде его жизни. Ваш профессионализм и компетентность, неустанный подвижнический труд, активная гражданская позиция достойны самого искреннего уважения.

С теплотой вспоминаю Ваше гостеприимство и интересные рассказы на крымской земле.

От души желаю Вам здоровья, успехов и всего наилучшего.

*Президент
Российской Федерации
В.В.Путин*

Алла Васильевна

**Любимая фотография А.П.Чехова
Аллы Васильевны**

ПОЕЗДКИ ЧЕХОВА ПО МОНАСТЫРЯМ И ХРАМАМ

Первый монастырь, который запомнился Антону Павловичу на всю жизнь, находился в Таганроге. В родном городе будущего писателя было много храмов: 6 православных церквей, один греческий монастырь, лютеранская церковь и костёл. Главными в городе были Успенский собор и Иерусалимский греческий монастырь.

Детство Антона Павловича проходило под сенью церквей и колокольного звона. С храмами была тесно связана семья Чеховых. Павел Егорович, отец писателя, с 1858 года около четырёх лет был регентом соборного хора, а его брат Митрофан Егорович был бессменным старостой Архангело-Михайловской церкви, корреспондентом Афонского монастыря в Греции.

По большим праздникам соборный хор приглашали в греческий монастырь. Вот как описывает Павел Егорович один из таких праздников 31 августа 1859 года: «Вчерашний день мы праздновали Тезоименитство нашего монарха. Литургия совершалась в Монастыре, хор певчих был из Собора, по окончании Литургии в келии Архимандрита угостили хорошо закускою. Протоиерей Себов и прочее духовенство там же участвовали, куда и я был приглашен» [Таганрог и Чеховы. Таганрог, 2003].

Греческий монастырь

14 августа 1863 года Таганрог посещает наследник престола Николай Александрович. «Во время суточного пребывания в Таганроге наследник посетил собор, дворец, монастырь, осматривал памятники Александру I» [Таганрог и Чеховы, с. 61].

В 1867–1868 годах Павел Егорович организует любительский церковный хор, все участники его пели по нотам. В этом хоре пели и старшие дети Павла Егоровича: Александр, Николай и Антон. С 1868 года Николай и Антон учатся в приготовительном классе гимназии. 19 ноября Чехов с братьями был на обеде в греческом монастыре по случаю поминовения императора Александра I. В монастыре ежегодно совершалось поминовение по Александру I.

«Накануне этого дня в гимназии инспектор или надзиратель обходил все классы и объявлял, что завтра уроков не будет и что вместо этого мы обязаны явиться к обеде в монастырь. В главном приделе монастыря совершалась заупокойная литургия и служилась панихида. Гимназистам отводилось особое место» [Таганрог и Чеховы, стр. 78].

Церковный хор, созданный Павлом Егоровичем, приглашали к себе на все престольные праздники все церкви Таганрога. И во всех этих церковных песнопениях принимал участие с 7-летнего возраста Антон Павлович.

Старший брат Чехова Александр вспоминал, что пели они в Митрофаньевской церкви, в домовая церкви дворца (дома, где жил и умер Александр I) и в греческом монастыре. В своей статье «Чехов-певчий» он писал: «Павел Егорович во всем, что касалось церковных служб, был аккуратен, строг и требователен. Если приходилось в большой праздник петь утреню, он будил детей в два и в три часа и, невзирая ни на какую погоду, вел их в церковь» [Летопись жизни и творчества А.П.Чехова. 1860 – 1888. [М., 2000, с. 15 – 16]. И как потом рассказывала сестра писателя Мария Павловна, Антон Павлович с теплотой вспоминал часы, проведенные в греческом монастыре. К ним, детям, заботливо и ласково относились монахи, жалели их и всегда старались угостить чем-нибудь повкуснее. Может быть, поэтому Антон Павлович на всю жизнь сохранил доброе отношение к монахам и желание посещать монастыри.

В 1883 году, будучи студентом медицинского факультета, Чехов проходил практику в Чикинской больнице, недалеко от города Воскресенска, близ Москвы. Практиковавшие в Чикинской больнице у доктора П.А.Архангельского молодые врачи и вместе с ними Чехов со своими братьями решили совершить пешеходную прогулку в монастырь Саввина-Сторожевая пустынь. Монастырь находился довольно далеко от больницы. Брат Чехова Михаил Павлович писал: «Все 26 верст мы прошли настолько бодро, что достигли монастыря еще задолго до захода солнца» [М.П.Чехов. Вокруг Чехова. М., 1964, с. 146].

Лето 1883 и 1884 годов Чехов проводил в Воскресенске, Московской губернии, куда был назначен учителем приходской школы его брат Иван Павлович. В одной версте от Воскресенска, Московской губернии, находился монастырь, который неоднократно посещал Антон Павлович. Подробно этот монастырь описал брат Чехова Михаил Павлович. «Знаменитый

Новоиерусалимский монастырь

монастырь “Новый Иерусалим”, основанный патриархом Никоном с целью дать возможность русским паломникам не ездить в Палестину на поклонение “святым” местам, а “иметь” их у себя под боком. Этот монастырь представляет собою точную копию с Иерусалимского храма, палестинского. В нем устроены и Голгофа, и часовня “гроба Господня”, и Гефсиманский сад, и Кедронский поток, и даже имеются две библейские горы, Фавор и Ермон. Местность подбиралась специально» [М.П.Чехов. Вокруг Чехова. М., 1964, с. 131–132].

26 мая 1883 года А.П.Чехов писал издателю журнала «Осколки» **Н.А.Лейкину**: «Обитаю в Новом Иерусалиме, хожу в гости к монахам...» [А.П.Чехов. Т. 1. М., Письма, 1875 – 1886. 1974, с. 73]. Подробно об этом монастыре Чехов писал Н.А.Лейкину из Воскресенска **25 июня 1884 года**: «Живу теперь в Новом Иерусалиме... Живу с апломбом, так как ощущаю в своем кармане лекарский паспорт. Природа кругом великолепная. Простор и полное отсутствие дачников. Грибы, рыбная ловля и земская лечебница. Монастырь поэтичен. Стоя на всеобщей в полумраке галерей и сводов, я придумываю темы для “звуков сладких”. Тем много, но писать решительно не в состоянии... <...> Каждое воскресенье в монастыре производится пасхальная служба со всеми ее шиками... Лесков, вероятно, знает об этой особенности нашего монастыря. Каждый вечер гуляю по окрестностям<...> Если будете Вы в Москве, то почему бы Вам не завернуть в Новый Иерусалим? Это так близко... <...> Брат Николай будет Вашим проводником. И Пальмина захватить можно... Пасхальную службу послушаете... <...> Если напишете, то и я мог бы за Вами в Москву приехать... <...> (Можно будет

Святогорский монастырь. Хромолитография 1912 г.

Вам, если приедете, съездить к Савве Звенигородскому <...>» (Монастырь Саввино-Сторожевая пустынь под Звенигородом. – А.Х.) [А.П.Чехов. Т. 1. Письма, 1875 – 1886. С. 114 –115].

В начале апреля 1887 года Чехов совершил поездку в родной город Таганрог. Пробыв там почти месяц, он писал **5 мая Н.А.Лейкину**: «Сейчас я еду в Славянск, а оттуда в Святые горы, где пробуду 3–4 дня в посте и молитве» [А.П.Чехов. Т. 1. Письма, 1887 – сентябрь 1888. М., 1975, с. 79]. А своим **родным 11 мая** сообщал: «В Св<ятые> горы приехал в 12 часов. Место необыкновенно красивое и оригинальное: монастырь на берегу реки Донца у подножия громадной белой скалы, на которой, теснясь и нависая друг над другом, громоздятся садики, дубы и вековые сосны. Кажется, что деревьям тесно на скале и что какая-то сила выпирает их вверх и вверх... Сосны буквально висят в воздухе и, того гляди, свалятся. Кукушки и соловьи не умолкают ни днем, ни ночью...

Монахи, весьма симпатичные люди <...> Ночевал я в монастыре 2 ночи и вынес тьму впечатлений. При мне, ввиду Николина дня, стеклось около 15 000 богомольцев <...> О монахах, моем знакомстве с ними, о том, как я лечил монахов <...>, сообщу в Нов<ом> времени и при свидании <...> Купил тетке Ф<еодосье> Я<ковлевне> икону.

Еда монастырская, даровая для всех 15 000: щи с сушеными пескарями и кулеш. То и другое, равно как и ржаной хлеб, вкусно. Звон замечательный <...> Участвовал в крестном ходе на лодках» [А.П.Чехов. Т. 2. Письма, 1887 – сентябрь 1888. С. 82 – 83].

Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь

Позже Михаил Павлович по воспоминаниям брата писал об этом монастыре: «Сюда стекались богомольцы со всех концов России, чтобы каждую полночь провести на церковной службе и помолиться до утра. Монастырь кормил на свои средства тысячи богомольцев ежедневно и отличался строгостью жизни монахов и педантичностью в выполнении всех требований Афонского ритуала. Он очень нравился Антону Павловичу, и, побывав в нем, он написал два своих рассказа: "Святою ночью" и "Перекасти поле"» [А.П.Чехов. Т. 1. Письма, 1875 – 1886. С. 381]. В июле 1888 года Чехов провёл две недели в Феодосии по приглашению А.С.Суворина у него не даче. 23 июля отправился в путешествие с его сыном на Кавказ, на пароходе. На другой день сообщает **брату Александру**: «Приближаюсь к Новому Афону, где, вероятно, остановлюсь на сутки» [Т. 2. Письма, 1887 – сентябрь 1888. С. 300]. А **25 июля** пишет неустановленному лицу: «На Афоне познакомился с архиереем Геннадием, епископом сухумским, ездящим по епархии верхом на лошади. Любопытная личность. Купил матери образок, который привезу» [Т. 2. Письма, 1887 – сентябрь 1888. С. 302].

В день пребывания в Новом Афоне в книге посетителей монастыря А.П.Чехов сделал запись: «Люди, покоряющие Кавказ любовью и просветительным подвигом, достойны большей чести, чем та, которую мы можем воздать им на словах» [Т. 2. Письма, 1887 – сентябрь 1888. С. 498].

Из Тифлиса **28 июля** Чехов писал **Ф.Я.Долженко**: «Посылаю Вам, тетя, из Нового Айона икону. Кланяюсь Вам, Алеше, папаше и Ване» [Т. 2. Письма, 1887 – сентябрь 1888. С. 303]. После получения иконы Феодосья Яковлевна писала из Москвы на Луку Е.Я.Чеховой: «Я удостоилась получить великое милосердие божие с Новой Афонской горы, икону Пресвятой Богородицы. Милый мой племянничек Антон Павлович, и ты про меня не забыл» [Т. 2. Письма, 1887 – сентябрь 1888. С. 498].

Ахтырский Троицкий монастырь

12 августа из Сум Чехов писал более подробно о посещении монастыря **Н.А.Лейкину**: «По дороге заезжал на полдня в Сухум <...> и на сутки в Новый Афон, монастырь. Здесь на Афоне так хорошо, что и описать нельзя: водопады, эвкалипты, чайные кусты, кипарисы, маслины, а главное – море и горы, горы, горы...» (Т. 2. Письма, 1887 – сентябрь 1888. С. 310).

10 сентября Чехов писал двоюродному брату **Георгию Митрофановичу**: «Всею душой хотел я повидаться с вами, пожить в Таганроге, погулять по саду; мечтал об этом еще зимою, но беда в том, что когда я проезжал через Таганрог и с вокзала глядел на Михайловскую церковь (это было 6 августа, в день Преображения), то чувствовал себя не в своей тарелке и решительно не был в состоянии исполнить свое и твое желание, т. е. остаться в Таганроге <...> Был я в Крыму, в Сухуме, Новом Афоне, Потти, Батуме, Тифлисе, Баку <...> а в будущем году поеду <...> в Константинополь, а оттуда в Старый Афон (поездка в Старый Афон не состоялась. – А.Х.)».

В 1889 году летом на даче Линтваревых на Луке умер брат Чехова Николай Павлович – талантливый художник, проживший всего 31 год. Чехов тяжело переживал потерю брата, после похорон повёз всю семью в монастырь в Ахтырку. Историко-статистическое описание Харьковской епархии: «Ахтырский Троицкий монастырь один из древнейших в Украине... Жители окрестных сел, даже из дальних мест, почитали за священный долг хотя [бы] раз помолиться в храме св. Троицы. С давних времен стоит в сем храме икона Божией Матери “Всех скорбящих Радость”, от которой верующие получают утешение». «Ахтырский храм святого Николая известен еще с 1665 г. <...> Николаевский храм с первых времен своих пользовался особенным уважением».

Из Ахтырского монастыря вернулись в Сумы. 25 июня отметили 9-й день со дня кончины Николая – служили панихиду. 2 июля Антон Павлович уехал в Одессу, прожив там десять дней, выехал в Ялту. Сороковой день со дня кончины Николая приходился на 26 июля. Специально к Чехову в Ялту приехал П.А.Сергеенко, чтобы как-то скрасить одиночество Антона Павловича и этот грустный день провести вместе с ним.

Храм Святого Иоанна Златоуста в Ялте

Панихиду заказали в соборе святого Иоанна Златоуста – служил отец Александр Терновский. Вместе с Чеховым в храме на панихиде были П.А.Сергеенко, Д.М.Городецкий и несколько человек ялтинцев – знакомых Чехова. Немного об истории храма Иоанна Златоуста.

В 1823 году генерал-губернатором Новороссийского края, к которому относилась и Таврида, был назначен граф М.С.Воронцов. Особое внимание уделял градостроительству и строительству новых храмов. В 1833 году составленные архитектором Г.И.Торричелли планы и фасады были направлены на рассмотрение Николаю I и удостоены высочайшего утверждения. 16 сентября состоялось торжественное освящение собора во имя святителя Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, и отслужена Божественная литургия. Присутствовали император Николай I и императрица Александра Фёдоровна. На следующий день, 17 сентября, последовал высочайший указ о присвоении Ялте статуса города.

Чехов будет часто бывать в этом храме.

31 марта 1890 года Антон Павлович в письмах поздравляет своих друзей со Светлым Христовым Воскресением и сообщает о своём отъезде на Сахалин.

Р.Р.Голик: «Христос воскрес, милый Роман Романович! Поздравляю тебя и всех твоих с праздником и от души желаю счастья <...> На Фоминой неделе я удаляюсь из прекрасных здешних мест. Прощай и не поминай лихом. Увидимся в декабре. А может быть, и никогда уж больше не увидимся».

Н.А.Лейкину 31 марта 1890 года: «Христос воскрес, добрейший Николай Александрович! Поздравляю Вас с праздником и разговевши <...> Скоро я отправляюсь в путь. Жду вскрытия Камы».

1 апреля 1890 года. А.С.Суворину: «Христос воскрес! Поздравляю Вас, голубчик, и всех Ваших и желаю счастья. Уезжаю я на Фоминой неделе или несколько позже <...>»

15 апреля 1890 года. А.С.Суворину: «У меня такое чувство, как будто я собираюсь на войну, хотя впереди не вижу никаких опасностей <...> В случае утонутья или чего-нибудь вроде, имейте в виду, что все, что я имею и могу иметь в будущем, принадлежит сестре; она заплатит мои долги. <...>

Мать я беру с собой и высаживаю в Троицкой лавре, сестру тоже беру и высаживаю в Костроме . Вру им, что приеду в сентябре».

21 апреля. А.П.Ленскому: «Прощайте, голубчик. Уезжаю сегодня. Ярославский вокзал, 8 ч. веч. Чеховы, Кувшинниковы и Левитан провожают меня до Троицы. Приглашают Вас <...> Ваш Чехов».

По дороге на Сахалин Чехов пишет много писем родным и друзьям. В них он рассказывает о городах, которые встречает на пути. Особое внимание уделяет описанию церквей.

23 апреля 1890 года. Чеховым. Волга, пароход «Александр Невский»: «Во время дождя Ярославль кажется похожим на Звенигород, а его церкви напоминают о Перервинском монастыре <...> Проснувшись, узрел солнце. Волга недурна; заливные луга, залитые солнцем монастыри, белые церкви; раздолье удивительное...» [А.П.Чехов. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. С. 65].

23 апреля 1890 года. С.П.Кувшинниковой: «Видел Плес. Узнал я кладбищенскую церковь, видел дом с красной крышей <...>» [А.П.Чехов. Т. 4. Письма, январь 1890, февраль 1892. С. 67] (Кладбищенская церковь изображена Левитаном на картине «Над вечным покоем»).

24 апреля 1890 года. Чеховым. Кама, пароход «Пермь – Нижний»: «Сегодня, например, я едва ли сказал пять слов. Впрочем вру, разговаривал с попом на палубе».

29 апреля 1890 года. Чеховым. Екатеринбург : «В России все города одинаковы. Екатеринбург такой же точно, как Пермь или Тула. Похож и на Сумы, и на Гадяч. Колокола звонят великолепно, бархатно» [А.П.Чехов. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. С. 72]

14–17 мая 1890 года. Чеховым. Красный Яр-Томск. «Деревни здесь большие, поселков и хуторов нет. Везде церкви и школы, избы деревянные, есть и двухэтажные» [А.П.Чехов. Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. С. 80]

20 мая 1890 года. Чеховым. Томск. Троица. «Друзья мои Тунгусы! У вас Троица, а у нас еще даже верба не начала распускаться, и на берегу Томи снег. Завтра я еду в Иркутск <...> Заварил себе кофе и сейчас буду пить. Утро. Скоро зазвонят к поздней обедне» [П., Т. 4, с. 95–96].

28 мая 1890 года. Чеховым. Красноярск. «Красноярск красивый, интеллигентный город; в сравнении перед ним Томск свинья в ермолке и моветон. Улицы чистые, мощеные, дома каменные, церкви изящные» [П., Т. 4, с. 98].

5 июня 1890 года. Н.А. Лейкину. Иркутск. «От Тюмени до Иркутска я сделал на лошадях более трех тысяч верст. От Тюмени до Томска воевал с холодом и с разливами рек <...> От Томска до Красноярска отчаянная война с невылазною грязью. Боже мой, даже вспомнить жутко! <...> Но тем не менее все-таки я доволен и благодарю бога, что он дал мне силу и возможность пуститься в это путешествие... Много я видел и многое пережил, и все чрезвычайно интересно и ново не как для литератора, а как для человека. Енисей, тайга, станции, ямщики, дикая природа, дичь, физические мучительства, наслаждения, получаемые от отдыха, – все, вместе взятое, так хорошо, что и описать не могу» [П., Т. 4, с. 101].

5 июня 1890 года. И.Л. Леонтьеву (Щеглову). Иркутск. Чехов подробно описывает все тяжести трудной дороги: «Отсюда еду на Байкал, затем

подамся к Амуру, на котором поплыву до Сахалина. Обо всем расскажу Вам, друже, если останусь жив <...> Вы хороший человек <...> Господь Вас благословит. Будьте здоровы и счастливы <...> Мне скучно без людей» [П., Т. 4, с. 103].

5 июня 1890 года. Чеховым. Иркутск. «...горы и Енисей – это первое оригинальное и новое, встреченное мною в Сибири. И горы, и Енисей подарили меня такими ощущениями, которые сторицей вознаградили меня за все пережитые кувыр-коллегии. <...> Иркутск превосходный город. Совсем интеллигентный. Театр, музей, городской сад с музыкой, хорошие гостиницы <...>

17 июня отслужите обедню (годовщина смерти Николая Павловича Чехова. – А.Х.) ...29-ое отпразднуйте возможно торжественнее (именины Павла Егоровича Чехова. – А.Х.), буду мысленно присутствовать с вами, а вы выпейте за мое здоровье. Поклон папаше <...> оставайтесь здоровы, да хранит вас бог. Постарайтесь не забывать вашего скучающего домочадца» [П., Т. 4, с. 107, 108].

10 июля 1890 года. Чехов приехал на Сахалин. 8 декабря 1890 года. Чехов в Москве. 18 марта 1891 года уезжает. «Едем в Вену, оттуда в Венецию и так далее по всей Италии» [П., Т. 4, с.197].

20 марта (1 апреля) 1891 года. Чеховым. Вена. «Ах, друзья мои тунгусы, если бы вы знали, как хороша Вена <...> Церкви громадные, но они не давят своею громадою, а ласкают глаза, потому что кажется, что они сотканы из кружев. Особенно хороший собор св. Стефана и Votiv-Kirche. Это не постройки, а печенья к чаю» [П., Т. 4, с. 200].

24 марта (5 апреля) 1891 года. И.П.Чехову. Венеция. «Я теперь в Венеции <...> замечательнее Венеции я в своей жизни городов не видел... А в храмах скульптура и живопись, какие нам и во сне не снились... Здесь собор святого Марка – нечто такое, что описать нельзя» [П., Т. 4, с. 202].

24 марта. М.Е.Чехову. Венеция. «...посылаю изображение церкви св. Марка. Эта церковь так же стара, как Венеция, и красива так же, как она... Весь храм до такой степени великолепен, что оценить его на деньги невозможно... кроме церквей, поражающих своим богатством» [П., Т. 4, с. 205].

1 апреля 1891 года. М.Е. Чехову. Рим. «...привет Вам из Ватикана и из храма св. Петра!» [П., Т. 4, с. 210].

3 апреля 1891 года. И.П. Чехову. Рим. «Видел храм св. Петра. Но нахожу, что он не лучше венецианского св. Марка и не лучше римской церкви св.

Собор св. Стефана

Собор святого Марка, Венеция

Павла. Вообще говоря, церкви здесь великолепны. Был и в Ватикане» [П., Т. 4, с. 210–211].

15 апреля 1891 года. Чеховым. Ницца. Понедельник страстной недели. «Был я вчера, в воскресенье, в здешней русской церкви. Особенности:

Собор Святого Петра, Рим

вместо вербы – пальмовые ветви, вместо мальчиков в хоре поют дамы, отчего пение приобретает оперный оттенок, на тарелочку кладут иностранную монету, староста и сторожа церковные говорят по-французски. Великолепно пели “Херувимскую” № 7 Бортнянского и простое “Отче наш” <...> Если я не успею вернуться к Пасхе, то, когда будете разговляться, помяните меня в своих молитвах и примите мое заочное поздравление и уверение, что без вас в пасхальную ночь мне будет ужасно скучно <...> Да хранят вас небеса. Честь имею рапортоваться и пребыть скучающим Antonio.» [П., Т. 4, с. 217–218].

17 апреля 1891 года. Чеховым. Ницца. : «Итак, значит, я не попаду в Москву к празднику. Досадно. Завтра мы едем в Россию; на пути заедем в Милан...стало быть, буду я в Москве раньше Фоминой недели <...> Христос воскрес! Со всеми христосуюсь и прошу прощения, что не успел домой к празднику. Воображаю, как скучно пройдет для меня пасхальная ночь» [П., Т. 4, с. 218]

21 апреля 1891 года. Чеховым. Париж. «Сегодня Пасха. Стало быть, Христос воскрес! Это первая Пасха, которую провожу я не дома <...> Заутреню слушал в посольской церкви» [П., Т. 4, с. 219–220].

21 апреля 1891 года. М.Е.Чехову. Париж. «Дорогой дядя Митрофан Георгиевич, Христос воскрес! Только что вернулся из посольской церкви, где слушал заутреню, и тотчас сел писать это письмо. Церковь в Париже велика, размерами напоминает Митрофановскую, но было тесно и душно. Греки слушают вместе с русскими, да и французов понабилося много. Пели французы. В воскресенье я буду уже дома. Христосуюсь с Вами, обнимаю Вас крепко и прошу передать мое поздравление всем Вашим [П., Т. 4, с. 220–221].

17 мая 1891 года. А.С.Суворину. Алексин. «Я познакомился с неким помещиком Колосовским и нанял в его заброшенной поэтической усадьбе верхний этаж большого каменного дома... Комнаты громадные, как в Благородном собрании, парк дивный с такими аллеями, каких я никогда не видел, река, пруд, церковь для моих стариков и все, все удобства» [П., Т. 4, с. 231–232].

6 августа 1891 года. Ал.П.Чехову. Богимово. «Сейчас 6-й час утра. Батяка пошел в церковь приобщаться...» [П., Т. 4, с. 258].

В начале 1892 года. Чехов покупает небольшое подмосковное имение Мелихово. Антон Павлович переехал туда 5 марта и с первых же дней начинает приглашать к себе друзей и знакомых.

6–7 марта 1892 года. А.С. Суворину. Мелихово. «В четырех верстах от меня монастырь – Давыдова пустынь, куда мы с Вами поедем» [П., Т. 5, с. 17].

6 апреля 1892 года. снова пишет **А.С.Суворину** из Мелихова: «У нас Пасха. Церковь есть, но нет причта. Собрали со всего прихода 11 рублей и наняли иеромонаха из Давыдовой пустыни, который начал служить с пятницы. Церковь ветхая, холодная, окна с решетками, плащаница – это доска в 1 1/2 аршина длиною с тусклым изображением. Пасхальную утреню пели мы, т. е. моя фамилия и мои гости, молодые люди. Вышло очень хорошо и стройно, особенно обедня. Мужики остались предовольны и говорят, что

Вознесенская Давыдова пустынь

никогда служба у них не проходила так торжественно. Вчера во весь день стояло солнце; было тепло. Утром я пошел в поле, с которого уже сошел снег, и полчаса провел в отличнейшем настроении: изумительно хорошо! Озимь уже зеленая, а в лесу травка» [П., Т. 5, с. 46].

В тот же день сообщал Н.М.Линтварёвой: «На Пасху в своей церкви пели утреню и обедню. Из Москвы понаехали гости, которые тоже пели» [П., Т. 5, с. 44].

Позже писатель И.Н.Потапенко вспоминал: «В изданных письмах А.П. часто упоминает о том, что я пел в Мелихове. Это правда. Музыкой и пением были наполнены наши дни. Но в письмах А.П.Чехов стыдливо умолчал о том, что и сам он пел, – правда, не романсы, а церковные песнопения. Им научился он в детстве, когда под руководством отца пел в церкви. У него был довольно звучный басок. Он отлично знал церковную службу и любил составлять домашний импровизированный хор. Пели тропари, кондаки, стихиры, пасхальные ирмосы. Присаживалась к нам и подпевала Мария Павловна, сочувственно гудел Павел Егорович, а Антон Павлович основательно держал басовую партию» [Мелиховский летописец. М., 1995, с. 56]. В письмах из Мелихова, особенно первых лет, мы находим постоянно упоминания о монастыре. **26 апреля 1892 года** в письме писателю В.Н.Тихонову: «Если приедете, съездим вместе к монахам. Около меня монастырь – Давыдова пустынь» [П., Т. 5, с. 57].

10 мая А.И.Смагину: «Поедем в монастырь, будем собирать грибы, которые уже показали» [П., Т. 5, с. 64].

15 мая А.С.Суворину: «В Давыдовой пустыни поднимали колокол. Звонит неважно, глухо; говорят, что разбили. Место, где монастырь, похоже немножко на Святые горы. Прекрасная мельница. От нас 2–3 версты. В монастырских прудах кишмя кишит рыба» [П., Т. 5, с. 67].

29 мая А.С.Суворину: «Соберите Вы все Ваши рукописи, поезжайте в Троицкую лавру и займите там самый лучший номер. Это будет превосходная дача, и не свяжет она Вас. Вифания великолепна. Окрестности лавры тоже. (Вифания – скит близ Троице-Сергиевой лавры. – А.Х.) ...Если я пойдю

Троице-Сергиева лавра

когда-нибудь в монахи (у меня есть склонность к затворничеству), то буду молиться за Вас» [П., Т. 5, с. 69].

По большим праздникам на службу в монастырь часто ездили всей семьёй. А Павел Егорович не только бывал там по праздникам, но часто посещал монастырь и в воскресные службы. В его дневнике, который он вёл в Мелихове, постоянные упоминания монастыря с 1892 по 1898 годы.

А.П.Чехов в письмах упоминал о своём желании посетить монастырь Старый Афон, хотел побывать на Валааме.

15 февраля 1894 года. А.С. Суворину. Мелихово. «Уезжаю в Крым <...> кашель донимает <...> Серьезного пока нет еще ничего <...> Курить я бросил окончательно. <...> В общем, я здоров, болен в некоторых частностях. Например, кашель, перебои сердца...» [П., Т. 5, с. 271,283].

27 марта 1894 года. М.П. Чеховой. Ялта. «Так как мне здесь скучно, то приеду домой, вероятно, раньше, чем в пятницу, на Страстной. 5 апреля я выеду отсюда в имение Кузнецова «Форос», оттуда в Георгиевский монастырь, дня на два, а оттуда домой» [П., Т. 5, с. 285].

Но в Георгиевский монастырь Чехов не заезжал, спешил к празднику вернуться домой, чтобы Пасху встречать вместе с семьёй. В Ялте Чехов написал рассказ «Вечером», позже названный «Студент», который потом назовёт любимым.

10 апреля 1894 года. А.С. Суворину. Мелихово. «...Вы не знаете определенно, куда поедете, то осмелюсь предложить Вам такой план: в начале Фоминой недели, когда уже будет тепло и распустится береза, приезжайте в Москву, и мы, объездивши все местные Новодевичьи, Даниловские, Донские, а также побывав на Воробьевых горах и в Петровском-Разумовском, поедем в Троицкую лавру» [П., Т. 5, с. 288].

15 апреля 1894 года. В.А. Тихонову. Мелихово. «Драгоценный Владимир Алексеевич, прежде всего позвольте похристосоваться с Вашим благородием... Ваш А.Чехов» [П., Т. 5, с. 290].

10 октября 1894 года. Н.М. Линтваревой. Генуя. «...Милан. Здесь я осматривал...собор. Собор так красив, что даже страшно. <...> Теперь в Генуе. Тут тьма кораблей и знаменитое кладбище, богатое статуями. Статуй в самом деле очень много. Изображены в натуральную величину и во весь рост» [П., Т. 5, с. 322].

Летом 1896 года крестьяне Мелихова и рядом находящихся деревень обратились к Антону Павловичу с просьбой о постройке колокольни. В письме **А.С.Суворину** Чехов сообщает **20 июня**: «Строю колокольню. Мужики подписываются на больших листах и прикладывают тусклую грязную печать, а я посылаю по почте» [П., Т. 6, с. 158].

11 июля 1896 года. А.С.Суворину: «Час освобождения моего близок: колокольня уже красится» [П., Т. 6, с. 163].

13 августа 1896 года. А.С.Суворину: «Кончил колокольню. Было освящение школы, и мужики после молебна (который служили три попа) поднесли мне образ, две серебряные солонки и четыре хлеба на блюдах. Один старик говорил речь, говорил очень хорошо. Школа лучшая в уезде» [П., Т. 6, с. 174–175].

Запись А.П.Чехова в дневнике: «4 августа. Освящение школы в Талеже. Талужские, бершовские, дубеченские и щелковские мужики поднесли мне четыре хлеба, две серебряных солонки. Щелковский мужик Постнов говорил речь» [П., Т. 6, с. 502].

1 марта 1897 года. А.С.Суворину: «В Москве, если будет хорошая весенняя погода, съездим на Воробьевы горы и в монастырь» [П., Т. 6, с. 298].

21 апреля 1897 года. И.Л.Леонтьеву (Щеглову). «Пробуду я в Мелихове до сентября 1899 года, ждать Вас к себе буду весь апрель и весь май. Местность у нас некрасивая, унылая, похожа на Ваш трагический почерк, но зато не сыро, не бывает туманов и собаки не злые. Буде пожелаете, поедем вместе в монастырь Давыдову Пустынь – это в 3–4 верстах от нас» [П., Т. 6, с. 335].

23 мая 1897 года. С.А.Петрову (Архимандриту Сергию). «Многоуважаемый отец архимандрит, Вы не можете себе представить, какое хорошее чувство возбудило во мне Ваше письмо. Мы ведь часто вспоминаем о Вас, Вы не чужой, <...> Мне очень хочется повидать и увезти к себе в деревню. В Ваше распоряжение я отдам целый флигель, и если Вы приедете не зимой, а летом, то Вам не покажется скучно. Имение мое плохонькое, но зато окрестности великолепны, и в четырех верстах от нас находится красивая Давыдова Пустынь – туда мы поехали бы вместе к монахам чай пить. Приезжайте, а за это я к Вам в Семипалатинск приеду, когда опять поеду в Сибирь. <...> Если пришлете какое-нибудь поручение, касающееся Вас лично или миссии, то, буде сумею, исполню его скоро и с большим удовольствием» [П., Т. 6, с. 362, 363].

С.А.Петров ответил А.П.Чехову **22 июня**: «...Всему Вашему семейству скажите привет. Если еще бог приведет быть в Москве, непременно заеду

к Вам <...> Вы так любезно предлагаете исполнить какое-либо поручение, касающееся меня лично или миссии. За эти дорогие строки я бы расцеловал Вас <...> Примите поклон до земли в знак благодарности... (Дальше следовал ряд поручений по делам миссии)» [П., Т. 6, с. 657].

Зиму с 1897 на 1898 год А.П.Чехов провёл на юге Франции в Ницце, но мечтал Рождество провести в Мелихове вместе с семьёй. Об этом он сообщал ещё **в сентябре** двоюродному брату **Георгию Митрофановичу**: «Свою маму поблагодари за синенькие и скажи ей, что на Рождество (это очень возможно) я буду в Мелихове и тогда воздам им должное». [П., Т. 7, с. 72].

Но состояние здоровья не позволило Чехову вернуться к Рождеству в Мелихово.

25 ноября 1897 года. М.П.Чеховой: «Не забудь на Рождестве сотскому Григорию дать 1 рубль, священнику, когда придет с крестом, не давать меньше 3 р. (ведь мы, кроме денег, ничего не даём!): узнай, сколько в Талежской школе мальчиков и девочек, и, посоветовавшись с Ваней, купи для них подарков к Рождеству» [П., Т. 7, с. 107].

25 декабря 1897 года. М.В. Киселёвой. Ницца. «Надо начинать с поздравления, так как сегодня Рождество и скоро новый год. <...> Здесь тепло, тихо, ни одного облачка; ходим по летнему, окна у нас настезь. <...> Здесь очень хорошо, но тем не менее все-таки я с удовольствием провел бы Рождество не здесь, а в Бабкине, которое мне так мило и дорого по воспоминаниям» (П., т. 7, с. 132, 133).

25 декабря 1897 года. М.П. Чеховой. Ницца. «Сегодня Рождество (noëlrusse), но это здесь не чувствуется. Поздравляю тебя и всех с новым годом, с новым счастьем». [П., Т. 7, с. 134].

10 февраля 1898 года. М.П. Чеховой. Ницца. «Время бежит быстро, скоро увидимся. Если ничто не задержит, то приеду домой на Пасху или на Страстной [П., Т. 7, с. 171].

16 февраля 1898 года. И.П.Чехову. Ницца. «Скоро вернусь домой. Думаю, что выберусь отсюда уже в конце марта, а март не за горами» [П., Т. 7, с. 171].

28 марта 1898 года. М.П.Чеховой. Ницца. «Насчет своего приезда, после твоего сообщения насчет снега и холода, не могу сказать ничего определенного. Буду продолжать жить здесь, проживу всю Страстную, а потом в Париж. Во всяком случае до среды на Святой неделе адресуйтесь в Ниццу. <...> Сегодня я видел английскую королеву (Королева Виктория была на Ривьере 13 марта – 28 апреля (н. ст. 1898 г.). – А.Х.). В Париже тепло, уже распускаются каштаны; если в России будет очень дурная погода, то придётся прожить в Париже подольше. К Святой буду ещё писать...» [П., Т. 7, с. 193].

1 апреля 1898 года. М.П.Чеховой. Ницца. «Христос Воскрес! Поздравляю всех с праздником и желаю благ земных и небесных. <...> В Париже я пробуду недолго... О дне приезда буду телеграфировать из Варшавы. <...> Видел Феликса Фора (Французский президент был в Ницце с 10 до 18 апреля (н. ст.) – А.Х.). Как вы проводите Пасху? Сошел ли снег? Тепло ли?» [П., Т. 7, с. 195] Пасха в 1898 году приходилась на 5 апреля.

3 апреля 1898 года. В.М. Чехову. Ницца. «Христос Воскрес, милый Володя! Поздравляю тебя и желаю всего самого лучшего» [П., Т. 7, с. 197]. В.М.Чехов учился в духовной семинарии, в г. Ставрополь.

4 апреля 1898 года. А.С.Суворину. Ницца. «Пасху проводил скучно, так как вот уже третьи сутки лупит неистовый дождь. Сыро. Хочется в Россию» [П., Т. 7, с. 197].

16 апреля 1898 года. П.Ф. Иорданову. Париж. «Многоуважаемый Павел Федорович, сегодня я был у Антокольского и сделал, кажется, больше, чем нужно: <...> и во-вторых, получил от Антокольского для нашего будущего музея "Последний вздох", овал из гипса, верх совершенства в художественном отношении. Голова и плечи распятого Христа и чудесное выражение, которое меня глубоко растрогало. Этот подарок будет выслан малою скоростью. Упакут здесь хорошо, и остается только пожелать, чтобы не разбились в таганрогской таможне» [П., Т. 7, с. 200, 201].

27 мая 1898 года. С.А. Петрову (Архимандриту Сергию). Мелихово. «Многоуважаемый Отец Архимандрит, до сих пор еще я не ответил на Ваше последнее письмо и не поблагодарил за книгу «Египет и египтяне», которую Вы прислали мне в ноябре. <...> шлю Вам большое, сердечное спасибо и за письмо, и за книгу, а главное за то, что не забываете. Я и вся семья сохранили о Вас самое хорошее воспоминание, и всякий раз, когда Вы так или иначе подаете о себе весточку, мы испытываем удовольствие – вероятно по той причине, что старый друг лучше новых двух, да и помимо того, помимо старой дружбы, я лично неравнодушен и к настоящему и отношусь к Вашей жизни и к деятельности, избранной Вами, с самым живым интересом. Пожалуйста, напишите, как Вы поживаете, как Ваше здоровье и где Вы теперь. <...> Отец, мать и сестра шлют Вам поклон и привет и приглашают Вас. Буду ждать от Вас письма, а пока позвольте пожелать Вам всего хорошего. Дай бог душевной силы, бодрости и успехов. Крепко жму Вам руку и низко кланяюсь. Ваш А.Чехов» [П., Т. 7, с. 218-219].

8 июня 1898 года. С.С. Татищеву. Мелихово. «Многоуважаемый Сергей Спиридонович! Протоиерей Покровский, о котором я говорил Вам в Париже, несколько недель назад скончался, и таким образом болгарский орден не застанет его в живых. Если Вы еще не писали в Болгарию, то не трудитесь писать. Как бы ни было, я никогда не забуду участия, с каким Вы отнеслись к моей просьбе, и прошу Вас считать меня Вашим должником» [П., Т. 7, с. 220].

9 июня 1898 года. М.П.Чеховой. Мелихово. «Когда будете в монастыре, сходите на Поповку взглянуть, так ли хорош вид, как нам казалось» [П., Т. 7, с. 223].

23 июня 1898 года. В.М. Соболевскому. Мелихово. «Дорогой Василий Михайлович, обращаюсь к Вам с большой просьбой <...> У нас в приходе был священник, о. Николай Некрасов, личность почтенная и заслуженная. Это был симпатичный человек, население его любило, и в земстве считался он одним из лучших законоучителей. За усердие ему дали повышение, перевели его в город, в Серпухов. Но это повышение оказалось не в пользу. Некрасов заболел в городе, чувствует себя там отвратительно и теперь

Георгиевский монастырь

рыдает навзрыд, просится назад, в деревню. Пока не назначили нового священника, его могут перевести опять к нам – и мне кажется, тут мог бы оказать нам протекцию староста Успенского Собора Михаил Абрамович Морозов. <...> Сделайте милость, окажите протекцию; мне так жаль этого бедняка! Я могу дать ему медицинское свидетельство и собрать в его пользу сотни подписей» [П., Т. 7, с. 228].

23 июня 1898 года. М.Ф. Иорданову. Мелихово. «Голову Христа Антокольский оставил у себя на время, чтобы закончить ее» (П., т. 7, с. 230).

4 августа 1898 года. И.Э. Бразу. Мелихово. «Осенью я, кажется, убегу в Крым» [П., Т. 7, с. 248].

12 августа 1898 года. М.О. Меншикову. Мелихово. «Мое здоровье значительно поправилось, но все же осень и зиму придётся не дома. Это досадно, и от мысли, что я должен уехать, у меня опускаются руки, и ничего не хочется делать» [П., Т. 7, с. 253].

8 сентября 1898 года. В.С. Миролюбову. Лопасня. «Сегодня, 9-го, я еду в Москву, оттуда через 2-3 дня в Ялту...» [П., Т. 7, с. 266].

Чехов уехал в Ялту 15 сентября. 17 сентября Чехов в Севастополе, здесь случайная встреча и знакомство с врачом белостокского полка Д.С. Малышевым. Вместе с ним вечером ездил в Георгиевский монастырь, который намеревался посетить ещё в 1894 году. В письме Марии Павловне 23 сентября подробно описывает эту поездку: «В Севастополе в лунную ночь я ездил в Георгиевский монастырь и смотрел с горы на море; а на горе кладбище с

Церковь св. великомученика Федора Тирона в Аутке

белыми крестами. Было фантастично. И около келий глухо рыдала какая-то женщина, пришедшая на свидание, и говорила монаху умоляющим голо-сом: «Если ты меня любишь, то уйди!» [П., Т. 7, с. 276].

О своём посещении монастырей А.П.Чехов всегда писал сестре и потом подробно о них рассказывал ей же. С братом Мария Павловна часто ездила в монастырь Давыдова пустынь. Когда Чехов думал о поездке на Валаам, то хотел взять с собой сестру. Но поездка на Валаам не состоялась.

Меньше чем через месяц после приезда в Ялту Антону Павловичу пришлось снова побывать в Соборе Иоанна Златоуста по очень тяжёлому и печальному для него поводу. 12 октября 1898 года в Москве, в клинике, умер отец Чехова Павел Егорович. Антон Павлович об этом узнал вечером 13 октября из телеграммы, присланной на имя И.А.Синани. На следую-

щий день он был в Соборе Иоанна Златоуста и заказал панихиду – 9-й день приходил на 20 октября. Панихиду служил отец Александр Терновский. Чехов был с ним уже хорошо знаком, они встречались в женской гимназии, где законоучителем был отец Александр, а Чехов был избран членом попечительного совета. На панихиде в храме вместе с Антоном Павловичем были и Виктор Сергеевич Мироллюбов и ялтинские знакомые Чехова.

26 октября 1898 года. М.П.Чехову. Ялта. «Что отца похоронили в Ново-Девичьем, это очень хорошо. Я хотел телеграфировать об этом, но думал, что уже поздно; вы угадали мое желание» [П., Т. 7, с. 312].

15 ноября 1898 года. М.П.Чеховой. Ялта. «Я думаю, что в Ялте никому не будет так удобно, как мамаше. Кухня будет великолепно, удобства американские, вода, подвал, сушильня, звонки, телефон. В Аутской церкви звонят к обедне в 10-м часу. Возле нашей дачи живет извозчик, который будет возить по утрам очень дешево» [П., Т. 7, с. 330].

20 ноября 1898 года. Чехов снова в храме Иоанна Златоуста – 40 дней со дня кончины Павла Егоровича. К этому дню в Ялту из Сум приехали Наталья Михайловна Линтварёва и Елена Ивановна Смагина. Они приехали сюда специально, чтобы разделить с Чеховым его горе. Обе они присутствовали вместе с Антоном Павловичем на панихиде в Соборе Иоанна Златоуста.

18 марта 1899 года. И.И.Орлову. Ялта. «Дорогой Иван Иванович. Кольцов умер, и мы его хоронили в ясный, теплый день на ауткинском клад-

Церковь в Ореанде. Фотография XIX века

бище». Отпевали Кольцова в Храме Успения Пресвятой Богородицы, на отпевании в храме присутствовал Чехов, хоронили Кольцова 7 марта.

Но в храмах писатель бывал не только по причине печальных событий. Уже весной 1899 года Чехов писал сестре: «В Ялте распускаются и цветут деревья. Я каждый день катаюсь <...> Бываю в Ореанде, в Массандре. Катаюсь с поповной чаще, чем с другими, – и по сему случаю разговоров много, и поп наводит справки, что я за человек» (П., т. 8, с. 123). Речь идёт о дочери протоиерея Александра Яковлевича Терновского – Надежде Александровне. Её познакомила с Антоном Павловичем Капитолина Михайловна Иловская, владелица дачи «Омюр», где жил Чехов.

Заботливый Чехов уделял молодой дочке священника больше внимания, чем другим своим ялтинским знакомым. Надежда Александровна за два с половиной месяца до смерти отца Чехова лишилась своей матери – она умерла 2 августа 1898 года. Антон Павлович заезжал за Надеждой Александровной к её дому, который находился рядом с храмом, а после прогулки привозил её к дому, так что в эти дни Чехов часто заходил и в храм. А когда ездили в Ореанду, то вместе бывали в церкви Покрова Божией Матери.

Совместные поездки с Надеждой Александровной в Ореанду нашли своё отражение в рассказе Чехова «Дама с собачкой»: «В Ореанде сидели на скамье недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали. Ялта была едва видна сквозь утренний туман <...> Глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь

так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог его вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства <...> Гуров думал о том, как, в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве» [Соч., Т. 10, с. 133–134].

Весной того же года Чехов часто бывал у академика Никодима Павловича Кондакова, дача которого находилась очень близко от храма св. Иоанна Златоуста на Церковной улице. Несомненно, что Чехов вместе с Н.П.Кондаковым бывал на службе в храме.

8 апреля 1899 года. Чехов уезжает в Москву, чтобы пасхальные дни провести вместе со своими родными. На второй день приезда вместе с Марией Павловной ездил на Новодевичье кладбище на могилу Павла Егоровича.

18 апреля – день Пасхи, Чехов в гостях у О.Л.Книппер. Позже Ольга Леонардовна вспоминала: «Помню солнечные весенние дни, первый день пасхи, веселое смятение колоколов, наполнявших весенние воздух чем-то таким радостным, полным ожидания... И в первый день пасхи пришел вдруг Чехов с визитом, он, никуда и никогда не ходивший в гости...» [Чехов в воспоминаниях современников. М., 1960, с. 689].

Когда Антон Павлович впервые увидел О.Л.Книппер на сцене в роли царицы Ирины (в пьесе А.К.Толстого «Царь Федор Иоаннович»), писал об этом **А.С.Суворину**: «...лучше всех была Ирина. Если бы я остался в Москве, то влюбился бы в эту Ирину». В Москве Чехов не остался, но в Ирину влюбился.

Новодевичий монастырь

Храм Воздвижения Креста Господня на Чистом Вражке

26 апреля 1899 года. К.М.Иловайской. Москва. «В Москве великолепный, изумительный звон. Я получил письмо от архиерея – просит мою фотографию. А я все ещё не снимался» [П., Т. 8, с. 161].

Летом 1899 года Чехов и О.Л.Книппер, сговорившись по письмам, встретились в Новороссийске и морем вместе приехали в Ялту. С 21 июля по 1 августа провели в Ялте. Чехов возил Ольгу Леонардовну по окрестностям, в Ореанде бывали в храме Покрова Божией Матери, сидели на скамье недалеко от храма, слушали море. Эта влюблённость Антона Павловича и послужила поводом для написания рассказа «Дама с собачкой» – такой рассказ мог написать только влюблённый человек. 30 октября рассказ уже был написан и отправлен Чеховым в журнал «Русская мысль».

В 1900 года встречи с Ольгой Леонардовной в Ялте, гостит она в чеховском доме в апреле, в июле и августе.

11 мая 1901 года А.П.Чехов приехал в Москву. 25 мая Антон Павлович венчается с Ольгой Леонардовной в Москве, в церкви Воздвижения Креста Господня на Плющихе. Венчались они у того же священника, который отпевал Павла Егоровича Чехова.

Когда Чеховы жили в Ялте, Мария Павловна, посетив один из крымских монастырей, подробно об этом писала брату 10 июня 1902 года: «Мы всей семьей собираемся в Косью-Демьянский монастырь в трехдневную по-

Косьмо-Демьянский монастырь

ездку. С нами поедут Шенберги, Бонье и Мария Федоровна» [М.П.Чехова. Письма к брату А.П.Чехову. М. 1954, с. 206]. Шенберги – Александр Акимович Шенберг-Санин, режиссер Московского художественного театра и его жена Лидия Стахивевна Мизинова (Лика), близкий друг всей чеховской семьи; Бонье Софья Павловна – вдова ялтинского врача, помогала Антону Павловичу в устройстве в Ялте малоимущих туберкулёзных больных; Мария Фёдоровна Терентьева – учительница Мелиховской школы, приехала на лето к Чеховым, по приглашению Антона Павловича. «Поля и Марьюшка радуются, что поедут в монастырь» [там же, с. 206] Поля – кухарка в доме Чеховых, Марьюшка – бывшая мелиховская кухарка, жившая у Чеховых на покое.

О состоявшейся поездке Мария Павловна сообщала брату: «Поездка в Косьмо-Демьянский монастырь была неудачна: в горах дождь, холод и грязь, мерзли руки и носы. Пришлось ночевать только одну ночь в монастыре, другую – в Алуште, где тоже был дождь хороший, а в Ялте чуть-чуть. Несмотря на неудачу, поездка мне все-таки понравилась. Монастырь симпатичный, оригинальный, кажется, как будто на краю света. У меня даже явилось желание пойти в монастырь – это настоящий монастырь. Стояли у обедни – точно побывали в Художественном театре. Подробности при свидании» [Письма к брату, с. 209].

Держитесь той веры, которой научает нас
Святая Церковь, – веры Евангельской, веры
Христовой, веры апостольской. И спаси вас
Господь Иисус Христос. • Аминь.

*Святитель Лука,
Архиепископ Крымский*

**МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ
УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
СИМФЕРОПОЛЬСКАЯ И КРЫМСКАЯ
ЕПАРХИЯ**

ГРАМОТА

Блажени милостивіи: яко тїи помиловани б҃удутъ
(Мф. 5, 7)

**Выдана в благословение
за усердные труды во славу
Святой Православной Церкви**

Лашиню А.И.

Васильевской

Божией милостью смиренный

+ Козаков

**Митрополит
Симферопольский
и Крымский**

29 месяца *феврале* лета *2008* от Р.Х.

Поездкой в монастырь все были довольны, даже несмотря на дождь и холод, и ещё долго вспоминали эту поездку. Через две недели Мария Павловна снова писала брату: «Мамаша, Поля, бабушка с восторгом вспоминают поездку в монастырь. Я видела, как Поля со слезами молилась» [М., Чехова. Письма к брату, с. 211].

Антон Павлович вместе с Ольгой Леонардовной лето 1902 г. проводил на даче Станиславского в Любимовке. Ольга Леонардовна тяжело болела и приехать в Ялту не могла, Антон Павлович один вернулся в Ялту 16 августа. Мария Павловна подробно рассказала брату о поездке в монастырь и опять с большим восторгом вспоминала подробности этой поездки. Мать Чехова Евгения Яковлевна тоже говорила, что ей очень понравилось в монастыре. Мария Павловна выразила желание побывать ещё раз в Косьюмо-Демьянском монастыре и сказала, что хотела бы пожить там несколько дней, чтобы написать несколько этюдов, ей как художнице понравилось необыкновенное местоположение монастыря среди гор и девственного леса.

Антон Павлович пообещал сестре и матери, как только поправится Ольга Леонардовна, всей семьёй поехать в монастырь. Мария Павловна рассказала брату, что монастырь был мужской и только года три как преобразован в женский. Чехов чаще бывал в мужских монастырях и поэтому с большим интересом желал бы поехать в этот женский монастырь.

Поездку запланировали на лето 1903 года, так как Ольге Леонардовне надо было окрепнуть после болезни. В этот период Чехов работает над рассказом «Архиерей». Ещё 16 марта 1901 г. он сообщал Ольге Леонардовне: «Пишу теперь рассказ под названием «Архиерей» – на сюжет, который сидит у меня в голове уже лет пятнадцать» [П., Т. 9, с. 230].

Вторую половину лета 1903 года Ольга Леонардовна проводила в Ялте, но ещё не совсем оправилась от болезни, чтобы совершить столь длительную поездку по горной дороге на лошадях. Чехов не хотел ехать туда без Ольги Леонардовны. Ему очень хотелось поехать в монастырь всей семьёй. Решили снова отложить поездку на следующее лето. Но, к сожалению, поездка так и не состоялась, летом 1904 года Чехова не стало.

Умер Антон Павлович в Германии: на курорте в Баденвейлере. Похоронили его в Москве, на кладбище Ново-Девичьего монастыря.

САМЫЕ БЛИЗКИЕ

В жизни Антона Павловича Чехова были две самые близкие и дорогие женщины – сестра Мария Павловна и жена Ольга Леонардовна. Как же складывались отношения между ними?

«Я тебе советую поухаживать за Книппер. По-моему, она очень интересна», – писала Мария Павловна брату в Ялту 5 февраля 1899 года, за два с лишним года до его женитьбы на актрисе Московского Художественного театра Ольге Леонардовне Книппер.

М.П.Чехова, 1890-е гг.

А.П.Чехов, 1897 г.

О.Л.Книппер, 1898 г.

Вопрос о том, как складывались отношения между сестрой и женой писателя, между двумя женщинами, самыми близкими и дорогими Антону Павловичу, постоянно возникает у посетителей Дома-музея А.П.Чехова в Ялте. Некоторые даже высказывают категорические утверждения об их недоброжелательных отношениях друг к другу. Так ли это? Жаль людей, которые любят Чехова как писателя и человека, в их неведении или заблуждении по отношению к его близким. Видимо, это происходит по той причине, что немногие могут почитать, хотя бы избранные, письма Ольги Леонардовны и Марии Павловны: тиражи этих изданий очень малы.

Мария Павловна впервые увидела Ольгу Леонардовну на первом спектакле «Чайка» в Художественном театре 17 декабря 1898 года. На второй день она сообщила брату о своём впечатлении: «Актрису, мать Треплева, играла очень, очень милая артистка Книппер, талантливая удивительно, просто наслаждение было ее видеть и слышать». Не прошло и двух меся-

цев, как они познакомились. Молодая актриса, только что закончившая с отличием филармоническое училище, и молодая, но уже довольно опытная учительница гимназии, окончившая Высшие женские курсы Герье, к тому же ещё занимающаяся живописью, – они как-то сразу потянулись друг к другу, и вскоре у них завязывались приятельские отношения, перешедшие к моменту женитьбы Антона Павловича в большую дружбу. Свободное время они проводили вместе, посещали выставки, концерты, иногда ездили погулять за город.

Весной в Москву приехал Чехов, через некоторое время он переезжает в Мелихово. По приглашению Марии Павловны и Антона Павловича несколько дней у них гостит Ольга Леонардовна. На лето она уезжает на Кавказ к своему брату. С этого времени начинается переписка между Марией Павловной и Ольгой Леонардовной (эта переписка, начавшаяся в мае 1899 года, продолжалась постоянно все годы до января 1957 года, лишь с двумя перерывами: в 1921–1922 годах, когда Ольга Леонардовна с группой артистов Художественного театра оказалась отрезанной от России, и с ноября 1941 по апрель 1944 года, когда Мария Павловна осталась в Ялте на временно оккупированной территории).

В сентябре Мария Павловна вместе с матерью уезжает в Ялту, поселяется в только что отстроенном новом доме и сразу же приглашает сюда Ольгу Леонардовну: «Клянитесь, что ваши каникулы вы проведете у нас. Комнат много, и все миленькие, обстановку Чехов завел богатую».

Но только на следующий год Ольга Леонардовна смогла приехать сюда. В начале апреля 1900 года она приезжает вместе с Марией Павловной, гостит в чеховском доме, затем уезжает в Севастополь, где начинались гастроли Художественного театра. Через несколько дней гастроли начинаются в Ялте, и Ольга Леонардовна опять поселяется в доме у Чеховых. Летом того же года она снова гостит в ялтинском доме.

К началу учебного года в Москву уезжает Мария Павловна и через несколько дней сообщает Антону Павловичу: «В квартире у меня стало очень уютно, над этой уютностью мы усиленно старались с Олей. Оля почти поселилась у меня, занимается и часто ночует. Я очень этому рада, мне приятно...».

В начале мая 1901 года в Москву приехал Чехов, а через неделю на летние каникулы в Ялту уехала Мария Павловна. Доктор Шуровский, осмотревший в этот приезд Чехова, настоял на немедленном отъезде Антона Павловича на кумыс. Об этом за 5 дней до венчания сообщал Чехов сестре в Ялту, что «ехать одному скучно», и объяснял все неудобства жизни на кумысе, и как бы в оправдание всего приписал: «Женился бы, да нет при мне документов, все в Ялте в столе». На это письмо Мария Павловна ответила брату: «Позволь мне высказать свое мнение насчет твоей женитьбы... Если тебя любят, то тебя не бросят... Окрутиться же всегда успеешь... Так и передай твоей Книпищиц... Во всяком случае, действуй по своему усмотрению, быть может, я и пристрастна в данном случае». Именно эти строки были той единственной маленькой тенью, пробежавшей между сестрой и женой писателя, которую они тут же рассеяли в своих письмах друг к другу.

А.П.Чехов и О.Л.Книппер на кумысе

После венчания обе они тревожились по поводу своих новых родственных отношений, и обе одинаково боялись, чтобы их дружба не прекратилась.

В день венчания, 25 мая 1901 года, Ольга Леонардовна писала в Ялту Марии Павловне: «Мне ужасно грустно и больно, Маша, что тебя нет со мной в эти дни, я бы иначе себя чувствовала... Не забывай меня, Машечка, люби меня, это так надо, мы должны быть с тобой вместе всегда». В ответ Мария Павловна писала Ольге Леонардовне: «...что, если наши отношения изменятся к худшему – теперь все зависит от тебя. О том, что я тебя люблю и что уже успела к тебе за два года сильно привязаться, ты знаешь... У меня только одно теперь желание – поскорее увидеть вас».

После кумыса Ольга Леонардовна вместе с Антоном Павловичем возвращается в Ялту, все вместе проводят лето в ялтинском доме и в Гурзуфе, **3 августа 1901 года** Чехов сообщал **В.М.Лаврову**: «Маша и супруга моя в Гурзуфе».

С сентября Ольга Леонардовна и Мария Павловна живут в Москве вместе в одной квартире. Всё это свидетельствует о том, что никаких недо-

А.П.Чехов и О.Л.Книппер

О.Л.Книппер-Чехова и М.П.Чехова

разумений между ними не было. Все годы жизни Антона Павловича они были очень доброжелательны друг к другу, заботливы и внимательны – всё это нашло отражение в их переписке. Так же все осталось и после смерти Антона Павловича.

В те редкие месяцы, когда они жили не вместе, вели переписку. В этих письмах сохранилось много ценных сведений об Антоне Павловиче, он постоянно присутствовал в их жизни и в письмах.

С осени 1946 года автору этих строк выпало большое счастье на протяжении многих лет общаться с сестрой и женой писателя.

Ольга Леонардовна обычно каждое лето приезжала в Ялту, почти всегда к 15 июля (день памяти Антона Павловича). Как трогательны были их встречи! Мария Павловна с волнением готовилась к приезду Ольги Леонардовны, часто спускалась вниз, чтобы посмотреть, всё ли сделано в её комнате, чтобы ей было хорошо и удобно отдыхать. В день приезда Мария Павловна особенно тщательно выбирала, какое надеть платье, чаще обычного поправляла причёску перед зеркалом. Заранее выходила во двор, чтобы встретить Ольгу Леонардовну у калитки. При встрече всегда при-

**М.П.Чехова с сотрудниками Дома-музея.
Алла Васильевна сидит на переднем плане 1953 г.**

существовали экскурсанты, что очень смущало и Марию Павловну, и Ольгу Леонардовну.

Кончался рабочий день в музее. Начинались бесконечные воспоминания. Весь режим жизни чеховского дома становился таким, как когда-то при жизни Антона Павловича. Обедали внизу в столовой. Мария Павловна каждый день спускалась вниз из своей комнаты на третьем этаже, что она в последние годы делала не часто. В это время экскурсанты чаще всего встречались с хозяйкой чеховского дома, беседовали с ней. После обеда Мария Павловна ещё некоторое время оставалась внизу у Ольги Леонардовны, а вечером Ольга Леонардовна поднималась в её комнату.

В эти месяцы сюда приезжали артисты Художественного театра, писатели, художники, музыканты. Чаще всех бывал Иван Семёнович Козловский. В доме звучали музыка, пение. Как интересно в эти вечера было наблюдать за Марией Павловной и Ольгой Леонардовной! Мне казалось, что в этот момент я переносилась в другой мир. Ольга Леонардовна читала рассказы Чехова, чаще других звучали «Дама с собачкой», «Злой мальчик», «Дом с мезонином». Очень любила она рассказ «Студент». А как замечательно Ольга Леонардовна читала Пушкина! Теперь, когда всё это я слушаю в исполнении других артистов, у меня в памяти всегда звучит голос О.Л.Книппер-Чеховой, её особые интонации, её особое умение донести до вас всю глубину произведения. Мария Павловна в этот момент сидела притихшая, и только иногда слёзы блестили у неё на глазах.

Из Ялты Ольга Леонардовна уезжала в Гурзуф, каждый день откладывая отъезд, боясь огорчить Марию Павловну. На несколько дней в Гурзуф приезжала Мария Павловна, и тогда в честь её приезда там устраивался настоящий праздник. В 1953 году Ольга Леонардовна последний раз приезжала в Ялту. В тот год, 14 июля, состоялось открытие памятника А.П.Чехову в Приморском парке, где присутствовали сестра и жена писателя. А 12 августа в городском театре имени Чехова было очень торжественно отмечено 90-летие со дня рождения Марии Павловны. Осенью Ольга Леонардовна заболела, её увезли в Москву и запретили приезжать в Крым. Теперь они обменивались только письмами и изредка общались по телефону. Очень тосковали друг без друга и мечтали о встрече, которой, увы, уже не суждено было осуществиться.

31 декабря 1956 года Ольга Леонардовна послала Марии Павловне телеграмму: «Машенька, обнимаю тебя, целую и шепчу на ухо нежные ласковые слова к Новому году».

В первых числах января 1957 года Мария Павловна писала: «Дорогая моя, родная Олечка, я безумно по тебе соскучилась. Хочу тебя видеть, говорить без конца... весной приезжайте обязательно...».

Но 15 января Марии Павловны не стало, а 22 марта 1959 года ушла из жизни и Ольга Леонардовна.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОДА ЧЕХОВЫХ И СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

1. Протоиерей Василий Дмитриевич Бренёв (1875–1943).

Родился (предположительно) на Кубани в станице Березанская, рано остался сиротой, был усыновлен своим дядей Николаем Алексеевичем Бренёвым.

Учился в Екатеринославской семинарии.

1897 – псаломщик и учитель церковно-приходской школы Екатеринославской епархии.

1899 – женился на Александре Митрофановне Чеховой.

1900 – священник Екатеринославской епархии.

31 августа 1901 – в г. Таганроге родился сын Игорь.

27 апреля 1903 – был в гостях у А.П.Чехова в Москве. Остановливался у И.П.Чехова. По словам А.П.Чехова произвёл на всех очень хорошее впечатление.

16 августа 1903 – с женой, сыном Игорем и сестрой жены (Еленой Митрофановной Чеховой) едет в Закаспийский край в г. Мерв на место священника 6-го Закаспийского стрелкового батальона. Этому назначению содействовал А.П.Чехов.

1905–1907– исполняющий обязанности благочинного церковью Ферганской области.

1907 – благочинный над дух. военных церковью Мервского района.

29 октября 1907– награждён скуфьей.

1910 – священник 13-го Туркестанского стрелкового полка.

15 сентября 1912 – священник линейного корабля «Иоанн Златоуст».

Василий Дмитриевич Бренёв

В связи с этим назначением семья переезжает в Севастополь.

12 декабря 1913 – священник 50-го пехотного Белостоцкого полка.

6 мая 1914 – по ведомству о. Протопресвитера награждён камилавкою.

1915 (весна) – 50-й Белостоцкий полк оказался в окружении после прорыва фронта частями армии Макензена на р. Сан. О. Василий поднял остатки полка в штыковую и вывел из окружения 400 человек солдат вместе со знаменем полка, кассой и 2-мя пушками. Во время этих боёв о.Василий был контужен.

21 мая 1915 – за отличия во время военных действий награждён золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте из Кабинета его Императорского Величества.

27 мая 1915 – за отличия во время военных действий награждён орденом св. Анны 3-й степени с мечами.

8 июня 1915 – временное исправление должности благочинного 13-й пехотной дивизии.

15–20 июня 1915 – возведён в сан протоиерея.

2 июля 1915 – награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами.

1–11 июля 1917 – избран помощником делегата от военно-морского духовенства на Церковный Собор 15 августа 1917 года в Москве.

1920–1930-е – священник в Севастополе.

В Севастополе семья жила по адресу: Малая Морская, д. 13, кв. 1. В 1930 году переезжает вместе с женой в Симферополь, похоронены на Симферопольском кладбище.

2. Капитан 1-го ранга Игорь Васильевич Бренёв (1901–1982).

Игорь Васильевич Бренёв

Сын В.Д.Бренева и А.М.Чеховой.

Учёный в области радиотехники (УКВ, магнетроны, радиолокация, радиосистемы и др.), профессор ВМА и ЛЭТИ в Ленинграде, автор более 120 научных работ. Написал ряд книг по истории радио («Изобретение радио А.С.Поповым» (1965), «Начало радиотехники в России» (1970) и др.). Отстаивал приоритет А.С.Попова в изобретении радио.

Родился 31(18) августа 1901 года в г.Таганроге.

16 августа 1903–1912 – жил с родителями в г. Мерв в Закаспийском крае.

1912–1919 – учился в Константиновском реальном училище (КРУ) в Севастополе. 1919–1921 – учился на физико-математическом факультете Таврического университета, на одном курсе с И.В.Курчатовым.

1921–1928 – преподаватель и зав. учебной частью в школах Учебного отряда Черноморского флота.

1928 – переводится в Ленинград.

1933 – окончил Военно-морскую академию по Отделу связи факультета военно-морского оружия.

1928–1938 – старший техник, инженер, старший инженер и начальник отделения в Научно-техническом Комитете ВМС РККА, на Научно-испытательном полигоне связи НТК ВМС РККА и в Научно-исследовательском морском институте связи (в Ленинграде).

1938–1939 – преподаватель Военно-морского училища связи им. С.Орджоникидзе.

1939–1945 – штатный преподаватель Военно-морской академии (в Ленинграде)

1942 – кандидат технических наук.

1943 – доцент по кафедре «Радиотехника».

1945 – член КПСС.

1945–1960 – начальник кафедры Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А.Н.Крылова (в Ленинграде).

1960 – май 1967 – начальник кафедры Военно-морской орденов Ленина и Ушакова академии (в Ленинграде).

1960 – профессор по кафедре «Радиолокационные средства».

Май 1967 – уволен в отставку по возрасту с правом ношения военной формы одежды.

Май 1967 – 1 сентября 1971 – профессор кафедры Военно-морской орденов Ленина и Ушакова академии по вольному найму.

30 сентября 1971 – профессор кафедры «Радиосистемы» в ЛЭТИ им. В.И.Ульянова (Ленина). До этого преподавательскую работу в ЛЭТИ вёл с 1930 по 1941 года, читая курс «Ультракоткие волны», и с 1945 по 1960 год, читая курсы по радиолокационной специальности.

3 марта 1982 – умер в Ленинграде.

Правительственные награды: орден Ленина, два ордена Красного Знамени, орден Знак Почета и восемь медалей. Награждён Министром связи СССР нагрудным знаком «Почетный радист» (1948), Академией наук СССР юбилейной медалью и нагрудным юбилейным знаком в честь 100-летия со дня рождения изобретателя радио А.С.Попова (1959).

Почётный член Научно-технического общества радиотехники, электроники и связи им. А.С.Попова (1963). Председатель Ленинградского областного правления Научно-технического общества радиотехники, электроники и связи им. А.С.Попова (с 1961 г.), член Центрального правления НТОРЭС им. А.С.Попова, председатель Исторической комиссии при Президиуме Центрального правления НТОРЭС им. А.С.Попова.

3. Александра Митрофановна Чехова (Бренёва) (1877–1954).

Жена В.Д.Бренёва, двоюродная сестра А.П.Чехова.

Александра Митрофановна «при содействии А.П.Чехова окончила ремесленную школу в Москве, служила учительницей рукоделия, потом вышла

Александра Митрофановна Чехова (Бренёва)

замуж за священника В.Д.Бренева. Разделила с ним тяготы жизни в Закаспийском крае, а в 20-е годы – участь людей духовного звания».

31 августа 1901 – в г. Таганроге родился сын Игорь.

В Мерве жила семья сестры Владимира Митрофановича Чехова – Александры Митрофановны, по мужу Бренёвой, о которой В.М.Чехов сообщал в письме от 21 августа 1903 года: «Вася, Саша, Леля и Игорь уехали 16 августа в Мерв, <...> по-видимому, с удовольствием едут в Закаспийский край».

1920 год – «Двоюродная сестра Антона Павловича, Александра Митрофановна Чехова, в замужестве Бренева, жила с мужем в Севастополе. Там же она пережила революцию. Однажды, в отсутствие мужа, она услышала у крыльца их дома какой-то бурный разговор, крики, потом сильный выстрел. Когда все затихло, она открыла входную дверь и увидела, что на крыльце лежит расстрелянный

человек. Она потеряла сознание и от потрясения лишилась памяти, так и не восстановившейся до конца жизни. В 1954 году она умерла».

Автору этих строк, работающему в Доме музея А.П.Чехова в Ялте с октября 1946 года, довелось встретиться с И.В.Бренёвым в 1947 году. Нас познакомила Мария Павловна Чехова, у которой Игорь Васильевич часто гостил в Ялте. Между нами сложились очень дружеские отношения, что доставило большую радость М.П. И, конечно же, это была большая радость и для меня. В 1955 году мы вместе совершили очень интересную экскурсию в Сурожскую крепость. Мы по научному совершали эту экскурсию. У меня сохранилась книжка о Сурожской крепости с автографом И.В.Бренёва. Позже по его приглашению в 1956 году я гостила у него в Ленинграде почти месяц, и тоже у меня остался его автограф на ленинградской книжке «Набережные Невы»: «Дорогой Алле о Ленинграде на память. И.В.Бренев. 20.11.1956 г.». Общались очень часто во время его приездов в Чеховский дом до конца его дней в 1982 году. У него осталась дочь Ирина Игоревна.

УЧАСТНИКИ КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ЧЕХОВСКОМ ДОМЕ

Исполнилось 60 лет со дня проведения в Ливадийском дворце знаменитой Крымской (Ялтинской) конференции глав государств антигитлеровской коалиции. Многие из именитых гостей и участников исторической встречи побывали тогда и в ялтинском Доме-музее А.П.Чехова.

В дом Чехова, после его кончины в 1904 году, стали приходить поклонники таланта писателя и просили его сестру Марию Павловну показать комнаты, где жил и работал Чехов.

Желающих посмотреть дом становилось всё больше, и Мария Павловна, которая для себя и своих близких хранила в неприкосновенности кабинет и спальню писателя, стала пускать туда посетителей – так дом писателя постепенно становился музеем.

Ялтинский Дом-музей А.П.Чехова

У Марии Павловны появляется книга для записей впечатлений. Первую запись в ней сделала артистка Александрийского театра М.Г.Савина в 1911 году: «Поклонилась уголку незабвенного Антона Павловича».

Со временем в книге появлялись всё новые и новые записи: писателей, артистов, художников, политических деятелей, и несколько позже она получила название «Книга почётных посетителей». Последняя запись в ней сделана в 1975 году. После смерти Марии Павловны эту книгу хранят в музее как ценный экспонат.

По записям в книге можно проследить историю нашего города, событий, происходивших в стране и в мире. Нашли отражение на её страницах и события Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года.

Самая первая запись была сделана 30 января 1945 года. Она принадлежит дочери посла США в СССР Аверелла Гарримана, сопровождавшей своего отца на Крымскую конференцию, – Кэтлин Гарриман.

Запись на английском языке: «С большой благодарностью за приятный визит – Кэтлин Гарриман. 30 янв. 1945 г.». Вместе с ней в этот день здесь побывали и её спутники, фамилии которых написаны неразборчиво, – читаются только имена: Рональд и Эдвард. Из этих записей можно сделать вывод, что за несколько дней до прибытия глав великих держав их представители уже были в Ялте.

Во время напряжённой работы Крымской конференции некоторые её участники также смогли побывать в чеховском доме.

3 февраля заместитель наркома иностранных дел СССР И.М.Майский записал в книге: «С большим волнением я побывал в этом доме, где жил А.П.Чехов и где написано столько замечательных произведений, которые неотъемлемым живым элементом вошли с детства в моё сознание. Доброе дело сделали Вы, Мария Павловна, сохранив этот памятник об А.П.Чехове во время германской оккупации.

3.2.45 И.Майский».

А другой замнаркома иностранных дел СССР С.И.Кавтарадзе написал: «Хочу оставить в этой книге след в знак великой любви моей родины – Грузии – к великому художнику жизни А.П.Чехову.

3.2. Кавтарадзе».

7 февраля музей посетили другие члены советской делегации. Они выразили Марии Павловне «большое спасибо русского человека».

10 февраля в книге сделаны записи (неразборчиво) пяти гостей на английском языке. Вместе с ними был известный режиссёр Сергей Герасимов, который вёл съёмки кинофильма о Крымской конференции. В книге он написал: «Я мечтаю сделать кинокартину, хоть в малой мере достойную памяти, вечно живого для русского человека Антона Павловича.

Серг. Герасимов».

Последняя запись была сделана участниками конференции 11 февраля 1945 года.

ПО СЛЕДАМ ОДНОЙ ЗАПИСИ

В «Книге почётных посетителей» Дома – музея А.П.Чехова в Ялте меня заинтересовала запись на английском языке, сделанная 26 апреля 1945 года. Кто же из иностранцев побывал в Ялте буквально за несколько дней до окончания войны? Туристов иностранных в те времена, естественно, не было. Не могла эта запись относиться и к участникам Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года, т. к. конференция закончилась 12 февраля, и все её участники уехали из Крыма.

Английского языка я не знаю, но подпись и без перевода прочитала и поняла, кому принадлежит. Перевод с английского языка на русский здесь и далее для моей статьи сделаны профессором Питером Генри (Англия). Запись в книге привожу полностью:

In this little intimate house are lovingly gathered the earthly possessions of a Genius. Time and space vanish and I imagine that I have known him. Then I am in the crowded theatre in London where the audience knows every phrase and considers every reflection of meaning. So, for a moment the terrible convulsions of mankind cease, and we are in the presence of Thought, and of the power of Mind over Matter.
Clementine S. Churchill
April 26th 1945

Запись Клементины Черчилль в «Книге почётных гостей» Дома-музея А.П.Чехова. 26 апреля 1945 г.

«В этом небольшом интимном доме любовно собраны земные реликвии Гения. Исчезает время и пространство, и я представляю, что знала его... Тогда мысленно я в Лондоне в переполненном театре, где публика ловит каждую фразу и обдумывает каждую модулирующую смыслом.

Так, на мгновение отступают на задний план страшные конвульсии человечества, и мы находимся в присутствии Мысли и власти Ума над Материей... Клементина С.Черчилль.

Апрель 26-го 1945 г.»

Уинстон Черчилль.
Премьер-министр Великобритании

Клементина Черчилль (1885–1977) в годы войны, после назначения в 1940 году Уинстона Черчилля Премьер-министром Великобритании, приняла активное участие в общественной и политической жизни страны.

Крупнейшей из общественных кампаний «Помощь России» стал «Фонд Красного Креста помощи России», открывшийся в сентябре 1941 года. Клементина Черчилль была Президентом этого фонда, который продолжал работать до 1946 года. У неё были частые деловые встречи с нашим послом И.М.Майским и его женой Агнесой (И.М.Майский был послом в Великобритании до 1943 года).

Фонд Красного Креста под руководством Клементины Черчилль оказывал огромную помощь России – медикаментами, медицинским оборудованием большого количества госпиталей, продуктами питания и многим другим.

Клементина Черчилль с очень большой симпатией относилась к нашей стране. Уинстон Черчилль, когда-то раньше, не слишком хорошо относился к России, но под влиянием своей жены его отношение к России намного улучшилось.

В марте 1945 года по приглашению Советского Красного Креста Клементина Черчилль приехала в СССР. В Москве у неё была встреча с представителями Красного Креста. Затем она побывала в городах нашей стра-

ны, которые особенно сильно пострадали во время войны. Она посетила Ленинград, Сталинград, Ростов-на-Дону, Одессу, Кисловодск, Пятигорск и другие города. Побывала во многих госпиталях, встречалась с ранеными.

Находясь в СССР, Клементина Черчилль была своего рода полуофициальным послом и посредником между Англией и Россией. После приёма у Наркома иностранных дел СССР В.М.Молотова и частной домашней встречи с ним она посылает своему мужу телеграмму, в которой сообщает: «Молотов упомянул нынешние трудности, но утверждал, что они пройдут и англо-советская дружба останется» [1].

В ответной телеграмме Черчилль писал: «Прошу, пожалуйста, всегда говори о моем серьезном желании продолжения дружбы английского и российского народов и о моем решении усиленно работать для этого».

6 апреля 1945 года на заседании президиума исполкома Советского Красного Креста она была награждена отличительным знаком службы Красного Креста. 8 апреля аудиенция у И.В.Сталина.

Клементина Черчилль довольно долго пробыла в Советском Союзе, проделав большую работу. Представители Советского Красного Креста предложили ей четыре дня отдыха в Крыму. Приехала она сюда 24 апреля, побывала в разрушенном Севастополе.

Остановиться на отдых ей предложили в Алупке в Воронцовском дворце, она попросила, чтобы её поселили в той же комнате, где во время Крымской конференции жил Уинстон Черчилль. И вот в эти 4 дня отдыха в Крыму она побывала в «Артеке», в Никитском Ботаническом саду и 26 апреля посетила дом Антона Павловича Чехова, встретившись с его сестрой Марией Павловной. 27 она выехала в Одессу, а затем в Москву, где и встретила день Победы.

9 мая Клементина Черчилль выступает по московскому радио с посланием Уинстона Черчилля к Сталину: «Я твердо убежден, – говорится в его послании, – что от дружбы и взаимопонимания между британским и российским народами зависит будущее человечества».

11 мая Клементина Черчилль пишет И.В.Сталину прощальное письмо, приведу только одну фразу из этого письма: «Я считаю себя счастливой, находясь в Вашей стране в эти дни Победы, увидев в Москве восход солнца Мира».

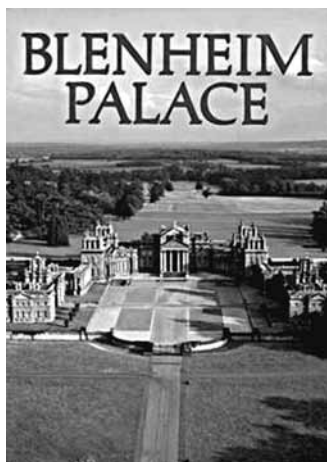
Возвратившись в Англию, летом того же 1945 года она пишет книгу «Моё посещение России». Здесь она упоминает о своём пребывании в Крыму и о посещении дома Чехова. Мне хотелось узнать реакцию Марии Павловны Чеховой на это посещение. В 50-х годах, работая в Москве, в архиве с письмами Марии Павловны, я нашла несколько строк о встрече её с Клементиной Черчилль в письме к Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой 30 апреля 1945 года. «О посещении нашего музея, – писала Мария Павловна, – могу рассказать тебе только при свидании, дело касается Леди Черчилль – этой очаровательной и замечательной женщины. Я поднесла ей букетик фиалок из нашего сада и том рассказов Чехова последнего издания».

Меня заинтересовало, какую же книгу Мария Павловна подарила Клементине Черчилль и какую надпись на ней сделала. Вероятно, подарен был том 20-томного собрания сочинений Чехова, который вышел в 1944 году. Это и было тогда последнее издание.

Летом 1996 года мне представилась возможность побывать в Англии в Бленхеймском дворце, недалеко от Оксфорда, где родился Уинстон Черчилль, где он впервые в 1904 году встретился с Клементиной, и где в 1908 году состоялась их свадьба. Там была открыта большая выставка, посвящённая Черчиллю. Я решила её посмотреть, чтобы понять, где и как мне искать книгу Чехова. Не буду подробно рассказывать об этой большой и очень интересной выставке (масса фотографий, различных документов и реликвий, принадлежавших самому Черчиллю, а также мемориальная комната, в которой он родился и провел детские годы).

После того, как я осмотрела дворец в Бленхейме и прекрасную библиотеку герцогов Мальборо (кстати, там живет 11-й герцог Мальборо), я поняла, что здесь не может храниться скромная книга А.П.Чехова. Тогда я решила, что лучше всего сделать письменный запрос в эту библиотеку, чтобы иметь какие-то документы, а не просто разговоры лично по телефону. Ответ на письмо пришёл незамедлительно. Цитирую часть этого письма: «...К сожалению, выше названной книги в Бленхеймском дворце нет. Да, и нет конкретных оснований, чтобы она находилась здесь. Скорее всего

книга находится в одной из следующих коллекций, – (И далее приводятся пять различных адресов куда следует обратиться. – А.Х.), – ... Запросы, обращенные к этим лицам, могут быть плодотворными. Я сожалею, что мы не можем оказать Вам помощь, но желаем удачи в ваших поисках.

Искренне Ваш Джон Форстер, директор библиотеки герцогов Мальборо».

После этого мы позвонили по некоторым указанным адресам, но, к сожалению, положительных ответов не было. Письменно я решила обратиться только по одному адресу, к дочери Уинстона и Клементины Черчилль – леди Мери Соумз, она биограф своей матери.

Ещё до поездки в Бленхейм, в библиотеках Оксфорда и Лондона, я просмотрела книги, написанные самой Клементиной Черчилль, и книги о ней, и в частности книгу, написанную её дочерью Мери Соумз.

Письмо от неё пришло довольно скоро. Привожу полный текст её ответа: «Спасибо за Ваше письмо от 5-го сентября. Сегодня утром я провела довольно много времени, просматривая свои книжные полки, которые находятся у меня на хранении. К великому сожалению, я вынуждена сообщить Вам, что оказалось невозможным обнаружить ту книгу, которую мадам Ханило хочет посмотреть и о которой она хотела бы, по крайней мере, иметь сведения. Я распоряжаюсь остаточными архивами бумаг матери и отдельными дарственными книгами, которые ей были подарены в разные времена, по тому или другому случаю: но я не могу найти эту книгу, которая ей была подарена по случаю ее посещения Чеховского музея в Ялте.

Моя мама высоко ценила те памятные подарки, которые она получила во время своей поездки в Советский Союз в апреле 1945 года, и действительно несколько из них вошли в коллекцию, помещенную в прежнем доме моих родителей в Чартуэлле, который теперь находится на попечении Национального треста. Ряд книг был передан мне после смерти матери в 1977 г., но у меня нет книги рассказов Чехова с дарственной надписью. Не исключено, что когда-то она подарила как интересный подарок эту книгу какому-то другому члену семейства.

Таким образом, я очень огорчена тем, что вынуждена разочаровать Вас, но, к сожалению, я не могу еще что-нибудь сделать в этом вопросе.

Искренне Ваша Мери Соумз».

И в заключение мне хочется сказать, что на этом мои исследования не закончились, и я продолжаю поиск чеховской книги, которая по всей вероятности хранится у кого-то в Англии, и надеюсь, когда-нибудь отыщется.

Здесь и далее текст телеграмм и выдержки из писем
приведены из книги:

1. Clementine Churchill. By her daughter Mary Soames. Cassell. London. 1979.

In the footsteps of one record

I was interested in one comment left in the "Book of Honorable Visitors" of the A.Chekhov House Museum in Yalta. It was written in English and dated April 26, 1945. What foreigners visited Yalta just a few days before the end of the war? Obviously there were no foreign tourists in those days. This entry could not belong to the participants of the Crimean (Yalta) conference of 1945, as well. The conference ended on February 12 and all participants left Crimea by that time.

I don't know English, but author of the comment was evident for me without any translation. Full translation from English to Russian for my article has been done by Prof. Peter Henry. Below you can find the full version of the comment:

"In this intimate house are lovingly gathered the earthly possessions of a Genius.

Time and space vanish and I imagine that I have known him. Then I am in the crowded theater in London where the audience knows every phrase and considers every inflection of meaning.

So, for a moment the terrible convulsions of mankind recede, and we are in the presence of Thought, and of the power of Mind over Matter.

*Clementine S. Churchill
April the 26th 1945"*

Agnes (I.M.Maisky was Ambassador to the United Kingdom until 1943).

It was the wife of Sir Winston Leonard Spencer-Churchill, who was Prime Minister of the United Kingdom that time and participated in the Crimea conference of 1945. His daughter Sarah was together with him, but his wife Clementine Churchill was not there during the conference. And yet, why did she come to Crimea and to the Chekhov's house in April 1945?

Clementine Churchill (1885–1977) during the war years, after the appointment of Winston Churchill as Prime Minister of the Great Britain in 1940, took an active part in the public and political life of the country.

The largest among the public campaigns "Aid to Russia" was the "Red Cross Aid to Russia", founded in September 1941. Clementine Churchill was the President of this fund, which continued to work until 1946. She had frequent business meetings with Russian Ambassador I.M.Maisky and his wife

The Red Cross Foundation, led by Clementine Churchill, provided immense assistance to Russia with medicines, medical equipment for hospitals, food and many others.

Clementine Churchill was very sympathetic to our country. At early times Winston Churchill did not treat Russia very well, but later his attitude toward ussia has greatly improved under the Clementine's influence.

In March 1945, at the invitation of the Soviet Red Cross, Clementine Churchill came to the USSR. In Moscow she had a meeting with representatives of the Red Cross. Then she visited the cities of our country, which were especially badly affected during the war. She visited Leningrad, Stalingrad, Rostov-on-Don,

Odessa, Kislovodsk, Pyatigorsk and other cities. Visited many hospitals, met with the wounded people.

While in the USSR, Clementine Churchill was sort of semi-official ambassador and mediator between the UK and Russia. After reception by the People's Commissar for Foreign Affairs of the USSR, V.M. Molotov, and a private meeting at his house, she sent a telegram to her husband saying: "Molotov mentioned the current difficulties, but claimed that they will pass and the UK-Soviet friendship will remain" [1].

In his reply Winston Churchill wrote: "Please, always tell about my serious desire to continue the friendship between the UK and Russian peoples and my willing to work hard for this".

April 6, 1945 at a meeting at the Presidium of the Executive Committee of the Soviet Red Cross she was awarded a distinctive sign of the Red Cross. An audience with I.V. Stalin happened on April 8.

Clementine Churchill spent quite a long time in the Soviet Union, having done a great job. Representatives of the Soviet Red Cross offered her four days of rest in Crimea. She arrived here on April 24 and visited ruined Sevastopol.

She was offered to spend vacation in Alupka in the Vorontsov Palace. She asked to be placed in the same room where Winston Churchill lived during the Crimean Conference. During these 4 days of her rest in Crimea, Clementine visited Artek, Nikitsky Botanical Garden and Anton Chekhov house museum on April 26, where she met Chekhov's sister Maria. On the 27th she went to Odessa and then to Moscow, where she met the Victory Day.

On May 9, Clementine Churchill speaks on the Moscow radio with a message from Winston Churchill to Stalin: "I am firmly convinced," he says, "that the future of mankind depends on friendship and understanding between the British and Russian peoples".

On May 11, Clementine Churchill wrote a farewell letter to I.V. Stalin. I will give only one sentence from this letter here: "I consider myself happy, being in your country during these days of Victory, seeing in Moscow the sunrise of the Peace".

After return to the UK in the summer 1945 Clementine wrote the book "My visit to Russia". There she mentioned her stay in Crimea and her visit the house of Chekhov. I wanted to know the reaction of Maria Chekhova to this visit. In the 1950's, while working in the archive (in Moscow) with the Maria's letters, I found several lines about her meeting with Clementine Churchill in a letter to Olga Knipper-Chekhova written on April 30, 1945. "About visit of our museum," wrote Maria, "I can tell you only in person. It concerns Lady Churchill – so charming and wonderful woman. I presented her a bouquet of violets from our garden and a volume of Chekhov's latest edition".

I was curious about what kind of book Maria Chekhova gave to Clementine Churchill and what inscription she wrote there. Probably, it was one of the 20 volumes of complete works of Chekhov published in 1944. It was the last edition at that time.

In the summer of 1996 I had the opportunity to visit England and Blenheim Palace, near Oxford, where Winston Churchill was born, and where he met Clementina for the first time in 1904, and where they got married in 1908. A large exhibition dedicated to Winston Churchill was opened there. I decided to view the exhibition in detail in order to find the Chekhov's book. I will not go into the details of this large and very interesting exhibition (a lot of photos, various documents and relics belonged to Churchill himself, as well as the memorial room where he was born and spent his childhood).

After I examined the Blenheim Palace and the beautiful library of the Dukes of Marlborough (by the way, the 11th Duke of Marlborough lives there), I realized that the little book of Anton Chekhov can not be kept here. Then I decided to send a written request to this library to have some documented reply instead of just a phone conversation. The answer to my letter came immediately. I quote part of this letter: "...Unfortunately, there is no above mentioned book in the Blenheim Palace. And there is no concrete reason for it to be here. Most likely the book is in one of the following collections (and then five different addresses to refer were given). ...The inquiries addressed to these persons can be fruitful. I'm sorry we can not help you, but we wish you good luck in your search.

*Yours sincerely,
John Forster,
Director of the Library
of the Dukes of Marlborough".*

After that we called some of the addresses, but unfortunately there were no positive answers. I decided to write only to the daughter of Winston and Clementine Churchill – Lady Mary Soames, she is the biographer of her mother.

Even before the trip to Blenheim, in the libraries of Oxford and London I looked through the books written by Clementine Churchill herself and books about her, and in particular a book written by her daughter Mary Soames.

The letter from her came pretty soon. I quote the full text of her reply: "Thank you for your letter of September 5th. This morning I spent quite a lot of time looking through the bookshelves, which are in my possession. To my great regret, I have to inform you, that it was impossible to find the book that Madame Hanilo wants to see and about which she would like, at least, to have information. I manage the residual archives of the mother's papers and individual gift books that she was given at different times, on this or that occasion. But I can not find this book that was presented to her on the occasion of her visit to the Chekhov Museum in Yalta.

Thus, I am very upset that I have to disappoint you, but unfortunately I can not do anything else in this matter.

Yours sincerely, Mary Soames".

In conclusion, I want to say that this is not the end of my research. I continue to search for the Chekhov book, which probably is kept by someone in the UK, and I hope one day will be found.

The text of telegrams and excerpts from letters are given from the book:

1. Clementine Churchill. By her daughter Mary Soames. Cassell. London. 1979.

Angelina (Alla) Hanilo.

Honored Worker of Culture of the Autonomous Republic of Crimea, Laureate of the A. Chekhov prize, Leonido da Vinci's Medal, Medal for the Honor and Dignity of the Crimean Museum Worker, Member of the Union of Russian Writers, Honorary Citizen of Yalta, Order of the "Peacemaker" of the II degree, Laureate of the title "For excellent work" in Ministry of Culture of the USSR (1971, 1977 and 1991).

Письмо королеве Великобритании

*Her Majesty The Queen
Buckingham Palace
London SW1A 1AA
United Kingdom*

Her Majesty!

Я всю жизнь проработала в Доме-музее А.П.Чехова в Ялте и в моей памяти встает образ прекрасных взаимоотношений между Великобританией и Россией. Их виновницей является Clementine Churchill, которая была у нас в Музее 26 апреля 1945 года и оставила в книге посетителей замечательный отзыв. (Подробнее в прилагаемой статье.)

9 мая, перед отъездом в Англию, она выступила по радио с посланием Sir Winston Churchill к Сталину в котором говорилось: «Я твердо убежден, что от дружбы и взаимопонимания между британскими и российскими народами зависит будущее человечества».

Два с половиной года я провела в оккупированной фашистами Ялте. Вспоминаю 1945 год, когда в городе было много английских военных. На набережной видела высокого, красивого господина, им оказался Sir Anthony Eden. Моим мужем был англичанин Peter Henry, профессор славянских языков и литературы. Он родился в тот же день, месяц и год, что и Вы.

Буду безмерно рада провести для Вас экскурсию по Дому-музею А.П.Чехова в Ялте.

С громадным уважением, пожеланиями здоровья и долгих лет жизни.

*Заслуженный работник культуры Республики Крым,
Лауреат премии имени А.П.Чехова, Медали Леонардо да Винчи,*

Почетный гражданин Ялты Ангелина (Алла) Ханило.

Россия, Республика Крым, г. Ялта, ул. Боткинская, 27/ул. Кирова 34, кв. 9

Letter to the Queen of Great Britain

*Her Majesty The Queen
Buckingham Palace
London SW1A 1AA
United Kingdom*

Her Majesty!

The whole my life I worked in the A.Chekhov House Museum in Yalta and in my memory I keep an image of the wonderful relationship between Great Britain and Russia. Particularly it was achieved thanks to Clementine Churchill, who visited our Museum on April 26, 1945, and left a wonderful review in the visitors' book (for more details, see the attached article).

On May 9, before leaving to Great Britain, she spoke on the radio with a message from Sir Winston Churchill to Stalin stating: "I am firmly convinced that future of the mankind depends on friendship and mutual understanding between the British and Russian peoples".

Two and a half years I spent in Yalta, occupied by the fascists. I remember 1945, when in the city there were many English soldiers. On the embankment I saw a tall handsome gentleman, who turned out to be Sir Anthony Eden. My husband was an Englishman, Peter Henry, a professor of Slavic languages and literature. He was born the same day, month and year as you did.

I will be immensely pleased to conduct a tour for you in the A.Chekhov House Museum in Yalta.

*With tremendous respect, wishes for health and long life,
Honored Worker of Culture of the Republic of Crimea,
laureate of the A.Chekhov award and the Leonardo da Vinci medal,
Honorary Citizen of Yalta
Angelina (Alla) Hanilo
Russia, Republic of Crimea, Yalta, st. Kirova / Str. Botkinskaya, ap. 9*

ПОСЛАНИЕ МАЛЕНЬКОГО СНЕГОВИЧКА ДЕТЯМ И ДАЖЕ ВЗРОСЛЫМ!

(внук снежной бабы, которую слепила А.В.
в 1947 году. — С.С.)

(Воспоминания)

Я со своими родственниками и друзьями, белыми снежинками, укрывал пушистым белым ковричком часть стены у перил лестницы, которая вела с дороги вниз ко входу в Чеховский дом, где должны были ялтинцы отмечать 29 января 2017 года день рождения Антона Павловича Чехова. Мимо нас проходило много людей, и вдруг появилась Волшебница, она шла по ступенькам, держась правой рукой за перила, левая рука у неё была ранена. И когда она увидела пушистый коврик из нас снежинок, она одной правой рукой собрала большой комочек снега, поставила его, потом собрала другой комочек, круглый, как головка, и поставила его на большой, и получилось туловище с головой маленького снеговичка когда она нашла рядом длинненький маленький листочек и приложила к моему личику, я почувствовал, что у меня хорошенький любознательный носик. Не хватало только глаз. Правая рука Волшебницы тоненькими пальчиками сорвала один совсем маленький листочек, а затем, второй, и поставила мне один глазик, потом, другой. И, увидев яркий солнечный свет, я понял, что я родился – маленький настоящий снеговичок, забавный и очень хорошенький.

Волшебница радостно мне улыбалась, ласкала и разговаривала со мной, мне было очень хорошо и радостно. Рядом с Волшебницей стоял высокий и тоже очень добрый волшебник, у него был волшебный фотоаппарат, и он сфотографировал меня вместе с Волшебницей, она прильнула ко мне своей тёплой щёчкой, и мне стало очень тепло, я почувствовал, что у меня появилось и забило сердечко.

Как было хорошо, мимо нас проходили люди – улыбались и говорили добрые, хорошие слова. А я как радовался, что я родился 29 января в России! Моя любимая Волшебница ушла в Дом Чехова. Мне стало грустно: я ещё не научился определять время, не знаю, сколько минут или часов я прожил, и вдруг чья-то недобрая, грубая рука раздавила меня и растёрла, смешав со всеми снежинками. Но я не плакал, я чувствовал, что я ещё долго буду жить, и меня к жизни вернёт добрая Волшебница. Когда её добрый друг волшебник отдал ей мою фотографию, она очень обрадовалась, что я снова появился на свет. Она привезла меня к себе домой, где много картин художников и очень много книг.

Она поставила меня на мраморную полочку на камине, напоминающую мне снег, только очень тёплую и я оказался в очень хорошей компании. С одной стороны от меня сидит собачка из «Дамы с собачкой», а с другой – очень хорошенький дельфинчик, который жил и плавал в Чёрном море, а теперь он, радостный и довольный, живет у доброй Волшебницы. Теперь я живу и буду долго-долго жить с новыми друзьями, а добрая Волшебница улыбается и ласково с нами разговаривает!

А я, маленький снеговичок, хочу обратиться ко всем детям и взрослым: не ломайте снеговичков и других забавных собачек и дельфинчиков, ведь нам тоже очень хо-

чается жить. Это вам только кажется, что мы не живые и ничего не чувствуем. Это неправда, мы оживаем ночью, когда вы все спите, и охраняем ваш сон. А днём радуем вас своими добрыми глазками.

И я прошу, чтобы моё письмо маленького снеговичка и моя фотография были напечатаны в вашей доброй и любимой книжке «Лучик Солнца».

Алла Васильевна Ханило (добрая Волшебница).

29 января 2017 года. Ялта

и

Сергей Сергеевич Цыганков (добрый волшебник).

Текст записала Алла Васильевна Ханило.

А.П.ЧЕХОВ: ПОЗНАНИЕ — СЧАСТЬЕ — БЕССМЕРТИЕ

Главная причина негативных процессов в современном обществе – это раздробленность человеческих знаний. Основной «водораздел» проходит между естественными науками и религией (богословием). Разделены и каждая из этих ветвей знаний, причём до такой степени, что подчас не понимают друг друга. Преодолевают это деление только искусство, в частности, литература. Великие писатели видят мир единым, каким он и является, поэтому в их творчестве мы видим сложное переплетение как низменных, человеческих, материальных устремлений, так и высоких, духовных позывов. При этом они умудряются так подобрать «процентное содержание каждого ингредиента», что чтение книги заставляет нас думать и сопереживать, видеть в их творении реальный фрагмент жизни.

А.П.Чехов и Л.Н.Толстой. 1897 г.

В настоящее время естествознание, занимающееся материальными реалиями, и религия, чья область – духовное Начало, говорят на разных языках. Создать общий язык может только Единое знание. О необходимости Единого знания, способного объединить естественные и гуманитарные науки, которое может дать ответы на главные вопросы человечества, говорил А.П.Чехов:

«Гуманитарные науки, о которых вы говорите, тогда только будут удовлетворять человеческую мысль, когда в движении своем они встретятся с точными науками и пойдут с ними рядом. Встретятся ли они под микроскопом, или в монологах нового Гамлета, или в новой религии, я не знаю, но думаю, что земля покроется ледяной корой раньше, чем это случится. Самое стойкое и живучее из всех гуманитарных знаний – это, конечно, учение Христа, но посмотрите, как даже оно различно понимается!» («Дуэль»).

Наверное, первые вопросы, которые стоят перед Единым знанием, это вопросы о вечности Вселенной и бессмертии Человечества. Эта тема постоянно занимала Антона Павловича. Весной 1897 года в больнице Чехова навещает Л.Н.Толстой. «В клинике был у меня Лев Николаевич, с которым вели мы преинтересный разговор <...> Говорили о бессмертии...».

Большой жизнелюб, он глубоко верил в бессмертие Человека: «Ни в коем случае не можем мы исчезнуть без следа. Обязательно будем жить после смерти. Бессмертие – факт. Вот погодите, я докажу вам это...». Это из его беседы с И.А.Буниным [И.А.Бунин. «Чехов», в сб. «А.П.Чехов в воспоминаниях современников». М., ГИХЛ, 1960, с. 568].

«И я, не допуская, что я и мое воображение после смерти погибнем навеки, отвечал: "Да, люди бессмертны", "Да, нас ожидает вечная жизнь"» («Дом с мезонином»).

Как этого достичь? как человечество сделать бессмертным? Решение А.П.Чехова заключено в формуле: познание – счастье – бессмертие. Это прозвучало в рассказе «Черный монах»:

«– Вечная жизнь есть, – сказал монах.

– Ты веришь в бессмертие людей?

– Да, конечно.

– А какая цель вечной жизни? – спросил Коврин.

– Как и всякой жизни – наслаждение. Истинное наслаждение в познании, а вечная жизнь представит бесчисленные и неисчерпаемые источники для познания, и в этом смысле сказано: в дому Отца Моего обители многи суть».

А что об этом говорят физики?

В нашем динамическом мире, когда мы знаем, что все галактики и звёзды разбегаются, его вечность может дать только цикличность, когда за стадией расширения Вселенной последует стадия её сжатия. После чего будет новый Большой взрыв, новый цикл развития. Главным звеном обеспечения этого процесса является Человек. Для выполнения своей космической задачи человечество должно создать как бы антимир (не из античастиц), который, объединившись с видимым, сожмёт Вселенную, приведёт её к началу своего развития, новому Большому взрыву и т. д. «Смертью смерть поправ». Создать антимир – в реальности означает познать Вселенную, пройти весь путь её развития от самого Начала, как бы заново её создать. Этим Человечество «закроет» этот проект и откроет следующий цикл жизни Космоса,

**Алла Васильевна Ханило
и С.С.Цыганков**

тем самым обеспечив бессмертие не только всему миру, но и своё коллективное и личное бессмертие. При этом и сам процесс познания, помимо обеспечения высокой цели, становится дорогой счастья для всех, идущих по ней, каждый день делающих открытие новых деталей мира. Здесь нет места скуке, обыденности, приеданию. «Как прекрасно сказал это малороссийский мудрец Сковорода: Бог, желая блага людям, сделал все ненужное людям трудным и легким все нужное им» [Л.Н.Толстой «О науке»].

Что говорит религия?

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим». «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие небесное». Наша духовная нищета – это вселенский позыв, вложенный в нас, позыв познавать мир. Это первые христианские заповеди. Не побоялся духовной нищеты Сократ, сказав, что знает, что ничего не знает.

Видно, что формула Чехова согласуется с формирующимися в настоящее время представлениями в естествознании и религии. Но сделать первый шаг для объединения ни та, ни другая сторона не желают. Надо отречься от личных амбиций владения частью знаний и поучаствовать в проекте создания Единого знания, научиться мыслить по-иному «не по-земному», а «по-вселенски».

«Заговорили о смерти, о бессмертии души, о том, что хорошо бы в самом деле воскреснуть и потом полететь куда-нибудь на Марс, быть вечно праздным и счастливым, а главное – мыслить как-нибудь особенно, не по-земному. – А не хочется умирать, – тихо сказал Ярцев, – Никакая философия не может помирить меня со смертью, и я смотрю на нее просто как на гибель. Жить хочется» («Три года»).

Перед настоящей наукой и человечеством стоит вселенская задача построения Единого знания, которое объединит науку и религию, физиков и лириков, уберёт напряжение в обществе и даст людям интересную, счастливую познавательную жизнь. Как прекрасно об этом сказал Антон Павлович устами студента Пети Трофимова в своей последней пьесе «Вишневый сад»: «Вперед! Мы идем неудержимо к яркой звезде, которая горит там, впереди! ... Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на Земле! ... Вся Россия наш сад. Земля велика и прекрасна...».

Статья написана совместно с С.С.Цыганковым для «Чеховских чтений».

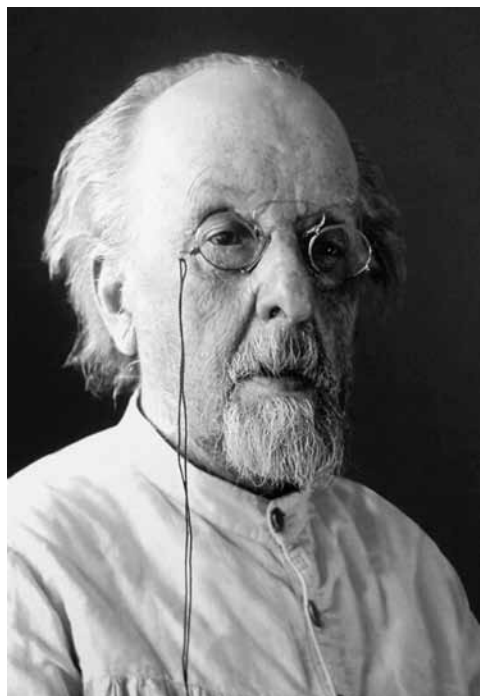
А.П.ЧЕХОВ И К.Э.ЦИОЛКОВСКИЙ

Антон Павлович Чехов был любимым писателем другого великого русского человека, Константина Эдуардовича Циолковского, который считал Чехова своим собратом по оружию в борьбе с рутинной, косностью, глупостью, невежеством. Вся жизнь Циолковского – это борьба с этими врагами, ибо он, открывая и создавая новое, всю свою жизнь наталкивался на их противодействие. «Хочу быть Чеховым от науки», – повторяет он не раз в своих рукописях.

«Наук такое множество, – пишет Циолковский, – излагаются они так подробно, столько написано вожов научных книг, что нет никакой возможности для человеческого ума их изучить. Кто и хочет, опускает бессильно руки. Между тем нельзя себе составить мировоззрения и руководящего в жизни начала без ознакомления со всеми науками, т. е. общим познанием вселенной. Вот я и хочу быть Чеховым в науке: в небольших очерках, доступных неподготовленному или малоподготовленному читателю, дать серьезное логическое познание наиболее достоверного учения о космосе». [Б.Воробьёв. Циолковский. Изд. «Молодая гвардия», М., 1940, с. 191–192].

К.Э.Циолковский, гениальный русский учёный, новатор и изобретатель, в тоже время «маленький великий, во многом до сих пор непонятый человек», настоящий «чеховский» герой.

Статья написана совместно с С.С.Цыганковым для «Чеховских чтений».

ВОСПОМИНАНИЯ АЛЛЫ ВАСИЛЬЕВНЫ ХАНИЛО

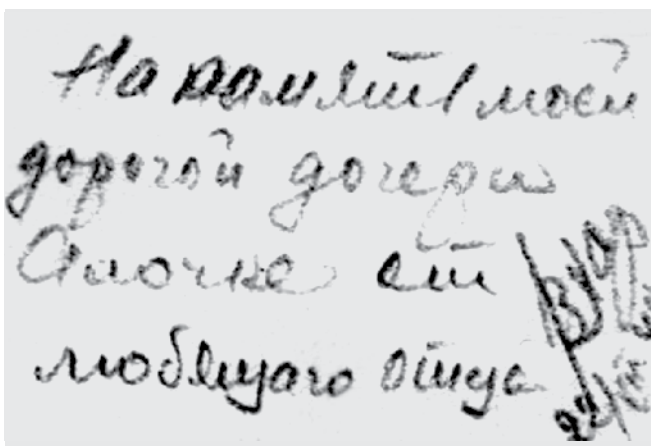
Довоенное детство

В последние годы, когда стали отмечать мои юбилейные даты, связанные с работой в Доме-музее А.П.Чехова в Ялте, некоторые журналисты просили рассказать о родителях. Я смущалась и говорила, что я, вероятно, интересна с тех пор, как стала работать в музее.

Но потом подумала и сделала вывод, что, видимо, провидение или какие-то высшие силы от самого рождения меня связали тоненькой ниточкой с Антоном Павловичем.

Моего дедушку со стороны папы звали по-чеховски – Антоном. Родилась я в Крыму во время сильного землетрясения, которое длилось около двух лет, – с лета 1927 года и почти до конца 1928-го. Поэтому я появилась на свет не в родильном доме, как полагалось всем новорождённым, а на самом берегу Чёрного моря, в городе Алупка, в детском костно-туберкулезном санатории имени профессора А.А.Боброва.

Профессор А.А.Бобров, как и А.П.Чехов, умер в 1904 году. Антон Павлович, будучи студентом медицинского факультета Московского университета, на 4-м курсе в 1882–1883 годах слушал лекции Александра Алексеевича Боброва. В моё время этим санаторием руководил доктор Пётр Васильевич Изергин. Он был учеником А.А.Боброва и вместе с ним несколько лет (до смерти своего учителя) работал в этом санатории.

Отец Аллы Васильевны – Василий Антонович

Мой папа, Василий Антонович Ханило, – инженер-строитель, он хорошо разбирался и в рентгеновской технике. В Ялте, в санатории Долоссы в группе со специалистами он монтировал первую рентгеновскую установку. В 1925 году его пригласили в Алупку для установки рентгеновской аппаратуры в санатории имени профессора А.А.Боброва.

Родители снимали квартиру в Алупке, но когда началось землетрясение, летом 1927 года, доктор П.В.Изергин предложил папе перевезти всю семью в санаторий, чтобы быть всем вместе. У меня ещё есть брат Евгений, он на два года и три месяца старше меня. Доктор П.В.Изергин позаботился, чтобы моя мама, Надежда Александровна, которая была в положении, и я не погибли от толчков, достигавших, по публикациям той поры, восьми-девяти баллов.

В посёлке Кореиз, не очень далеко от Алупки, была хорошая больница, и при ней родильное отделение, но к этому времени она уже была разрушена землетрясением. Поэтому мы все и собрались в Алупке в санатории.

Во время землетрясения 1927–1928 годов в Крым была направлена группа учёных во главе с академиком А.Е.Ферсманом, которая изучала это стихийное явление. Его освещали многие газеты и научные журналы того времени, высказывая самые разные предположения, публикуя схемы распространения наиболее сильных толчков. Мой папа внимательно прочитывал и собирал весь печатный материал по этому поводу. Толстая папка разного рода публикаций долгое время хранилась у нас дома. По этим статьям и чертежам я поняла многое из того, что происходило вокруг. Оказалось, что сила толчков зависела не от расстояния от эпицентра стихии, а от того, насколько близко находилось то или иное место от разломов земли, по которым пролегли зигзагообразные лучи распространения землетрясения. Порой из двух соседних зданий одно превращалось в руины, а другое оставалось целёхоньким. На одном из чертежей «луч» совпадал с улицей Боткинской. Словно документируя правоту чертежа, М.П.Чехова пишет в 6 часов утра 1 октября 1927 года О.Л.Книппер: «Милая Оля, сегодня 20-й день, как мы трясемся, правда, не сильно... Вчера сказали, что развалился на Боткинской дом Капниста, это был великолепный дом».

Некоторые специалисты высказывали тогда предположение, что Крым может вообще уйти под воду. Но в заключении академика А.Е.Ферсмана утверждалось, что полуостров, наоборот, поднимается из воды на какие-то миллиметры.

Но вернемся в оказавшую нам приют Алупку. У нас в семье хранится фотография, которая была сделана в санатории на берегу моря 8 февраля 1928 года. Мой братик Женя стоит на маленьком диванчике. На следующий день – 9 февраля – я появилась на свет.

Крестили меня в конце февраля 1928 года в Алупке, в очень красивом, большом храме Архангела Михаила. Как потом рассказывали мне родители, храм уже частично пострадал от землетрясения, и крещение совершалось в правом его приделе, где дверь была открыта во двор, так было безопаснее.

Папа дал мне имя Ангелина, но с самого рождения меня звали Аллочка, Алла. Так у меня и осталось два имени – Ангелина и Алла.

В июле 1928 года, когда мне было пять месяцев, родители переехали в Ялту. Поселились мы на Аутской (ныне Кирова) улице в доме архитектора П.К.Теребенева, автора проекта ялтинского собора Александра Невского. Его проект утвердил лично Николай II, который предпочел старорусский стиль храма византийскому, как было в проекте Н.П.Краснова.

А.П.Чехов написал 1 декабря 1902 года Ольге Леонардовне Книппер: «Здесь, в Тате, новая церковь, звонят в большие колокола, приятно слушать, ибо похоже на Россию».

На освящение собора в Ялту приезжали император Николай II и императрица Александра Фёдоровна. На церемонии была и мать Антона Павловича – Евгения Яковлевна, её впустили по билету. Освящение состоялось 4 декабря 1902 года.

Возвращаюсь в 1928 год. Ялта после землетрясения очень опустела. Многие дома стояли совершенно заброшенные.

Моему папе сказали: идите по городу и выбирайте себе квартиру, где хотите. Уже потом, гораздо позже, я всё думала: а почему папа выбрал именно этот дом, но спросить было уже невозможно. Папы не стало в моей жизни в 1936 году. Об этом я скажу ниже.

Дом этот находится рядом с домом генеральши К.М.Иловойской «Омюр», где жил А.П.Чехов с 23 октября 1898-го до 10 апреля 1899 года, пока строился его дом в Аутке.

Хозяйка нашего дома – Елена Францевна Базилева – приносила Антону Павловичу деньги, которые он собирал для приезжих больных.

Я её помню. Она очень любила детей и с удовольствием с нами общалась, дарила красивые праздничные открытки. Она умерла в 1933 году. Её имя упоминается в 18-м томе 30-томного собрания сочинений А.П.Чехова. Е.Ф.Базилева жила со своей племянницей Верой Николаевной. Они обе были прекрасные пианистки, музыка звучала постоянно, и я росла под звуки чудесных мелодий. У них на квартире бывали известные композиторы – А.К.Глазунов, А.С.Аренский, А.А.Спендиаров и другие. Их управляющий – Пётр Иванович Веденисов – был известным музыкантом и давал уроки музыки. Как-то Пётр Иванович поднялся к нам на второй этаж и спросил, не мешает ли нам музыка, которая звучит целый день. Мама ответила: нет, наоборот, дети с удовольствием её слушают и она тоже. Петру Ивановичу она сказала, что девочкой пела в церковном хоре. У мамы был хороший голос.

Мы очень долго жили одни на втором этаже. В 1933–1934 годах у нас стали появляться соседи, то есть дом становился коммунальной квартирой.

<...>

Мама Аллы – Надежда Александровна

Надежда Александровна, Алла, Женя и Максик

Все дети в нашем доме хорошо знали, что в соседнем доме раньше жил писатель Чехов, написавший «Каштанку».

В Ялте многое связано с именем А.П.Чехова. Павильон Верне, куда нас водила мама. Там были вкусные пирожные, какао и особенное мороженое – разноцветные шарики, которые подавали в красивых стеклянных вазочках. Мы уже тогда знали, что этот павильон Чехов описал в «Даме с собачкой».

Позже павильон назывался «Поплавок», вход в него был с Набережной и с берега моря. Когда мы там сидели, то было такое впечатление, точно мы находимся на палубе корабля, потому что «Поплавок» нависал над морем, и во все открытые окна – на восток, на юг и запад – видна была только морская гладь.

Ялту моего детства я помню до сих пор. Она выглядела так, как при Чехове. Было много красивых домов. В Ялте их называли дачами: дача «Омюр», дом, где я жила, – «дача Базилевой». Очень многие дома называли по фамилиям их владельцев.

Это были очень нарядные дачки, двух- и трёхэтажные, все разные, оригинальной архитектуры со скульптурными украшениями, с красивыми деревянными резными верандами, с разноцветными витражами и разрисованными стёклами. Вокруг каждой дачи обязательно был сад с декоративными и фруктовыми деревьями. Во многих садах ещё – бассейн с фонтаном и золотыми рыбками.

В садах росли кипарисы, кедры, сосны, лавр, ленкоранские акации, глицинии, «золотой дождь», вьющиеся розы и вьющийся виноград... Вся Ялта утопала в цветах и розах. Таким город был все долгие довоенные годы. Мне было года три с половиной, когда меня первый раз причащали. Естественно, я ещё ничего этого не понимала. Но хорошо помню, что это было в церкви Воздвиженья Креста Господня, стоял колокольный звон, видимо, был какой-то праздник. Я была с мамой и моей двоюродной сестрёнкой, она была старше меня на два года. Людей пришло очень много, нам ничего не было видно. Потом мама подняла меня на руки, мы приблизились к священнику, красиво одетому, и он дал мне что-то выпить из ложечки на длинной ручке. Это было очень сладко, и я потянулась губками ещё, но мне больше не дали. Вот так я запомнила своё первое причастие.

Мне ещё нравилось ходить с мамой на рынок. Тогда в Ялте он был только один, там сейчас размещается вещевой рынок. Тогда же продавали красивые и вкусные фрукты – инжир, красную шелковицу, виноград, яблоки, груши, а также разные овощи.

Из татарской деревни Ай-Василь всё это привозили на осликах, и ещё привозили катык в длинных, узких, конусообразных бочонках. Но самое главное и интересное было посмотреть на осликов. Они стояли грустные, моргая глазками и перебирая маленькими копытцами. Иногда хозяин даже разрешал погладить мордочку ослика. Это была очень большая радость для меня. Ходить на базар было далеко, и уставали ноги. Тогда не было городского транспорта. Но радость погладить ослика затмевала всё!

Потом пришёл 1933 год, и мама уже на рынок не ходила. Там ничего не продавали – наступил голод. Папа куда-то далеко время от времени уезжал (в частности, на Кавказ, в город Грозный) и привозил какие-то продукты. Появился необычный магазин, который назывался Торгсин. Сюда относили золотые вещи, и за них давали очень белую муку. Я ходила в Торгсин вместе с мамой. Она отдавала свои кольца, брошки, папины запонки и галстучные зажимы, а камешки драгоценные они не брали, у меня до сих пор хранится несколько. Мама всегда просила продавца, чтобы он немного меньше дал муки, но обязательно – два апельсина и два шоколадных шарика – для меня и для брата. В Торгсин ушли и наши кресттики. Но голодали мы сильно, мама рассказывала, что я часто теряла сознание от недоедания. Так что голод был и в Ялте, что бы там и кто ни придумывал.

Мне было лет пять, когда папа повёл брата и меня в музей А.П.Чехова. Его тогда все называли «домик Чехова». Я не очень понимала, что такое музей. Мне казалось, что это что-то таинственное и связано с музыкой.

Перед домом стояла небольшая группа людей. Из парадной двери вышла женщина и пригласила всех в дом. Мы оказались в комнате, где стояло пианино, и я подумала, что сейчас начнётся концерт. Женщина, однако, много говорила, показывая на картины и портреты Чехова, но играть на пианино не собиралась. Мебель в комнате была такая, как у нас дома, и печь кафельная такая же. И большая морская раковина тоже, как у нас в аквариуме. Женщина говорила о Чехове, а я вспоминала, как мой брат и я вместе с ним плакали, когда он читал рассказ «Ванька» по школьному учеб-

нику. Нам было сильно жалко мальчика, которого все обижали, заставляли много работать и кормили очень плохо.

Ещё на всю жизнь я запомнила басню И. А. Крылова «Две собаки», героем которой был «дворовый верный пес», что «барскую усердно службу нес». В детской книжке были чёрно-белые рисунки – один рисунок и сейчас у меня перед глазами: деревянный поломанный забор, к нему, поджав хвост и согнувшись, прижимается большая собака, мокрая от дождя. Дождь нарисован косыми линиями и льётся на собаку. Мы живем на втором этаже. Поэтому когда осенью наступала дождливая и ветреная погода, дождь стучится прямо по крыше у нас над головой. Я просыпалась от этого шума и плакала, но не от страха. Я вспоминала собаку из басни и плакала от жалости к ней. Обеспокоенные родители специально водили меня по улицам города и показывали собачьи будки, стоявшие во дворах. Папа и мама объясняли мне, что это домики, предназначенные именно для собак, и что собаки в них прячутся во время дождя и ветра.

С детства у меня особое отношение к большим собакам. У нас дома жили свои собаки. Белый пёс – помесь сибирской лайки и шпица. Звали его Макс, а мы с братом – Максик. И другая, тоже Максик, – рыжий сеттер, охотничья собака. Папа со своими друзьями ходил на охоту и часто брал с собой меня – это было очень интересно. Наши собаки жили на застеклённой веранде, у каждой был свой матрасик. Ещё хорошо помню, что мама их купала, они всегда были чистые и ухоженные.

В 1933–1936 годах в городе не хватало электроэнергии. Поэтому был лимит освещения жилых помещений. Мой папа был хорошим чертёжником, и по распоряжению главного инженера города ему разрешалось вечером работать дома над срочными чертежами и повысили лимит на освещение.

В Ялте жители очень боялись контролёра за расходом электроэнергии. Я даже помню его фамилию – Маслов. Он ходил по городу и смотрел, в каких окнах горит яркий свет, стучал в квартиру и составлял акт.

Мы с братом очень любили вечера, когда папа чертил, а мама нам читала. Уже не детские книжечки, а Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Марка Твена, Жюль Верна, Вальтера Скотта. На меня особое впечатление, помню, произвела книга Э.Л. Войнич «Овод».

Все книги в долгие вечера нам читала мама, и только одну – папа. О ней расскажу подробнее.

9 февраля 1934 года мне исполнилось шесть лет. На дне рождения было много детей: наши соседи Ира и Вова, Люда и Володя, мои двоюродные сестра и брат, а также дети папиных друзей. Потом мы ещё долго вспоминали этот праздник. Хотя жили тогда ещё довольно голодно, но мама постаралась всех накормить сытно и вкусно.

Через несколько дней после этого праздника папа стал приносить домой газеты, приходили его сослуживцы – они читали, спорили, сочувствовали. Речь шла о гибели ледокола «Челюскин». Мне тогда не всё было понятно. А вот уже летом у нас в доме появилась книга, которую читать нам стал папа. Приходили послушать и папины знакомые, и наш сосед. Книга называлась «Как мы спасали челюскинцев».

Эта книга хранится у меня до сих пор. Она тогда произвела на меня очень большое впечатление, и я многое запомнила из неё на всю жизнь. Запомнила, что первым в стране Героем Советского Союза стал лётчик Анатолий Ляпидевский. Это он спас всех женщин и детей.

Книгу эту мы с мамой сохранили в числе нескольких других, очень дорогих для нас книг, в голодные и холодные годы оккупации.

В моём раннем детстве ёлки новогодние ставить не разрешалось (как известно, запрет с них сняли только в декабре 1935-го). Но папа под Рождество обязательно приносил небольшую ёлку из леса. Первый раз, когда нам поставили ёлку, – это было просто чудо. Вечером пришли гости. Папа очень дружил с архитектором З.В.Перемилловским – автором проекта ялтинского Морского вокзала. Вместе с ним работали папа, инженер Полянский (у него была дочь Ляля) и многие другие. Когда все собрались, папа торжественно открыл обе половинки двери во вторую комнату, куда весь день нас, детей, не пускали, и мы увидели украшенную ёлку, горящие свечи и цветные маленькие электрические лампочки. Уже потом и мы с братом принимали участие в подготовке игрушек для ёлки. Эти вечера мне напоминали нашу любимую книгу «Детство Никиты» Алексея Толстого. Вообще моё детство очень многое напоминало из того, что было описано в этой книге.

В те годы в Ялте был замечательный городской сад. Нас родители водили туда гулять. В центре, ближе к морю, был бассейн с фонтаном и большая белая мраморная скульптура очень красивой женщины. Чуть поодаль, ближе к дому композитора А.А.Спендиарова, находился ещё один бассейн, тоже с женской скульптурой. Всё это обрамлял полукруг из бамбука и камыша. Рядом стояли резные металлические скамейки. Много клумб с цветами. Все дорожки были покрыты мелкой морской галькой.

На Боткинской улице, недалеко от нашего дома, находилась школа № 2, в которой учился мой брат Женя. 1 сентября 1935 года мы с мамой пришли вместе с Женей в школу. Он должен был учиться уже в 3-м классе. Во дворе были ученики, их родители и учителя.

Когда прозвенел звонок, школьники с учителями поспешили в классы, разошлись родители, и на опустевшем школьном дворе остались только мы с мамой. Мне так не хотелось уходить, я очень хотела в школу. Через некоторое время мы увидели директора школы Анну Павловну Попову. Она подошла к нам и, обращаясь к маме, сказала: «Подрастает еще одна наша будущая ученица». Мама ответила: «Ничего не могу сделать, просится в школу». На вид я выглядела ребёнком лет пяти, да ещё с большим бантом на голове. После маминых слов Анна Павловна наклонилась ко мне и тоном, каким обычно взрослые говорят с маленькими детьми, сказала: «Деточка, а мы принимаем в школу детей, которые умеют читать и писать». Я серьёзно ответила, что умею и читать, и писать. Анна Павловна держала в руках свернутую в трубку газету, развернула её и, указывая на крупные буквы заголовка (это была газета «Известия»), сказала: «Читай». Я прочитала: «Известия, орган Совета...». Дальше продолжала читать заголовок передовицы, а потом и текст самой статьи.

Анна Павловна спросила маму: «А сколько ей лет?» Мама ответила: «Семь». В те годы в школу принимали с восьми. Анна Павловна сказала: «Ведите ребенка к врачу-педологу. Если он разрешит, мы примем её в школу». Детская больница находилась почти рядом, и мы сразу пошли. Доктор со мной говорил наедине, мама осталась в коридоре. Позвав её, он сказал: «Непременно ведите в школу учиться. Если сейчас не отдадите, на следующий год может случиться обратное – ребенок не захочет идти в школу». Мы с мамой вернулись в школу, по дороге сняли бант с головы, и в тот же день, 1 сентября, я уже сидела за партой, как все ученики.

Наша учительница, Анна Дмитриевна Ушакова, была очень строгая, раньше она преподавала в гимназии. В тот год в школу № 2 набирали два первых класса. В один зачислили детей, не умевших ни читать, ни писать, в другой – тех, кто умел. Это был класс Анны Дмитриевны.

Я училась просто с каким-то восторгом. Когда приходила из школы, сразу готовила уроки, никакого отдыха или обеда.

Закончился учебный год, в нашем классе оказалось 15 отличников, и я в том числе. Весь наш класс вместе с нашей любимой и строгой Анной Дмитриевной переводят из школы № 2 в образцовую школу № 1. Такого никогда не было, это был единственный случай. Образцовая школа № 1 – это бывшая женская гимназия, в которой А.П.Чехов был членом попечительского совета. И со 2-го по 10-й я ходила по тем же ступенькам и лестницам, что и Антон Павлович, и о которых он писал из Ялты В.И.Немировичу-Данченко: «...вовлекают меня в общественную жизнь. Назначили в женскую гимназию членом попечительского совета. И я теперь с важностью хожу по лестницам гимназии, и гимназистки в белых пелеринках делают мне реверанс».

Учиться в образцовой школе было очень интересно. Вокруг хорошие учителя и прекрасно оборудованные кабинеты ботаники, зоологии, химии, физики, астрономии. У нас в школе был даже свой телескоп. Я до сих пор помню то мгновение, когда увидела Сатурн. Это было, как в сказке.

В моей родной Ялте очень много внимания уделялось детям. В городе, тогда ещё довольно маленьком, было три школы-десятилетки, были семилетние и начальные, а также греческая и татарская.

В нашей школе вели преподавание гимназические учителя, очень эрудированные, преданные своему делу. Главное, мне кажется, они любили своих учеников, много времени уделяли нам. По выходным дням ходили с нами на экскурсии, водили в кинотеатры, в городской театр на музыкальные концерты.

В Ялте была киностудия, здесь снимали много фильмов. По Набережной ходили наши сказочные герои: «Руслани Людмила» – Сергей Столяров, «Конёк-горбунок» – Пётр Алейников. Бегал по Набережной совсем ещё мальчик – Коля Туманов. Он исполнял роль юнги в фильме «Гибель Орла». В этом же фильме снимался Сергей Столяров и артист Малого театра Николай Анненков. В Ялте снимали первые версии фильмов «Дети капитана Гранта» с Николаем Черкасовым и «Гаврош»...

У нас был замечательный Дом пионеров. Он размещался в одном из красивейших зданий города, сейчас там находится Ялтинский историко-

Сергей Столяров

Пётр Олейников

литературный музей. В Доме пионеров работали разнообразные кружки. Мой брат занимался в авиамodelьном. Я после окончания 1-го класса поступила в балетный кружок, но это у нас была настоящая балетная студия; в ней преподавала Ирина Михайловна Ануфриева – ученица известной балерины А.Я.Вагановой. Ирина Михайловна специально подбирала девочек, чтобы ставить классические балеты. Мы серьёзно занимались у станка и уже через год выступали на сцене Ялтинского театра имени А.П.Чехова в балете Лео Делиба «Коппелия». Да, мы танцевали в том театре, где в 1900 году артисты Московского Художественного театра показывали А.П.Чехову спектакли по его пьесам «Чайка» и «Дядя Ваня». Выступали мы и в Симферопольском театре, там ещё исполняли «русский танец» из оперы Михаила Глинки «Иван Сусанин» и другие балетные номера.

Рядом с Ялтой находился Всесоюзный лагерь «Артек», который показывал всем пример, как надо организовывать летний детский отдых. В городе эта работа тоже хорошо была поставлена. При школах в летний период работали детские площадки для учеников младших классов. Был и прекрасный городской пионерский лагерь, который размещался в одном из красивейших мест Южного берега Крыма – Ореанде. Там сейчас всякие дачи, а тогда отдыхали ялтинские школьники. В этом лагере отдыхал мой брат Женя, я ещё была мала для лагеря. Но каждое воскресенье мы с мамой ездили проведать брата.

Такой красоты в Ореанде, как тогда, сегодня уже никто не помнит. Там были развалины старинного дворца – стены и колонны из белого мрамора. Всё это было увито цветущими розами. Мне запомнился огромный дуб, из его ствола бил фонтанчик родниковой воды. К нему всегда стояла очередь детей и взрослых, чтобы попить этой воды, которая текла из дерева. Мне очень нравилось пить там, вода казалась необыкновенно вкусной.

Теперешние ЖЭКи тогда назывались домоуправлениями. Они в обязательном порядке устраивали по детской площадке на три-четыре дома. Не знаю, сколько их было всего в Ялте. В нашем дворе и в соседнем (Боткинская, 27 и 25) были такие площадки. Сюда могли приходить дети из любых домов по Боткинской улице. У нас были оборудованы спортивные площадки: волейбольная, крокетная и кегельбан. На перекладине на высоких столбах висели трапеции, спортивные кольца для гимнастики и шест. Рядом были установлены шведская лестница и две деревянные горки для катания. Были и настольные игры. Всё это было укомплектовано соответствующим инвентарём. Для малышей были трёхколесные велосипеды, подвесные качели, игрушки: куклы, машинки, кубики, автомобильчики, куклы для кукольного театра.

Но самое главное – к нам летом каждый день приходили две пионервожатые, которые с нами занимались, водили в кино, даже возили в Алупку, в Воронцовский музей и в Гурзуф, в только что открытый музей А.С.Пушкина.

КАК МЕНЯ ПРИНЯЛИ В ПИОНЕРЫ

А.П.Гайдар

Осень 1937 года, я – ученица третьего класса, иду в школу. Мне нужно перейти дорогу, которая ведёт в Дом творчества Литфонда, где работали и отдыхали писатели. Пять или шесть мужчин шагают мне навстречу, весело смеются и громко разговаривают. Я останавливаюсь, чтобы их пропустить. И вдруг среди них узнаю Аркадия Гайдара!.. Это было так неожиданно, что я буквально не спускала с него глаз. Может быть, рядом с ним были ещё известные писатели, но я смотрела только на Гайдара...

Войдя в свой класс, я сразу же сообщила довольно громким голосом: «Только что видела Аркадия Гайдара!» Меня окружили одноклассники, многие мне не верили и говорили: может быть, я ошиблась? Особенно мальчишки уточняли, правда ли это. Я доказывала, что не ошиблась, что это настоящий живой Гайдар, очень красивый, точно такой, как на большом портрете, который висит в книжном магазине, что на Набережной около Городского сада, где когда-то была «Русская избушка» и куда ходил Чехов. Только в эти годы магазин уже был раза в три больше.

Пока мы спорили, в класс вошла наша пионервожатая и спросила, о чём спор. Я рассказала всё в подробностях, и она вдруг говорит: «Если это правда и ты видела настоящего живого Гайдара, то вот тебе поручение – сходить в Литфонд и пригласить писателя к нам на пионерский сбор. И если он придет к нам в школу, то мы тебя раньше примем в пионеры». В пионеры тогда принимали в десять лет, а мне было – единственной в нашем классе – только девять.

Я растерялась, ведь была очень стеснительная, и подумала: «Как же это я пойду в Литфонд, если раньше там никогда не была?» Тут кто-то из ребят предложил: «Возьми с собой Ваню Ребрика, вы же живете в одном доме».

Аркадий Гайдар

Алла во втором ряду в центре без галстука

И вот на следующий день, до начала занятий (мы тогда учились во вторую смену), мы с Ваней отправились в Литфонд. Подошли к главному входу, там начиналась дорога, ведущая к зданию, где жили писатели.

Тут Ваня остановился и говорит: «Я дальше не пойду, ты теперь иди одна. У меня рваные ботинки, и мне стыдно». В семье у Вани было восемь детей. И жили они действительно бедно, но учился Ваня очень хорошо. Я не смогла его уговорить, и мне пришлось дальше идти одной.

Я приблизилась к главному корпусу. Слева от него была небольшая волейбольная площадка. Несколько человек играли в волейбол, а почти вплотную к площадке стояли две скамейки, на которых сидели отдыхающие. Среди них я опять увидела Гайдара. Я остановилась и не знала, как подойти к нему, потому что пришлось бы ступить на площадку.

Сидящий на краю скамейки мужчина обратился ко мне: «Девочка, ты к кому пришла?» Я ответила: «К Аркадию Петровичу». Он повернулся и громко сказал: «Аркадий, это к тебе».

В следующую минуту Гайдар подошел ко мне, взял за руку, и мы на несколько шагов отошли от площадки. «Я слушаю внимательно», – сказал он. Я очень волновалась, но, кажется, говорила довольно смело и ясно: «Аркадий Петрович, я пришла, чтобы пригласить вас к нам в школу на пионерский сбор». И тут же стала объяснять, что наша школа находится совсем близко... Гайдар перебил меня и сказал: «Завтра вечером приходи сюда же, и мы вместе пойдём в твою школу».

Я возвращалась такая счастливая! Чувствовала, что у меня от радости горели щёки. Я гордилась, что храбро разговаривала, а главное, – что Аркадий Гайдар сразу согласился. И вообще, я впервые разговаривала с настоящим живым писателем! Как часто потом я вспоминала эту встречу, ведь, как говорится, с лёгкой руки Гайдара я буду позднее часто сюда приходить на многочисленные встречи с С.Я.Маршаком, К.Г.Паустовским и другими писателями. Но это уже будет потом.

На следующий день я пришла к назначенному времени. Аркадий Петрович и ещё несколько мужчин сидели на скамейке. Гайдар взял меня за руку и повёл по другой дороге, вдоль корпуса, откуда большая, широкая лестни-

ца вела вниз, к главному входу на территорию Литфонда. Я впервые шла по этой лестнице – несколько ступенек и ровная площадка, и опять ступеньки и площадка. А с двух сторон лестницы стояли красивые фонари. Я сказала, что этой дороги я не знала. Он спросил, как меня зовут. Я ответила: «Алла». Аркадий Петрович сказал: «Красивое и довольно редкое имя, и ты храбрая, раз шла по той дороге, что проходит вдоль леса. У нас здесь многие не ходят по той дороге». Спросил, в каком я классе и хорошо ли учусь. «В третьем, и я отличница, только еще не пионерка, потому что мне еще нет десяти лет». Аркадий Петрович сказал: «Думаю, что тебя уже можно принять в пионеры, так как ты смелая и хорошо учишься». Потом он спросил, с кем я живу. «С мамой и братом». Я боялась, что он сейчас спросит о папе. Уже больше года мы жили без него. Аркадий Петрович промолчал и, как мне показалось, только крепче сжал мою руку. Он стал говорить, что ему очень нравятся Ялта и море. Вероятно, он понял моё волнение, и поинтересоваться, дружный ли у нас класс, не обижают ли мальчишки девочек? Ответила, не обижают, у нас очень хорошие ребята. И так держась за руки, мы с Аркадием Гайдаром пришли к нашей школе и вошли в актовЫй зал, где уже сидели мои одноклассники. По дороге я объяснила, что будет пионерский сбор не всей школы, а только нашего 3 «А». Он рассмеялся и сказал: «Это даже лучше, а то когда огромный зал людей, то получается, говоришь как лектор, а так у нас будет хороший, дружеский разговор».

Какой же замечательной была эта встреча! На сцене поставили небольшой стол и стул. У нас в зале стояли дубовые диваны со спинками и жёсткими сиденьями (это нам осталось ещё от старой женской гимназии). Аркадий Петрович взял со сцены стул, поставил его перед первым рядом и предложил всем сдвинуть поближе к нему диваны. Инициативу в разговоре сразу захватили мальчишки, которые просили, чтобы он рассказал о том, как воевал.

Рассказывал он очень интересно и долго. Он пробыл с нами больше двух часов.

Во время разговора у Аркадия Петровича нервно подёргивалась правая щека. Мы, довоенные дети, тогда ещё не знали и не понимали слова «контузия». Это уже потом, после войны, я прочитала об этом в его биографии. Но это нисколько не портило его красивого лица. Он был в жизни точно такой, как на известных портретах.

На следующий год в газете «Пионерская правда», которую мама выписывала для нас с братом, стали печатать с продолжением рассказ А.П.Гайдара «Чук и Гек». Мы с нетерпением ждали прихода каждого нового номера. Читали и перечитывали, бережно складывали все номера. Когда рассказ полностью был напечатан, мы сшили все страницы и долго-долго хранили эту рукотворную книгу. К сожалению, когда началась война и нужно было растапливать печь сырым хворостом и шишками, нам пришлось сжечь и подшивку рассказа, и многие книги нашей библиотеки. Тогда же, кстати, погибла и папина подборка публикаций о ялтинском землетрясении.

В 1938-м или в 1939 году мы встретились с Аркадием Гайдаром снова и почти на том же самом месте, что и в первый раз, когда я шла в школу. Аркадий Петрович узнал меня, остановился, поздоровался. Он был не один,

с ним были женщина и двое мужчин. Гайдар спросил, как успехи в школе, и сказал: «Вот ты уже и пионерка, поздравляю!» Я была очень рада нашей встрече, но от смущения ничего не могла сказать, только смотрела на него широко раскрытыми глазами и, как всегда, от смущения густо покраснела. Гайдар рассмеялся и пошёл со своими друзьями, а я отправилась в школу.

Когда после войны снова стали печатать книги, я, уже работая в музее А.П.Чехова, с большой радостью купила большой однотомник рассказов: Аркадий Гайдар. Сочинения. – Москва-Ленинград, 1948.

На первой странице книги всё тот же портрет Аркадия Петровича, на котором он как живой. Таким он и остался в моей памяти на всю жизнь.

ОККУПАЦИЯ

Ночь с 7-го на 8 ноября была какая-то жуткая. Тишина стояла необыкновенная, город как будто притаился. Странно, но даже собаки не лаяли.

А на рассвете 8 ноября в Ялту вошли немцы. Голоса их мы слышали со стороны Аутки. Мы все сидели тихо и не разговаривали, даже дети молчали.

Где-то часу в десятом раздался гул самолётов, и мы все – и взрослые, и дети – побежали в щель. Но самолёты промчались и не бомбили. Через некоторое время взрослые все ушли в дом, а около щели оставили трёх маленьких детей и меня с ними за старшую. Мне наказали: «Как только опять услышите гул самолёта, так сразу все в щель!»

Со мной стояли: Людочка, моя двоюродная сестрёнка, ей четыре года, Толик – внук тёти Паши, его ещё до начала войны к бабушке привезли из Сталинграда родители, ему тоже четыре года, и ещё была девочка, как её звали, не помню, лет шести. Она приехала из Одессы, это была еврейская семья, они бежали на пароходе, но дальше Ялты тот не пошёл.

Мы стояли молча. Вдруг я услышала шаги, подняла голову и увидела, что по дороге шагают два немца. Естественно, я очень испугалась. Но стояла, не шелохнувшись, и не сводила с них глаз. Я следила, куда они пойдут. Дорога, по которой они шли, была выше нас, мы находились в ложбине, внизу, но слева от дороги проходила тропинка, которая вела к щели. Дети сначала стояли ко мне лицом и не видели немцев, но вот немцы свернули

на тропинку и начали спускаться к нам. Дети прижались ко мне и заплакали. Я обняла их обеими руками.

Немцы подошли к нам, посмотрели на щель. Один из них поднял руку, сжатую в кулак, помахал над щелью и произнёс: «Бум, бум!» Потом они пошли к дому, где были наши родители.

Помню, меня удивили детали формы немцев. На плечах у них висели автоматы, на воротниках были большие петлицы красного цвета, и на них какие-то скрещённые полоски. Уже потом, когда мы научились различать знаки, я поняла, что это были зенитчики. Они, видимо, пришли на Чайную горку, чтобы посмотреть, нельзя ли здесь установить зенитную батарею. Позже они таки установили её, и очень большую, но на холме Дарсан (там, где теперь расположен Холм Славы и Вечный огонь).

Мы все пошли вслед за немцами, ведь они направились к нашим мамам и бабушкам. Немцы заходили в дом, открывая настежь все двери и оставляя их открытыми, потом шли к следующему дому и делали то же самое. Мы все, взрослые и дети, были как онемевшие и оцепеневшие.

Мы потом долго приходили в себя, часа два или даже три. И дети не плакали и не просили кушать. Вот такая была первая встреча с немцами.

Первое близкое знакомство с немцами

Мама ушла, положив на стол узелок с коржиками. Я стою одна в комнате и слышу, как по коридору топают немецкие сапоги. А коридор у нас довольно длинный. На двери, со стороны комнаты, устроена небольшая задвижка. И я её то закрою, то открою, не зная, как лучше. И вдруг дверь открывается, и заходят два немца. Первый, видимо, офицер, прикладывает правую руку к виску и говорит по-русски: «Честь». Я стою окаменевшая. Они обошли вокруг стола и остановились возле маминой кровати, на которой и я спала после того, как у нас осталась одна комната. На кровати лежали три матраса. Солдат поднимает матрас (он был полосатый), потом второй (такой же) и, наконец, третий, упакованный в старинный золотистый чехол с цветами. Офицер ткнул в него пальцем и что-то сказал солдату. Тот отодвинул полосатые матрасы в сторону, достал красивый, свернул его рулоном и взял под мышку. Они стали уходить, но тут офицер обратил внимание на узелок с коржиками на столе. Он развернул его, приложил к щеке. Коржики были ещё тёплые. Он взял два, отдал солдату, взял себе ещё два, прикрыл остальные пять-шесть, сказал снова «Честь», и они ушли.

Когда вернулась мама с одеялом и подушками, я всё ей рассказала. Она даже улыбнулась: «И нам с тобой оставили на ужин». Она была очень рада, что со мной ничего не случилось.

Что-то человеческое есть и у них

Страшнее всего был голод. Всё время очень хотелось есть. <...> Мы с Ирой, соседкой, иногда наблюдали интересную картину из окна нашей

прихожей. В саду техникума стояла военная походная кухня. Немец-повар готовил еду и потом большим половником разливал её солдатам, которые обслуживали госпиталь. Около этого котла на запах пищи собиралось много детей. Когда солдаты с котелками уходили, повар подзывал детей, ставил их по росту и разливал им оставшуюся еду. В основном, это были мальчишки разного возраста, а девочки почему-то были лишь очень маленькие. В руках дети держали баночки, кружечки. Иногда некоторые мальчишки, что постарше, быстро съедали свою порцию, а потом опять шли в эту очередь, но не в конец, а расталкивали ребят поменьше и становились впереди. Повар это замечал, и когда «нарушители» подходили к котлу, он давал им подзатыльник и показывал, чтобы они шли в конец очереди.

Нам с Ирой тоже очень хотелось есть, но было стыдно подходить к котлу, ведь нам уже было по 13 лет.

Мы – советские пионеры

В это время в середине декабря мама с Женей ушла за перевал в Симферопольский район на обмен. Я осталась дома одна. Через три дня ушла на обмен и тётя Юля, мама Иры. В один из этих дней я наводила порядок в доме. Открыла шкаф, и на глаза мне попались пионерские галстуки – мой и Женин. Галстуки у нас с ним были шёлковые. Я завязала на шее галстук и пошла к Ире в соседнюю комнату. Ей это понравилось. Она попросила, чтобы я ей дала второй галстук, и тоже повязала его. Нам этого показалось мало – ведь в доме никого не было, нас никто не видит. И мы решили выйти в застеклённую прихожую, чтобы открылся вид на улицу. Мало того, мы открыли настежь окно. Но на нас опять никто не смотрел. Я предложила: давай возьмём Женин горн и попробуем с его помощью привлечь внимание. Сама я не могла дуть в горн – сил не хватало. Тогда Ира взяла его и издала громкое «ту-туу». Именно в это время мимо нашего дома проходили два немецких солдата. Они подняли головы, увидели нас и бегом кинулись к нашей лестнице. Нас из прихожей как ветром сдуло. Мы помчались на кухню и закрыли дверь на крючок. Коридор у нас в доме был тёмный. Немцы остановились. Мы застыли за дверью. Сердце так билось,

что солдаты, мне казалось, могут услышать его стук. Они потоптались ещё немного вначале коридора, но дальше не пошли.

Мы ещё долго сидели в кухне, не шелохнувшись, вслушиваясь в тишину. Потом тихонько вышли. Никого нигде не было. Хорошо, что это оказались солдаты, и у них не было оружия. Если бы это были офицеры, нас могли просто пристрелить, как партизан. Мамам своим мы об этом случае рассказали только после окончания войны.

Я предсказываю окончание войны

Я всегда крепко спала и никогда не видела снов. Но вот когда не было мамы, мне приснился странный сон... Совсем близко от нашего дома находился кинотеатр «Спартак». И мне снится, что я прихожу в большой зал, где много людей. Фильм ещё не начался, но в зале темно, светится только экран. Я села на своё место, и вдруг раздаётся голос за экраном: «Смотрите внимательно, сейчас вы узнаете год окончания войны». На экране с интервалом появляются цифры: 1, 8, 2, 4. Голос продолжает: «Эти четыре цифры: сложите между собой, а потом умножьте на 3. Получите год окончания войны». Я просыпаюсь, помня эти цифры, и начинаю складывать их, а потом умножаю. Получаю 45. Когда я рассказала этот сон своим соседям и знакомым, мне никто не поверил, все только посмеялись. Ведь был ещё декабрь 1941 года. Мама, вернувшись с Женей из обмена, тоже была удивлена тому, что я рассказала. Она знала, что я никогда не вижу снов. «Это ты любишь математику, – сказала она, – поэтому тебе приснилась задача по арифметике. А до 1945 года еще очень далеко».

В первую зиму оккупации Ялты – 1941–1942 годов – много людей умерло от голода, в основном это были пожилые одинокие люди. Кроме голода, город переживал постоянные бомбёжки.

Угоняют в Германию

В конце июля в Ялте прошла первая облава на молодёжь для вывоза на работу в Германию. Среди задержанных был мой брат Женя и ещё два мальчика из нашего двора – мой одноклассник Ваня Ребрик и Вася Алексеенко.

Их осмотрели, зарегистрировали и отпустили домой, назначив отъезд на 4 августа. Прятать ребят было нельзя. Им объявили, если они не явятся к месту сбора, вся семья будет расстреляна. Женя утешал маму. Говорил, что среди них не только мальчики, но и девушки, что их увозят не совсем, а только на какое-то время, а потом отпустят домой. Конечно, мама в это не верила, но брат продолжал утешать маму и даже пошутил, что самым печальным за месяцы его отсутствия будет то, что он не сможет носить её на руках. Женя очень любил маму, и когда она задерживалась у соседки тети Юли, он приходил, поднимал маму на руки и уносил в нашу комнату.

Я очень хорошо запомнила этот день – 4 августа. На площади перед морским вокзалом стояли грузовики, и в них на скамейках сидели подростки – мальчики и девочки. А рядом с грузовиками стояли родители и

родственники и обливались слезами. Уезжающие старались улыбаться, говорили, что скоро вернутся...

Уже потом мы узнали, что ялтинских ребят вывезли в Австрию.

С августа 1942 года мы остались с мамой вдвоем.

Первое, что я поняла, – необходимо, пока тепло, постараться как можно больше заготовить дров, хвороста и шишек. С моей ровесницей с нашего двора Любой Дульеровой мы каждый день ходили в лес по шоссе до Ливадии, а дальше в горы на водопад Учан-Су. Женя перед отъездом сделал нам небольшую тележку на подшипниках, и на ней мы привозили то, что могли собрать.

Уже было трудно что-либо найти в лесу, и мы подходили всё ближе и ближе к водопаду. И наступил день, когда мы уже подошли очень близко к немцам, которые пилили сосны. Оказалось, что это были не немцы, а хорваты. Они нас заметили, и стали жестами показывать на ветки, которые мы могли забрать. Сначала мы очень боялись, но потом поняли, что они нам ничего не сделают. И мы с Любой день за днём стали собирать брошенные ветки. Два раза лесорубы даже нагружали нашу тележку довольно толстыми обрубками и довозили нас и нашу поклажу до города.

В школу

А 1 сентября мы с Любой пошли в школу. Я в 7-й класс. Мы были очень рады встретиться со своими учителями. Они, видимо, так же, как и мы, в эвакуацию уехать не смогли. У нас в классе не было только немецкого языка, потому что его некому было преподавать. Учителя, которые знали немецкий, все ушли работать переводчиками. И ещё мы не изучали Конституцию СССР, как положено было по школьной программе до войны. Что касается географии, то вместо «Географии СССР» мы повторяли учебник 6-го класса – «География капиталистических стран». Наши учителя также предупредили, чтобы мы не носили в школу учебники, в которых были портреты Ленина и Сталина.

По оккупационным законам нам выдали паспорта в 14 лет. Это было в конце августа или в начале сентября 1942 года. Женя уезжал в Германию без паспорта – с метрикой. Я же получила оккупационный немецкий паспорт. Это был вдвое сложенный лист грубой бумаги серого цвета. На развороте – фамилия, имя, отчество, национальность, дата и место рождения, место проживания.

В первые месяцы учёбы нам также были выданы значки – круглые, металлические, с тремя буквами «Ж.С.Ш.». Эти значки нас должны были защищать от облав. Некоторые семьи не верили этому и не пускали

Морской вокзал

своих детей в школу, особенно те, кто жил на окраине и в своих домах. Я жила в самом центре города, на главной проезжей улице, и прятаться мне было негде.

В годы оккупации я закончила 7-й и 8-й классы. В школу мы часто ходили под бомбёжками. Особенно страшно было девочкам, которые жили на улицах Дражинского и Среднеслободской: им нужно было проходить мимо Морского вокзала – главного объекта бомбёжек.

Примерно через месяц после начала учёбы нам стали давать в школе на большой перемене по 50 граммов хлеба. Он был из ячменя, но мне казался необыкновенно вкусным. Тётя Клава к этому времени уже работала на маслобойне и иногда приносила макуху – выжимки от семечек. Она была крепкая, как камень, и есть её было очень трудно.

По дороге в школу я проходила мимо дома, где росли два больших грецких ореха. Почти каждый день я находила два-три ореха, приносила их домой, и мы четверо делили их поровну. Даже когда был один орех, мы его делили на четыре дольки.

Как-то тётя Клава принесла с работы жмых, но не от семечек, а от миндаля. Один немец принёс его на маслобойку. Каждый из четырех кусочков был величиной с вишневую ягоду. Тётя Клава, Миша и мама съели свои порции вечером, когда я спала. Утром я собираюсь идти вытирать лужи (ночью был сильный дождь), а тётя Клава даёт мне мой кусочек. Я погрызла жмых и пришла к себе в комнату, вылила воду из ведёр и тазика и вдруг почувствовала, что мне плохо и я сейчас потеряю сознание. Спустилась по лестнице, иду по тротуару. Помню, что на меня странно смотрели люди, которые шли навстречу. А у меня было такое необычное чувство, словно у меня глаза вылезают из орбит. Я дошла до комнаты тёти Клавы, открыла дверь и... упала на пороге. Больше ничего я не помнила.

Когда очнулась – лежала на кровати. Мама с тётей Клавой разжимали мне рот и что-то вливали. Как потом я узнала, это был рассол от помидоров. И Мишу посылали на Пушкинский рынок поблизости, чтобы он принёс ещё литровую банку. Я хорошо запомнила, что руки у меня были синие, а также на руках и ногах посинели ногти. Мама плакала, растирая мне руки...

Выхаживали меня долго, я целую неделю не ходила в школу. Этот жмых содержал в себе много синильной кислоты. Все съели его вечером после еды, а я утром на пустой желудок. Но, слава Богу, выжила.

Зимой я вместе с мамой опять ходила в лес за хворостом и шишками. Как это было трудно из-под снега их выковыривать!

А однажды в лесу мы попали под бомбёжку. Бомбили именно лес, хотя там уже не пилили сосну. Это было очень страшно. От взрыва бомб раздавалось сильное эхо, деревья сильно качались и шумели. Мы успели собрать один мешок хвороста, привязали его к тележке и, дождавшись затишья, решили уходить из леса. По дороге нам попались два румынских солдата, которые вели трёх лошадей. И только они прошли мимо нас, как снова посыпались бомбы. Мы бросили тележку на дороге и быстро вернулись чуть назад. Там протекал большой горный ручей, и дорога в этом месте нависала

над водой, как мост. Мы с мамой решили там укрыться. Но когда спустились, увидели рядом тех двух румын. Так мы и просидели вместе до окончания бомбёжки. Было страшно и от неё, и от присутствия румын.

Потом мы выбрали тележку и пошли в город. Мы были на верхнем шоссе, а ниже уже начинались жилые дома. Во дворе одного из них лежала убитая пожилая женщина, вокруг неё ходила большая собака.

В лесу мы с мамой были почти каждое воскресенье. Мешка хвороста, который набирали, еле-еле хватало на неделю. Да, я забыла сказать, что для того, чтобы попасть в лес, нужно было получить разрешение у лесника и заплатить определённую сумму денег. Пункт лесника находился там, где заканчивалось шоссе из Ялты и начиналась горная дорога, которая вела к водопаду Учан-Су и далее на плато Ай-Петри. При возвращении мы делали остановку возле пункта, и лесник тщательно ощупывал наш мешок. Если ему казалось, что среди хвороста прячутся какие-то ветки потолще, он требовал высыпать всё содержимое на дорогу и отбирал дрова потолще, оставляя их себе.

В городе появились городская управа и городской голова. Через некоторое время детям начали выдавать хлебные карточки – по 400 грамм, работающим – по 500. Но работу невозможно было найти. Потом по карточкам стали выдавать рыбу. Рыбы было много, её стали давать и безработным. А позже даже и хлеб. Так что зимой 1943 года от голода уже не умирали.

Случай новейшего средневековья

Один случай мне запомнился на всю жизнь – это была живая иллюстрация к деяниям новейшего средневековья. Там, где сейчас большой вещевого рынок, были рынок овощной и большая площадь перед входом в пассаж. В центре её стоял деревянный столб, к нему верёвками был привязан молодой мужчина. На груди у него висел фанерный щит с надписью: «Я оскорбил жену городского головы». Мужчина стоял лицом к солнцу, был июль. По лицу тёк пот, который он не мог вытереть, потому что руки были привязаны к столбу. Этот столб с несчастным простоял несколько дней на базарной площади, потом на Пушкинском базаре и на Набережной.

Бастуем мычанием

В первой четверти 7-го класса у нас не было уроков литературы. Нам говорили, что нет преподавателя. Зато появились классные надзиратели. Они дежурили во время перемен в коридорах первого и второго этажей. Надзиратели следили, чтобы мы не собирались группами и не вели никаких разговоров, а молча ходили по коридорам.

К нам в 7-й класс пришли девочки из других школ, так как работала только одна женская школа. Среди пришедших были и значительно старше, чем мы. Дело в том, что школьный значок «Ж.С.Ш.» спасал от угона в Германию. У нас даже училась девушка, которой было 23 года, правда, она была маленького роста и вполне походила на семиклассницу. Мы звали её «старушка», и она не обижалась. Потом, после войны, она много лет работала кассиром в гастрономе на Набережной.

И вот, наконец, у нас появился учитель по литературе – Ясинский (имени не помню). Новый преподаватель стал нас обучать чтению по школьному учебнику и требовал, чтобы там, где стоит точка, мы повышали голос. Как-то у нас это плохо получалось. Всю первую неделю или даже дней десять он требовал от нас только чтения. Но однажды он сказал: «А теперь поговорим о стихах!» И стал декламировать известные пушкинские строки:

*Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья...*

А потом он вдруг говорит: «Вот и настало это время счастья – немцы освободили нас от гнета самовластья!» Мы все, 18 девчонок, на какое-то время просто остолбенели. А потом, не сговариваясь, с закрытыми ртами замычали. Учитель повысил голос и стал доказывать, что только сейчас пришла к нам свобода. Мы продолжали мычать, а Ясинский растерялся и не знал, что делать дальше. Затем он открыл дверь и пригласил надзирательницу. Когда она вошла в класс, мы все смолкли. Учитель пытался ей что-то объяснить, а она на нас кричала: «Тише! Тише!», хотя мы все молчали. Через несколько минут они оба удалились из класса.

Вскоре появилась начальница школы Наталья Васильевна Попова и очень спокойно сказала: «Сейчас у вас будет урок географии». На этом у нас закончились уроки литературы, и этого учителя мы в школе больше не видели.

Забегая вперёд, скажу, что своё «выступление» мы ещё раз повторили в 8-м классе на уроке истории. Её нам преподавал учитель (тоже, кстати, не из нашей школы) Николай Семёнович Лобко, который однажды заявил, что «немцы нас освободили». Мы опять встретили его слова дружным мычанием.

Духовная защита

Рядом с нашей школой находился собор Александра Невского. На территорию храма не попала ни одна бомба, ни один осколок. На соседние улицы Войкова и Кирова попало сразу несколько бомб. Там и сейчас остаются следы от этой бомбёжки: одна из стен, сложенная из дикого крымского камня, выглядит так, словно её кто-то погрыз. До сих пор думаю, что святой Александр защитил нас. И ещё думаю, что за нас молился святой Антоний – Антон Павлович Чехов. Кстати, актовый зал к женской гимназии пристроили именно тогда, когда Чехов был членом её попечительского совета.

Бомбёжка

Летом мы снова часто ходили в лес, чтобы хоть что-нибудь запасти на зиму. Мама записалась в очередь в комендатуру на получение пропуска на обмен в степной Крым в надежде что-то достать из продуктов. Почему-

Собор Александра Невского

то зимой голод чувствовался гораздо сильнее, чем летом. Работы мама не могла найти, поэтому хлебной карточки у неё не было. На мою детскую карточку теперь давали 200 граммов хлеба – вот всё, чем мы питались. Тётя Клава, у которой мы ночевали, получила ещё карточку на обед. В городе летом открыли столовую, где отпускали эти обеды (на первое суп из перловой крупы без всякого жира; на второе каша, тоже перловая и тоже без жира). Столовая размещалась в одноэтажном здании на улице Платановой вблизи моста, ведущего через речку Дерекойку к базарной площади (на этом месте сейчас находится прямоугольный бассейн у памятника Ленину).

Однажды тётя Клава попросила меня сходить получить для неё обед. Я согласилась. Она дала мне карточки, в авоську поставила кастрюлю для супа, сверху миску для каши, которую я накрыла крышкой. Когда я подошла к столовой, меня удивила огромная очередь. Обед ещё не давали. Я заняла очередь и подумала о том, что это часа на два или больше. Был июль, жара стояла страшная. У меня на голове не было ни панамки, ни косынки, а волосы у меня чёрные. Как же выдержать это пекло? Тени нет никакой. С полчаса простояла и поняла, что не выдержу. Через дорогу у стены, за которой находилась лесопилка, рос молодой каменный дуб (их незадолго до войны высадили на Платановой улице). Тень от дерева очень маленькая, и подойти к стволу близко нельзя, ведь деревья отгорожены металлической решёткой. Смотрю на эту крошечную тень, и вдруг какой-то внутренний голос говорит мне: «Пойди, стань под эту тень». Я ещё простояла в очереди какое-то время, но голос продолжал настойчиво звучать не то в голове, не то в душе, как какое-то предчувствие.

Преодолев свою застенчивость, я обратилась к женщинам, стоявшим за мной (все они были в белых косынках): «Можно я отойду и стану в тень?» Они ответили: «Конечно, хорошо, иди». Я подошла к дереву и стала в тени. Прошло минут пятнадцать, и вдруг раздался гул самолёта и одновременно крик мальчишки, который бежал вниз по Платановой улице: «Бомбы-ы-ы!» Первое впечатление было, что мальчишка пошутил. Так иногда случалось. Самого самолёта из-под дерева мне не было видно. Но в то же мгновение раздался свист бомб, и вся толпа женщин в очереди кинулась через мост к гостинице «Крым» – там были подвалы. Но уже рвались бомбы, и стоял страшный крик людей, сбившихся в кучу на мосту. Я не побежала в подвал, потому что боялась, что меня раздавит толпа. Я только отошла к ровной плоской стене и прижалась к ней спиной. В руках я крепко держала авоську с кастрюлей: я не могла её потерять, ведь она чужая.

Самолеты (не знаю, сколько их было) пронеслись низко, на бреющем полёте. Я стояла лицом к столовой. Бомбы рвались в здании столовой прямо передо мной. Они рвались и в речке, у моста, поднимая столбы воды вместе с землей. Какое-то оцепенение напало на меня. Я почему-то думала, что главное – не шевелиться.

Когда всё закончилось, я всё ещё стояла у стены, будто прилипшая. Вокруг была жуткая картина: несли и вели под руки окровавленных людей. Никогда я ещё не видела столько убитых и раненых.

Наконец я оторвалась от стены и пошла вверх по Платановой к Садовой улице. На моей одежде были грязные и кровавые пятна, но я не обращала

на это внимания, только крепко прижимала к себе чужую кастрюлю. При выходе на Садовую я увидела маму. Вся в слезах, она бежала мне навстречу. Я остановилась. Мама встала передо мной на колени, целовала меня, гладила руки и всё спрашивала, где я ранена. Я ничего не соображала. Кровь же на моих платье и руках оказалась не моей.

Дома меня отмыли, уложили в постель, а я всё молчала. Мама просила: «Скажи что-нибудь», а я не могла. В ту ночь я не спала ни одной минуты, и мама всю ночь просидела рядом.

Как новогодняя ёлка спасла нас

Приближался новый, 1944 год. Мне почему-то очень захотелось поставить дома ёлку. Ёлочных игрушек у нас было много. Я помню, как осенью 1940 года в газете «Пионерская правда» было напечатано объявление, в котором сообщалось, что можно из Москвы выписать набор ёлочных игрушек по почте. Мы всегда ставили дома большую ёлку, ведь у нас были высокие потолки. Мама тогда выписала сразу два набора. Часть этих игрушек у меня хранится до сих пор.

Вместе с моей одноклассницей и подругой Пашей Дёминой мы решили сходить в лес за ёлкой. Два года оккупации, страх, голод, ежедневное ожидание бомбёжек, видимо, притупили чувство осторожности. С нашей стороны это решение было, вероятно, даже своеобразным протестом. Мы пришли из школы, положили в мешок топор и отправились в лес за ёлкой. Шли мы в ту часть леса, что находится над Ауткой (далеко справа от водопада Учан-Су). Паша быстро срубила себе маленькую ёлку, я же искала настоящую большую новогоднюю ель. Наконец и я нашла, что хотела, и мы пошли домой. Мы торопились вернуться до комендантского часа. Начался снегопад. Снег был такой густой, что мы перестали видеть Ялту. В итоге мы ещё и сбились с той тропинки, по которой пришли в лес.

Я несла свою огромную ёлку, положив ствол на правое плечо, и старалась её так придерживать, чтобы зелёные ветки и особенно макушка не очень тёрлись о тропинку. Было очень тяжело, но я предвкушала радость от того, что у нас будет стоять ёлка, и это придавало мне силы. Паша в это время жила в Аутке на улице Батурина. Мы пришли к ней. Я оставила там свою ёлку и скорей побежала домой. До комендантского часа оставались считанные минуты.

Мама стояла на крыльце, ожидая меня, и очень волновалась. На второй день мы пошли с ней за ёлкой. Когда мама увидела её, она просто ужасну-

У ёлочки, подаренной И.С.Козловским

лась: как я это тащила? В лесу же мне казалось, что ёлка маленькая. Мы укоротили ствол сантиметров на тридцать и понесли ёлку домой. В дверь дома деревце не проходило, даже после того, как мы открыли обе створки парадного. Пришлось на крыльце отпилить ещё приличный кусок ствола. Когда мы наконец внесли ёлку в комнату и поставили её, она заняла почти половину нашей совсем не маленькой комнаты, а её макушка как раз доходила до потолка. Крестовина у нас сохранилась от прежних ёлок, и я подтесала под неё топором ствол (по-моему, за годы войны я стала хорошим лесорубом). Ёлки у нас в Крыму, как известно, – это наша крымская сосна, развесистая и пушистая. Все соседи приходили полюбоваться на неё. И все вместе мы встретили у нас новый 1944 год. Я уверена, эта новогодняя ёлка дала нам дополнительные силы дожить до освобождения Ялты. А ещё и защитила нас с мамой.

Ёлки у нас всегда стояли долго – до 10 февраля. 9-го мы отмечали мой день рождения, а назавтра разбирали новогоднюю красавицу. Крымская сосна стоит долго и не осыпается. Где-то в январе, числа 7-го или 8-го (не помню точно), заговорили, что в Керчи или Феодосии высадился наш десант. В Ялте как-то панически зашевелились немцы. В татарский техникум, что через дорогу от нас, приехали на машинах и пришли пешком румынские солдаты и офицеры. Все они там поместиться не могли. В техникуме и раньше располагалось большое количество румын. И вот вечером сидим мы у печки, греемся и вдруг слышим грохот кованых сапог по коридору. Распахивается дверь, входит румынский офицер и, оглядев комнату, на ломаном русском языке говорит: «У вас тут будут ночевать два солдата». Показал на мамину кровать и сказал, что здесь будут спать хозяйка и ребёнок. Указывая на мою кровать, произнёс: «Два солдата». Потом повернулся к открытой двери, что-то сказал по-румынски, и в комнату вошли два солдата: один здоровый, с каким-то злым лицом, другой – молодой и худой. Офицер показал им на мою кровать и отправился дальше по коридору в другие комнаты.

Наша ёлка стояла между двумя кроватями, и проход к кроватям был очень маленький. Перед ёлкой в центре комнаты стоял большой стол. Солдаты сняли свои шинели и мокрые от снега сапоги, сложили их у двери, прошли и сели на кровать, разложили подушки и приготовились ко сну. Мы с мамой в ту ночь легли, не раздеваясь. Я к стенке, а мама близко к ёлке. Долго не могли уснуть, было страшно, да и румыны разговаривали. Наконец они уснули, и мы с мамой тоже вроде задремали. И вдруг мама закричала и села на кровати. Один румын, что помоложе, чиркнул спичкой и зажёл что-то, похожее на свечу. И они стали между собой ругаться...

Мама тихим шёпотом мне рассказала, что она вдруг услышала звон стеклянных игрушек на ёлке и насторожилась. Через несколько минут она почувствовала, как тяжёлая рука стала шарить по одеялу, которым мы были укрыты, и тогда мама закричала. Она сказала мне: «Это ёлка нас спасла». Потом мы сидели на кровати, обнявшись, и только ждали, чтобы скорее наступило утро. Нам повезло, что молодой румын не позволил другому надругаться над нами.

Вот так для нас начинался 1944 год – с ёлкой и страхом.

Но жизнь продолжалась. Продолжалась учёба в школе, в том числе и мои любимые уроки математики с нашим очень строгим учителем Фёдором Петровичем Боднарковским. Продолжались ночные бомбардировки. В выходные дни мы по-прежнему ходили в лес, чтобы собрать хоть какие-то ветки для печи. В тот год ялтинцы необыкновенно тщательно вычистили лес от хвороста и гнилых шишек.

Ливадийский дворец

Большой радостью были, как я уже писала, кино и звучащая там музыка. Ещё мы позволяли себе иногда ходить в Ливадию ко дворцу. Поразительно, но его никто не охранял, не было ни немцев, ни румын. Двери были закрыты. Мы по ступенькам поднимались на террасу и заглядывали в окна, где стояла красивая мебель.

Когда мы приходили ко дворцу, моя школьная подруга Паша и соседка Ира всякий раз просили маму рассказать, как она видела царя Николая II и всю семью Романовых, когда они приезжали в Ялту. По рассказам мамы, Набережная вся была украшена флагами, гирляндами из цветов и портретами царя. На Набережной у гостиницы «Крым» стояло огромное количество людей. Так ялтинцы ежегодно приветствовали царя. Николай II сидел в экипаже, рядом с ним стоял наследник. Он держал правую руку у виска, отдавая честь собравшимся на Набережной. Во втором экипаже сидели императрица Алиса и четыре дочери. Дальше – свита царя.

Мама несколько раз видела дочерей императора на Набережной. Они гуляли вдоль моря в сопровождении бонны и заходили в магазин, где продавались нитки, иголки, пяльцы и другие принадлежности для вышивания и рукоделия.

Ещё рассказывала мама, что очень часто видела великую княгиню Ксению Александровну. Она была попечительницей Ялтинского детского приюта. Мама не была воспитанницей приюта. У неё рано умерли родители, но она жила в семье старшего брата Дмитрия. Он служил в царской армии, в гусарском полку. В 1917 году, после революции, перешёл в Красную армию. У мамы были ещё два брата, Сергей и Георгий, и сестра Марина. Моя мама была самая младшая в семье. Мамина крёстная, экономка у доктора Штангеева, пристроила её помощницей воспитательницы, которая обучала девочек в приюте шитью и рукоделию. Моя мама была очень хорошей рукодельницей. У нас сохранилась редкая фотография, на которой маме 14 лет. Это её первая фотография. На обратной стороне надпись: «На добрую и долгую память. 25 июля 1917 года. От Елены Львовны Котовой». Это была старшая воспитательница в приюте. К Наденьке относились очень хорошо: брат служит в гусарах, крёстная – солидная и уважаемая дама. Когда наступали рождественские и пасхальные праздники, маму к себе домой забирала жена предводителя дворянства Попова. Так что мама не только близко видела великую княгиню, но даже удостоивалась чести беседовать с ней.

Вот такие интересные вещи рассказывала нам мама, стараясь отвлечь от холодных и голодных дней и страшных бомбёжек.

В последнее время, когда ночью начинали бомбить Ялту, я не только не спускалась в подвал, но уже даже не вставала с кровати. С какого-то момента человек устаёт бояться, и у него притупляется чувство страха. Моя кровать стояла у окна, в котором уже не было ни одного стекла. Оно было заделано фанерой. Мама просила, чтобы я вставала и пряталась под кроватью, но я этого не делала.

Моя маленькая победа

В первых числах апреля что-то непонятное стало происходить с немцами и румынами. В их речи всё чаще стала звучать фраза, которую ещё недавно невозможно было даже представить: «Гитлер капут». Мы предполагали, что где-то опять высадился советский десант. Снова на территории татарского техникума появилась большая группа румын, и к вечеру их принялись размещать в соседних домах.

Распределение румынских солдат, естественно, не миновало и наш дом. Когда они стали ходить по коридору, я закрыла дверь на внутреннюю задвижку. Солдаты подёргали дверь, мы не открыли. Но у нас сидела Ира, наша соседка. У неё комната была не заперта. Поэтому когда румыны мимо нашей двери пошли к ней, она открыла задвижку и заторопилась к себе. Четыре обозлённых румына вошли к нам и стали кричать, почему мы не открывали комнату.

Потом было сказано, что у нас будут ночевать два солдата. Я вспомнила январскую ночь, когда на нас чуть не напал румын, и заявила, что у нас никто ночевать не будет. Главный румын распорядился, чтобы солдаты постелили своё одеяло в комнате на полу перед дверью в коридор. Когда они это сделали, я ногами вытолкала одеяло через открытую дверь в коридор. Они снова постелили, я опять отфутолила. На меня нашёл какой-то сумасшедший азарт. Мама кричала мне: «Не трогай!», а я в третий раз отфутолила одеяло из комнаты. Румыны позвали своего старшего, который говорил по-русски. Он стал на меня кричать: «Партизан, партизан», – а я продолжала выталкивать ногами одеяло.

У румына была в руках плётка, и он замахнулся на меня, чтобы ударить

по лицу. И в это мгновение я увидела, как чья-то рука перехватила плётку. Очень интересно: мне было страшно тогда, но я вдруг подумал: «Какая красивая рука». Потом на пороге появился румынский офицер. Обращаясь ко мне, он сказал: «Мадемуазель, нельзя так, ведь они люди и не могут спать на улице». Тогда я ему ответила: «У меня нет папы, а только мама, а ваши солдаты ведут себя плохо, мы их боимся». Офицер мне ответил: «Спать у вас будут один солдат и мой денщик».

И действительно, пришли денщик и солдат. Они спали на полу, мы с мамой вместе на её кровати, а на моей кровати никто не спал. На рассвете они ушли, сказав: «Спасибо». Денщик добавил: «Скоро Гитлер капут».

Вот так я одержала свою маленькую победу.

Последние дни оккупации

А на следующий день иду после занятий домой вместе со своими одноклассниками. Подходим ближе к моему дому, и на тротуаре перед лестницей, которая ведёт на второй этаж, где я живу, и на крыльце перед входом в прихожую дома видим жандармов и немцев из СД. Попрощавшись с друзьями, я поднялась по лестнице, вошла в прихожую, где жандармов и немцев оказалось ещё больше. Никто ничего мне не говорит, и я иду дальше по коридору. Дверь комнаты № 8 открыта настежь, и тут тоже жандармы и немцы. Я зашла в свою комнату № 9. А там несколько соседок и моя мама накинулись на меня и стали ругать, что вчера вечером я выгоняла румын. Я в недоумении спросила, почему жандармы и немцы в комнате № 8?

Оказалось, что я тут ни при чём. И никто из соседей тоже ничего не знает.

У нас в доме жили две сестры Сергеевы. Одна из них работала на почте, пришла домой на перерыв, и ей нужно было возвращаться на работу. Она подошла к офицеру, который говорил по-русски, и объяснила, что ей пора на службу. Он выслушал её и сказал: «Подождите». Через несколько минут собрали всех соседей в коридоре и объявили: «Идите на работу, в магазин, у кого есть карточки, но чтобы вечером все возвращались домой и никому ничего не говорили».

А в комнате № 8 в годы оккупации поселилась большая семья. Дядя Сеня Портенко работал на грузовике у немцев, возил пшеницу из Симферополя в Ореанду на мельницу. Его охранял немец Альберт, у которого был автомат. Немец по-русски не понимал ни слова, жил и ночевал у Портенко. Жена дяди Сени – тётя Тина – в то утро ушла в Симеиз покупать козу. Жили они весьма зажиточно. У них была дочь Тая восьми лет, которая училась в первом классе. Ещё с ними жила невестка тётя Тины – тётя Нина с сыном Лёней лет пяти.

К вечеру немцы опять собрали всех соседей и сказали нам: «Мы пришли арестовать Семёна Портенко, но его не нашли и жену не нашли. Отпускаем невестку с сыном, разрешаем им уйти к своим знакомым». В тот же вечер в СД забрали бабушку Марфу, ей было далеко за 70. А Тяю Портенко оставили у соседки в комнате № 7. Нас предупредили: если пропадёт ребёнок, то есть Тая, и что-нибудь из их комнаты, если не найдут дядю Сеню, то вас всех как заложников расстреляют. Поздно вечером немцы ушли, оставив дверь квартиры № 8 открытой настежь.

Итак, мы, жильцы дома, стали заложниками: семеро взрослых и четверо детей. Наше счастье, что это было за неделю до освобождения Ялты, которое произошло 16 апреля. Немцам в последние дни было уже не до нас. Дня четыре жандармы днём ещё приходили, грозились, что если пропадёт Тая или кто-нибудь из соседей уйдёт без предупреждения, остальных расстреляют прямо здесь, в своих комнатах. А потом уже нас никто не считал. Вот такие нам достались последние дни оккупации.

15 апреля в городе уже не было ни одного немца, и большая часть румын из техникума тоже куда-то ушла. 14 апреля я ещё была в школе, но после второго урока нас всех отпустили, предупредив, чтобы мы на следующий день в школу не приходили.

15 апреля, примерно в два часа дня, я вышла из дома, чтобы сходить в сарай за хворостом. Я была на крыльце, когда увидела, как наискось от угла Перовой улицы в наши открытые ворота вбежал Борис Савинский – один из акробатов, которые выступали перед немцами в театре. Я его очень хорошо знала. Он жил недалеко и в довоенные годы посещал нашу спортплощадку. За Борисом бежали с автоматами два румына. Они забежали во двор нашего дома, дальше мне не было видно. Я перевела глаза туда, откуда Борис бежал, и увидела немецкий автомобиль, около которого стояли две молодые женщины и румын, который уже не один месяц здесь постоянно появлялся. Все его звали «Виктор-офицер». Он держал пистолет у виска одной из женщин. Сначала я подумала, что это шутка. Но тут раздались выстрелы там, куда побежал Борис, и в эту минуту румын выстрелил в женщину. От неожиданности я вскрикнула, и румын быстро развернулся в мою сторону. Я успела нагнуться и юркнула в прихожую. Дома я рассказала всё, что видела, маме. Мы сидели с ней, закрывшись в комнате, и буквально дрожали от страха. Часа три мы не решались выйти. А когда, наконец, выглянули на улицу, то увидели застреленных женщин, которые лежали на дороге недалеко от входа в техникум. Ближе к вечеру вышли два румына с одеялом, положили на него тела убитых и унесли.

В тот же вечер стали опять бомбить, но уже не город, а его окраину, то есть дорогу, по которой немцы отступали на Севастополь. Вот в этот раз четыре фугасные бомбы и попали в чеховский сад. Одна из них упала в трёх метрах от окна кабинета писателя. Сад пострадал сильно, но providение спасло дом А.П.Чехова.

После этой бомбёжки нас стала обстреливать артиллерия, которая из Массандры вела огонь вслед отступавшим немцам. Напротив нашего дома (улица Боткинская, 27) стоит дом № 24. Он чуть выше. Снаряд пролетел над нашей крышей и попал в чердак 24-го, взорвавшись с сильным грохотом. Нам повезло. Ведь все мы во время этого позднего обстрела находились в своих комнатах. Если бы снаряд летел метра на полтора-два ниже, он взорвался бы как раз на нашем этаже.

Утром 16 апреля мы поняли, что оккупация для нас кончилась. И мы уже не заложники в своём доме. Нашей жизни больше не угрожает расстрел. Нас освободили. Мы свободные, чудом выжившие люди!

Очень точно – тремя словами – охарактеризовала время немецкой оккупации Мария Павловна Чехова в своём письме к Ольге Леонардовне от 20 апреля 1944 года: «Голод, холод и страх».

После освобождения

16 апреля 1944 года – это первый день Светлого Христова Воскресения.

Мы, три девочки, худенькие, в самодельных тряпочных тапочках, отправились утром 16 апреля в Ливадию проведать наших одноклассниц, которые там жили. Я и соседка Ира зашли за Пашенькой. У неё в палисаднике цвели бледно-жёлтые нарциссы. Её мама сорвала для нас по несколько штук. Это нам заменило крашенные яйца и куличичи.

Мы дошли до санатория «Ореанда», и здесь, около развалин ялтинской городской почты (её взорвали наши в 1941 году, ещё до отступления) стоял танк и рядом несколько солдат. Мы подошли ближе, я погладила танк, солдаты засмеялись. Мы им дали по цветочку. Я спросила у молодого танкиста: «А можно танк посмотреть внутри?» Он стоял наверху у открытого люка, ловко взял меня за обе руки и быстрым движением поднял и опустил в танк. Там было всё интересно и непонятно. Через несколько минут или секунд танкист снова взял меня за обе руки и поставил на землю. Спросил: «Понравилось?» Я ответила: «Понравилось», – и стояла ошеломлённая и очень довольная. Танкисты весело смеялись. Попрощавшись с ними, мы пошли дальше. На дороге стояли грузовики, гружённые ящиками. Вероятно, это были боеприпасы. Всё было покрыто брезентом, а сверху сидело по четыре-пять солдат. Мы миновали санаторий «Могابي», Красновку, повернули на дорогу вдоль ливадийских виноградников. Встречные солдаты нас поздравляли, говорили добрые слова. Но не все. Мы уже были недалеко от поворота на Ливадию, как с одного грузовика услышали грубый окрик: «Что, разлуку по немцам справляете?» Нам было понятно, что это относилось к нашим нарциссам. Посмотрев наверх, мы увидели немолодого солдата с длинными усами. Его слова нас обидели и напугали. Мы прошли ещё немного и оставили наши цветы на стеночке возле дороги.

Вскоре мы уже были у дворца и очень обрадовались, что он невредим. Целым стоял и белый мраморный саркофаг с красивой фигурой возлежавшей женщины, привезённый в Ливадию при Романовых из Италии. А вот потом, когда здесь расположились госдачи, саркофаг исчез. Возможно, он и теперь хранится на чьей-то даче.

В Ливадии мы встретились со своими одноклассницами. Они шли к нам в Ялту, им хотелось день освобождения города встретить на Набережной. Мы все вместе повернули туда. Было ощущение, что на Набережной собралось всё население города. От центра по Набережной нам навстречу шла большая колонна офицеров и солдат нашей армии. Это было очень торжественно. Мы в тот день впервые увидели погоны на плечах наших воинов, а также ордена и медали у них на груди. Военный корреспондент сделал снимок, как полк проходит по Набережной. Этот снимок стал символом освобождения Ялты, и теперь ежегодно 16 апреля его публикуют в крымских газетах и журналах.

Советские войска на набережной Ялты

Идут партизаны

9 мая 1945 года – День Победы. Весть пришла поздно вечером или даже ночью. Чуть ли не всё население Ялты хлынуло на Набережную. Причём люди были одеты, кто в чём. Некоторые женщины, да и мужчины, были в нижнем белье. Это казалось неважным, ведь было темно. И вдруг Набе-

Алла Васильевна среди ветеранов

режная впервые за долгое время озарилась электрическим светом. Никто этого не ожидал. Полуодетые побежали одеваться, а остальные обнимались и целовались друг с другом, в том числе и с совсем незнакомыми людьми. Радость была необыкновенная – все пели и плясали.

Но были и те, кто в эту ночь плакал, – ялтинцы, потерявшие на войне родных и близких. Заплакала тогда и моя мама. И я, утешая её, тоже плакала. Ведь мы ничего не знали о судьбе нашего Жени. Только в начале 1947 года от него пришла весточка – жив, находится в Австрии.

Летом 1945 года приехала моя крёстная со своим мужем. Войну они пережили в Киеве. В Алушке у крёстной был дом – две комнаты на первом этаже и четыре на втором. Мои родители у неё снимали квартиру до моего рождения – с 1925-го по 1928 год. Когда она вернулась в Алушку, я каждый выходной день летом ходила к ней по верхней дороге, почти безлюдной. Только изредка проезжали машины. Рейсового транспорта не было ни в 45-м, ни в 46-м. А пройти мне нужно было более шестнадцати километров.

Я теперь сама удивляюсь, как это я одна, без страха, одолевала эту дорогу? Кстати, я шла мимо лагеря немецких военнопленных. Он находился выше моей дороги. Говорили, что рядом с этим лагерем в каком-то домике содержался Паулюс.

Часть июля и август 1945 года я ещё работала на винограднике. В сентябре начала учиться в десятом классе. Нам пришлось дополнительно сда-

вать экзамен по Конституции СССР, которую обычно изучали в седьмом классе. Мы из-за оккупации её не изучали. В девятом и десятом классе мы не учили немецкий язык. Не было преподавателей. Во втором полугодии десятого немецкий язык стала вести учитель литературы Наталья Васильевна Попова. В 1945-м ввели аттестат зрелости, и мы в 1946 году должны были сдавать экзамены на его получение. Всё было очень строго. Нас в десятом было человек шестнадцать. Сочинение писали в актовом зале. Парты стояли на большом расстоянии друг от друга, и мы за ними сидели по одному в шахматном порядке. Так же сдавали и письменный экзамен по математике, а саму задачу нам давали в руки тогда, когда мы брали билеты. Сдавшим экзамен разрешалось сидеть в конце зала на свободных партах.

Я всегда любила сдавать экзамены одной из первых. У нас в десятом классе училась Оля, дочь ялтинского врача П. Её оставили на второй год как бы по здоровью. Нам все учителя говорили: «Она идет на медаль». Я сдала математику, села на последней парте, слушаю, как другие сдают экзамен. Наблюдатель от гороно, очень уважаемая учительница, внимательно смотрела за ученицами. Она встала из-за стола, подошла к парте, за которой готовилась Оля, потом прошла по залу. Через какое-то время подходит к нам (нас, сдавших, уже было человек семь) и шёпотом спрашивает: «Кто может решить задачу?» Я ответила: «Я могу». Она тихонько положила текст задачи передо мной и говорит: «Я буду смотреть на вас. Когда решите, моргните мне двумя глазами». Я решила задачу, посмотрела на неё и закрыла оба глаза. Она снова подошла, поговорила с девочками, незаметно взяла текст задачи с решением, приблизилась к Оле и дала ей листок.

В тот день таким же образом я решила, а она передала задачу ещё одной ученице – Лоре (тоже дочери врача). В результате Оля получила золотую медаль, а Лора – серебряную. Не знаю, сделала бы я так теперь, но тогда была коллективисткой и думала, а почему бы не помочь, если для меня это не трудно. Я и сейчас добрая и отзывчивая, но также и болезненно справедливая.

Я успешно сдала экзамены, получила аттестат зрелости и, не задумываясь, поехала в Симферополь и подала там документы в Педагогический институт имени М.В.Фрунзе на физико-математический факультет. В приёмной комиссии спросили: «Вы больше любите физику или математику?» Я ответила: «Математику». Они очень удивились и сказали мне, что я пока единственная девочка, подавшая документы на физмат.

На работу в Музей Антона Чехова

После того как сдала экзамены в институт, я задумалась, как буду жить в Симферополе? Там же зимой холоднее, чем в Ялте. Мы с мамой после оккупации остались разутые и раздетые. У меня было пальто, которое мне покупала мама ещё до войны, когда мне было двенадцать лет. Я уже выросла из него. Рукава еле-еле закрывали локти, да и само пальто теперь выглядело как пиджак – кончалось намного выше колен. Из обуви были только те тапочки, которые мне сшили на винограднике в Ливадии.

Елена Филипповна и Мария Павловна

Я стала подумывать о том, что мне надо подыскивать какую-нибудь работу.

В годы оккупации на нашем этаже поселились двое – сестра и брат. Его звали Павел. Этот Павел женился на молодой женщине лет 24–26-ти, Ксении, и работала она в Доме-музее А.П.Чехова. Она очень удивила всех, когда появилась в нашей коммунальной квартире. У нас проживали шесть семей. Все были вежливые и внимательные друг к другу. А Ксения ни с кем из соседок даже не здоровалась, сталкиваясь в коридоре. Это заставляло всех удивлённо переглядываться.

И вот однажды сестра Павла обратилась к моей маме с вопросом: «Не сможет ли Алла заменить нашу Ксению на работе, когда та пойдёт в декретный отпуск?» Это было в конце сентября. Мама спросила: «А кем она работает?» Соседка ответила, что, по словам Ксении, директор музея, Мария Павловна, называет её сестрой. Мама сказала: «Если она работает медсестрой, то Алла ее заменить не сможет».

Через неделю сестра Павла сама обратилась ко мне. Я спросила: «А что там нужно делать?» Она ответила: «Все». Я опять спрашиваю: «А что все?» Она мне снова: «Ну, все». Тогда я ей говорю: «Давайте я пойду с вами и узнаю, что там нужно делать».

И вот, 3 октября 1946 года я пошла со своей соседкой в музей. Я предполагала, что буду там вроде секретаря. Если бы мне сказали, что нужно работать экскурсоводом, я бы, наверное, сразу отказалась. Я была очень застенчива. Но ничего не зная о будущей работе, спокойно пришла в музей.

Мы вошли в парадную дверь. Она была открыта, и там я увидела женщину с пёстрой повязкой на голове. Я решила, что это и есть Мария Павловна. Эту женщину я видела у калитки Чеховского дома в годы оккупации. Но это была Елена Филипповна Янова, помощница Марии Павловны. Она работала в музее с 1934 года. Я поздоровалась, она ответила и тут же сказала: «Сейчас я вас отведу к Марии Павловне». У меня сильно забило сердце, и я подумала: «Сейчас увижу сестру нашего великого писателя».

Из прихожей мы вошли в коридор и поднялись по лестнице на третий этаж. Елена Филипповна открыла дверь, пропустила меня вперёд. Я вошла и увидела Марию Павловну. А Елена Филипповна ей говорит: «Вот наша новая сотрудница».

Я сказала: «Здравствуйте». Мария Павловна сидела в кресле у письменного стола. Это был секретер. Мария Павловна очень приветливо мне ответила и предложила: «Проходите и садитесь». Сбоку к секретеру примыкал небольшой письменный столик и перед ним венский стул. Я села и во все глаза смотрела на Марию Павловну, она внимательно и с улыбкой смотрела на меня. При виде этой улыбки у меня пропали все страхи.

Первый вопрос, который мне задала Мария Павловна, был: «Скажите, какой предмет в школе вы любили больше всего?» Я спокойно ответила: «Математику». Улыбка на лице Марии Павловны как будто стала меньше, и она говорит: «Ну, тогда вы, вероятно, нам не подойдете». И тут вдруг я смело (даже не ожидала от себя) заговорила: «Мария Павловна, я очень люблю литературу и много читаю. Я не любила тот учебник Поспелова, Шаблиовского и Зерчанинова, по которому нас учили. Вот, например, я прочитала Войну и мир Льва Толстого, мне очень понравился князь Андрей, а по учебнику главный герой – Пьер Безухов». Мария Павловна откинула немного голову назад и заразительно рассмеялась. Лучики из морщинок появились в уголках её глаз, и она произнесла: «А вы еще и рассуждать умеете!».

В этот момент открылась дверь, вошла Елена Филипповна и обратилась ко мне. «Идите вниз, там пришли шесть человек и требуют, чтобы им объясняли». Я вместе с ней спустилась в гостиную. Там стояли люди, и Елена Филипповна им сказала: «Вот ваш экскурсовод». Дело в том, что она знала, что я была в мае в музее на экскурсии, которую для нас провела наша учительница Наталья Васильевна.

Я очень бойко стала рассказывать о Чехове, показала первую фотографию писателя, потом пианино, рассказала о Рахманинове и Шалапине. Говорила я громко. Мне казалось, что так экскурсанты не догадаются, что я волнуюсь. А я очень волновалась и думала о том, что вот сейчас передо мной только шесть человек, а как же я поведу группу в двадцать человек? Из гостиной прошли на веранду, потом на балкон, я рассказала о саде. Только закончила перечислять произведения, которые Антон Павлович написал в ялтинском кабинете, как открывается дверь – и Елена Филипповна впускает в кабинет ещё человек двенадцать, если не больше. Я выдержала большую паузу. Люди, вероятно, подумали, что я жду, когда они подойдут поближе ко мне. Сделав глубокий вдох, я снова начала говорить о творчестве Чехова. Потом я так объясняла себе эту паузу: испугалась от страха испугаться. Но дальше всё пошло нормально, и я благополучно закончила экскурсию. Слушатели меня дружно поблагодарили, двое солидных мужчин даже пожали мне руку. Это было моё крещение в музее!

В тот первый день я провела ещё две экскурсии. Меня попросила об этом Елена Филипповна – болели два экскурсовода. Я сказала ей, что ещё мало знаю, даже не все музейные фотографии могу назвать. Она ответила: «Экскурсантам понравилось, а это самое главное в нашей работе».

После трёх экскурсий Елена Филипповна снова повела меня к Марии Павловне. Она встретила меня с улыбкой, очень радушно, и сразу сказала: «Слыхала, что вы уже работаете, и ваши экскурсии нравятся посетителям. Завтра приходите к девяти часам и принесите ваш паспорт. Вы будете у нас

Алла Ханило и Мария Павловна

работать. А сейчас можете идти домой, там, наверное, волнуется мама». Я попрощалась с Марией Павловной и счастливая, в каком-то возбуждённом состоянии отправилась домой.

Дома я всё подробно рассказала маме и сообщила, что с завтрашнего дня я уже работаю. Мама крепко меня обняла и сказала: «Вот у меня и работничек появился».

На следующий день я отправилась на работу. От моего дома (улица Кирова, 30) до дома Чехова (улица Кирова, 112) я буду ходить многие десятилетия. Тогда я этого представить себе ещё не могла. На работу ходила с радостью. При всей моей застенчивости мне нравилось общение с экскурсантами. И особое счастье – общение с Марией Павловной. Буквально с

первого дня я почувствовала какое-то особое её отношение ко мне. Это не была элементарная вежливость. Мне трудно объяснить, но мне кажется, что Мария Павловна приняла меня в своё сердце.

В те годы в музее не было рабочей библиотеки с книгами о Чехове и его творчестве. Была только личная библиотека Марии Павловны. Я попросила разрешения пользоваться её книгами. Она с радостью разрешила. Книг я читала много, мне хотелось как можно больше знать об Антоне Павловиче и обо всей семье Чеховых. О прочитанном мы говорили с Марией Павловной. Особенно ей понравилось, что я начала читать письма Антона Павловича, изданные ею в шести томах в 1912 – 1916 годах.

После трёх дней моей работы в музее Мария Павловна прослушала мою экскурсию, ей понравилось. Она спросила меня, хочу ли я остаться работать постоянно или собираюсь только заменять сотрудницу на время декретного отпуска. Я ответила, что работа мне очень нравится и я бы с удовольствием осталась в музее, если это можно. Мария Павловна сказала, что ей очень важно моё согласие.

Оказывается, Мария Павловна написала письмо директору Государственной библиотеки имени В.И.Ленина в Москве, филиалом которой с 1926 года был музей, и попросила у него дополнительную штатную единицу экскурсовода. Разрешение дали, и в моей новенькой трудовой книжке появилась запись, сделанная рукой Марии Павловны: «1946, ноябрь, 1. Зачислена на должность экскурсовода Дома-музея А.П.Чехова. Директор М.Чехова. Приказ № 20 § 2 от 19.X.1946». Только в моей трудовой книжке запись рукой Марии Павловны. Больше ни у кого из сотрудников. Конечно, я этой записью горжусь.

В те годы в музее вели очень строгий учёт экскурсантов. У Марии Павловны были большие листы бумаги, разграфлённые ею на клетки, в кото-

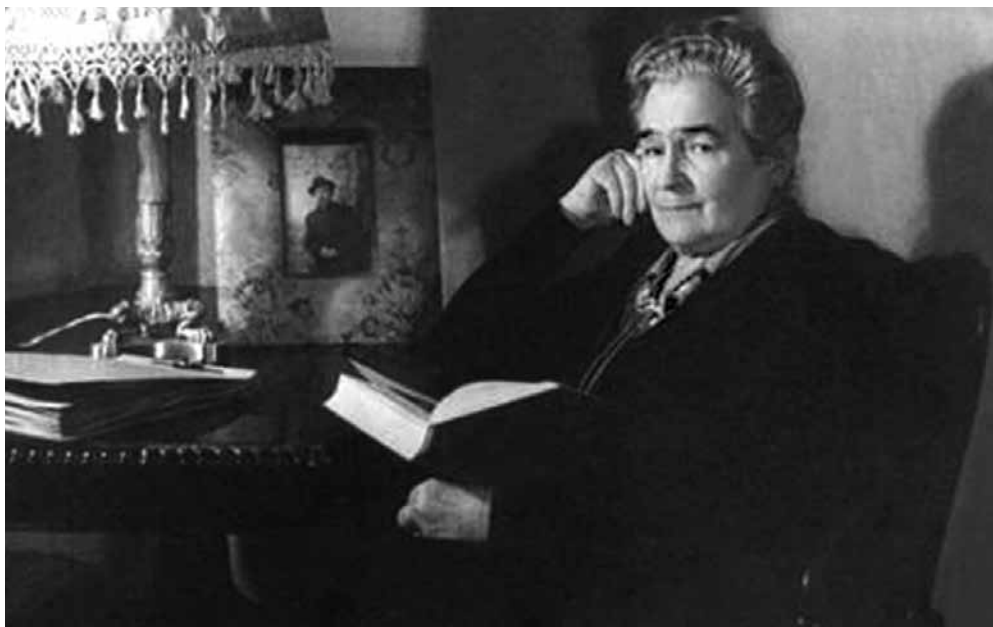
СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Д а т а			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего вписаны записи (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2			3	4	5
1	1946	Конец	1	Замечена на докладе инспектор Ф.П. Зюбков. Инспектор	экскурсионная работа М. Зюбков	Приказ № 20, от от 19.11.1946.

Трудовая книжка А.Ханило

рые она ежедневно вписывала количество посетителей. Фиксировалось не только общее число экскурсантов за день, но также отдельно указывалось количество рабочих, служащих, военных, студентов, школьников. Эти клетки Мария Павловна заполняла карандашами: красным, синим и простым. В любой момент она могла сказать, сколько посетителей было в музее за день, за неделю, за месяц и за весь год. Уже в первые дни моей работы Мария Павловна распорядилась, чтобы отчёты по итогам прошедшего дня сдавала ей я. Для меня это было не только почётно, но и приятно, потому что после завершения отчёта мы всегда о чём-нибудь с Марией Павловной беседовали.

В 1946 году с сентября в Ялте гостила Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. На третий день моей работы в музее Мария Павловна представила

Народная артистка СССР О.Л.Книппер-Чехова

меня ей. Для меня это было как чудо. Ольга Леонардовна, очень улыбчивая, стала задавать мне вопросы: люблю ли я театр, литературу, музыку? Я отвечала, что театр люблю, но спектаклей не видела, что слушала концерты симфонической музыки и концерты различных певцов – Изабеллы Юрьевой, Ляли Чёрной, Вадима Козина, Леонида Утёсова вместе с его знаменитым оркестром. Люблю кино и собираю фотографии киноартистов. Ольга Леонардовна рассмеялась и говорит: «Ну, теперь Марии Павловне будет с кем поговорить». Здесь же рядом стояла и София Ивановна Бакланова, близкий друг и секретарь Ольги Леонардовны. Она сказала, что от Марии Павловны они уже знают, что работа мне очень нравится, а мои экскурсии нравятся посетителям.

Уезжала Ольга Леонардовна из Ялты в 1946 году поздно. Уже было холодно. Вероятно, это был ноябрь. В 1947-м и 1948-м годах Ольга Леонардовна в Крым не приезжала. Для Марии Павловны её долгое отсутствие было очень тяжело. Но Ольга Леонардовна тогда болела, лежала в кремлёвской клинике, потом отдыхала в Барвихе.

На меня свалилось столько счастливых встреч и интересного общения! Я ходила всё время в радостном, приподнятом настроении. Дома с восторгом обо всём рассказывала маме, и мы вместе радовались. После двух с лишним лет ужаса и кошмара, которые нам довелось пережить, мы снова почувствовали, что на свете существуют счастье и радость жизни.

Посетителями музея в то время были в основном военные и раненые. Посещаемость была очень большая. Кроме тех, кто отдыхал и лечился в

ялтинских санаториях, к нам ежедневно приезжали гости из Алупки, Симеиза, Гурзуфа, Алушты, Феодосии и других мест Крыма. В Ялте был ещё краеведческий музей, но он не пользовался таким успехом, как «Чеховский домик», – так, любя, называли наш музей экскурсанты. Очень часто к нам приезжали курсанты, отдохавшие в Алуште в Доме отдыха Бронетанковой академии имени Сталина. В то время каждый санаторий имел свой автобус, и экскурсию обычно сопровождал фотограф. Когда первые посетители из академии побывали в музее, следующая группа курсантов уже просила: «Дайте нам экскурсоводом девочку с косами».

Тогда я носила косы, они у меня были до пояса. Мне уже было восемнадцать лет, но окружающие еле-еле давали мне четырнадцать. Голодные военные годы... Из-за кос на меня обижалась Ксения, которая всё время требовала их убрать. Но отрезать такие хорошие косы я не могла, поэтому иногда укладывала их на голове.

Музей работал и в праздник Октябрьской революции – 7 ноября. В этот день у меня на экскурсии были учащиеся Школы юнг, которая была открыта в Ялте в конце 1944 года. Размещалась она в помещении бывшей Александровской мужской гимназии. Подростки – мальчики в красивой морской форме – после экскурсии аплодировали мне, чем очень меня смутили.

Мария Павловна в этот праздничный день пригласила нас к себе на обед. Это было ещё трудное, голодное время с хлебными карточками. В Ялте был секретарь райкома партии Михаил Сергеевич Валуйко. Он привёз к празднику Марии Павловне небольшой ящичек помидоров и огурцов. И Мария Павловна нас ими угощала. Ксения положила помидор на тарелку, начала резать. Помидор выскользнул, упал на пол и покатился по комнате. На второй день Елена Филипповна мне говорит: «Мария Павловна спросила: из какой семьи Алла?» Я даже испугалась и говорю: «А что, я что-то не так сделала?» «Наоборот, – ответила Елена Филипповна, – она обратила внимание, как деликатно вы себя вели за столом». Конечно, я была рада.

Во второй половине ноября пришёл на работу ещё один новый экскурсовод. Сотрудница, которая болела, уволилась с работы. Пришла Екатерина Владимировна Сунгурова. Она ещё до войны работала в Чеховском Доме-музее, также была сотрудником Воронцовского дворца-музея в Алупке. С первых дней у нас с ней сложились хорошие отношения.

Курсантов, отдохавших в Алуште, привозил к нам в музей фотограф Леонид Казимирович. Стал он и меня фотографировать. Видимо, я ему нравилась с детства.

Снежная баба. Новый год в новом Доме

В последний день уходящего 1946 года в Ялте выпал большой снег. Для нашего города это довольно редкое явление, и снег обычно долго не лежит. Когда утром я пришла на работу, во дворе музея снега было почти по колено. Посетителей не было. В те годы к музею ходил только один небольшой автобус на 16 человек. Но когда выпадал снег, сюда, в Аутку, к дому Чехова,

по крутой и скользкой дороге автобус подняться не мог. Я решила расчистить дорожку от калитки до парадного входа, то есть тот путь, по которому обычно ходили экскурсанты. Из озорства я ещё слепила большую снежную бабу, или, как говорят теперь, – снеговика. Вместо глаз и носа вставила ему кипарисовые шишки и поставила слева от парадного входа под окном комнаты Марии Павловны.

Я была уверена, что через несколько часов от этой снежной бабы ничего не останется. Но к вечеру и ночью мороз стал крепче. И когда утром 1 января 1947 года я пришла на работу (в те годы этот день был рабочим), снеговик стоял как ни в чём не бывало. В 12 часов приехала экскурсия военных из алуштинского санатория. Они вошли во двор музея и, увидев снежную бабу, стали кидать в неё снежки, фотографировались в обнимку с ней, от души веселились и громко смеялись. Этот шум и смех услышала Мария Павловна. Она подошла к окну, которое выходило во двор, и, увидев группу молодых военных, обратила внимание на то, что они увлечены чем-то, что находится под её окном, но ей сверху этого не видно.

После того, как экскурсанты осмотрели музей и уехали, Мария Павловна позвала меня к себе в комнату и спросила: «Душенька (она любила это обращение), а что это посетители смеялись чему-то, что находится у меня под окном?» Тут я подумала, что сейчас мне попадёт за мои вольности, но, собравшись с духом, честно рассказала, что там стоит снежная

баба. Реакция Марии Павловны была для меня неожиданной. Она, слегка запрокинув голову и немного прищурившись, залилась таким заразительным смехом, что мой страх вмиг рассеялся. Она сказала, что это очень понравилось бы Антону Павловичу, и высказала сожаление, что ей не видна из окна снежная баба. Я тут же предложила сделать ещё одного снеговика и поставить его напротив окна её комнаты. Она согласилась на моё предложение и тут же, вспоминая прошлое, рассказала, что первый Новый год, который они встречали в Крыму – 1900-й – был необыкновенно тёплым и даже очень солнечным. Мария Павловна приехала в Ялту из Москвы за неделю до Нового года. Через три-четыре дня после неё к Антону Павловичу приехал Левитан. Было так тепло, что окна и двери на балкон были открыты, и это очень удивило Левитана. Мария Павловна вместе с ним ходила на прогулку в

Исаак Ильич Левитан

лес. Она вспоминала, что надевала на голову белую косынку от солнца. Левитану трудно было взбираться на пригорки, он тяжело дышал. У Марии Павловны была трость для прогулки, она шла впереди, подавала её Левитану и подтягивала его на подъём.

Новый год Антон Павлович, Евгения Яковлевна, Мария Павловна и Левитан встречали в только что построенном доме. На следующий день и позже с поздравлениями приходили ялтинцы. Мария Павловна вспоминала, что Антон Павлович все дни праздника был весел и очень рад приезду Левитана.

На следующий – 1901-й – год Антона Павловича в Ялте не было. Он был за границей, на юге Франции, в Ницце. Марию Павловну пригласил к себе на Новый год С.Я.Елпатьевский. Она пошла в гости вместе с И.А.Буниним, который остановился в это время в доме Антона Павловича в Ялте. Гостей у Елпатьевского было много, веселились до утра. На рассвете вместе с Буниним Мария Павловна отправилась домой. Она вспоминала, что снег был небольшой, но дороги скользкие.

Спускаться по крутой улице от дачи Елпатьевского было очень трудно, но весело. Бунин смешил Марию Павловну, на ходу придумывая стихотворные экспромты. Людей на улице было много, извозчики все были заняты. Мария Павловна и Бунин прошли весь город, стали подниматься в Аутку. Только миновав церковь Успения Божьей Матери и дачу княгини Барятинской, они наконец встретили свободного извозчика. В доме их ждала Евгения Яковлевна, которая особенно ласково относилась к Ивану Алексеичу и радовалась, что он остановился у них.

В 1947 году к Марии Павловне приехали её племянник и племянница – Сергей Михайлович и Евгения Михайловна Чеховы, сын и дочь младшего брата Михаила. Мария Павловна познакомила меня с ними, и у нас сложились дружеские отношения. Летом, когда Ольга Леонардовна жила в Ялте, часто приезжал её племянник Лев Константинович Книппер, композитор, с той поры хороший мой друг. Приезжали артисты Художественного театра София Станиславовна Пилевская и её муж Николай Иванович Дорохин. Когда Елена Филипповна представила меня Дорохину, я сказала, что помню его по фильмам. Он ответил: «Я только в одном снимался в главной роли – «Ошибка инженера Кочина». Я говорю, что ещё в одном фильме помню его – «Волочаевские дни». Он очень удивился и сказал: «Это была эпизодическая роль, и это было так давно, где-то в 30-х годах». Потом он об этом рассказал Марии Павловне и добавил: «Ну и память у вашего экскурсовода, с тех пор помнит мою фамилию». А Мария Павловна была

М.П.Чехова и И.А.Бунин

А.Ханило с Марией Павловной. 1946 г.

очень рада, что у неё такой знающий экскурсовод.

В те же первые послевоенные годы приезжал сын Станиславского – Игорь Константинович. А однажды прихожу я на работу и в коридоре слышу мужской голос, говорящий по телефону. Я не слушала, что говорил неизвестный. Я слушала сам звук его голоса, его какой-то необыкновенно привлекательный тембр. Человек кончил говорить, вышел в коридор. Я стою, застывшая. Он мне говорит: «Здравствуйте». Я отвечаю: «Простите, я не слушала ваш разговор, я слушала звук вашего голоса». Он улыбнулся и говорит: «Это от отца, я сын Василия Ивановича Качалова. Меня зовут Вадим Васильевич». Я ответила: «Меня зовут Алла, я экскурсовод». «Значит, проведете для меня экскурсию. Мария Павловна уже обещала». Это была моя первая встреча с Вадимом Васильевичем. Потом мы будем

встречаться и в Московском Художественном театре, и на квартире Ольги Леонардовны, и на её 90-летнем юбилее.

Многие из экскурсантов просили с ними сфотографироваться. Я стеснялась и отказывала им. Я уже писала, что с детства очень не любила фотографироваться. Леонид Казимирович, который привозил курсантов из Алушты, тоже часто просил, чтобы я сфотографировалась с его группой, но я не хотела. Тогда он как-то упросил Елену Филипповну сфотографировать меня вместе с Марией Павловной. И Елена Филипповна придумала, чтобы Марию Павловну и меня снимали вместе с ней и пришедшей в тот день в музей Любой Смирновой (потом она будет работать у нас кассиром). Был найден и предлог – сфотографироваться с котятами, которых родила кошка Марии Павловны по прозвищу «Минутка». Это было в конце октября 1946 года. Леонид Казимирович сделал общий снимок и через несколько дней привёз фотографию.

На ней были Мария Павловна и рядом с ней я с котёнком на руках. Когда он вручил мне фотографию, я удивилась и спросила: «А где же Люба и Елена Филипповна?» Он объяснил мне, что у него нет сейчас фотобумаги большого формата, но когда появится, он напечатает фотографию полностью. Я поняла, что это либо шутка, либо полубман. Так у меня появилась первая фотография с Марией Павловной.

Кошка Марии Павловны

Мне хочется вспомнить кошку Марии Павловны – Минутку. Она была серая, с большими белыми пятнами. Но самое главное – у неё был очень независимый характер. Она никому не позволяла себя гладить и брать на руки. Минутка жила в комнате у Марии Павловны, днём гуляла по саду, но в определённые часы возвращалась в дом, чтобы поесть. В комнате Марии Павловны стояли два её блюда – одно с едой, другое с водой. Минутка через галерею проходила на второй этаж и шла не по самому коридору, который часто был занят экскурсантами, а по узкому краю за балясинами перил. На повороте на третий этаж она выскальзывала из-за балясин и уходила на лестницу, ведущую в комнату Марии Павловны. И вот здесь, на этом повороте, её замечали экскурсанты, и многие женщины пытались Минутку погладить.

Мария Павловна

И только кто поднимал над ней руку, она прогибалась спину, чтобы до неё не дотронулись, поворачивала голову к желающей её погладить и с таким пренебрежением смотрела ей в лицо, что экскурсантик сразу убирала руку. При этом кошка не убегала, не убыстряла шаги, а спокойно продолжала идти, словно показывая этим, что она в этом доме хозяйка.

Жила она очень долго. В 1946 году, когда я пришла в музей, она уже была зрелой кошкой. Есть несколько строк в одном из писем Марии Павловны к Ольге Леонардовне от 29 ноября 1930-го: «В моей комнате живет прелестная кошечка – еще котенок, беленький, с серыми пятнами и с коралловым ротиком. Я назвала ее “Минутка”, мне с ней веселей». Минутки не стало уже после ухода из жизни Марии Павловны в 1957 году. Вероятно, кошка, которую я помню с 1946-го, была котенком от Минутки, которая жила у Марии Павловны в 1930 году.

Моё причастие вместе с Марией Павловной

Приближался 1948 год. В январе, перед Рождеством, Мария Павловна говела и причащалась. Её причащал отец Александр в её комнате в музее. Стали уговаривать причаститься вместе с Марией Павловной и меня. Уговаривали долго, и я не смогла отказать Марии Павловне. К тому же приближался день моего рождения. Мне должно было исполниться 20 лет. Готовила

меня к причастию сестра Елены Филипповны – матушка Рафаила, монахиня Топловского монастыря. Я должна была перед этим обязательно поприсутствовать три раза на службе в храме. Всё это происходило в храме Феодора Тирона – в том самом, в котором бывал Антон Павлович. По всем правилам я исповедалась и приняла причастие. В тот день Мария Павловна попросила сотрудников, чтобы меня освободили от экскурсий. Она сказала, что это мой самый большой праздник. Когда я пришла из храма, Елена Филипповна сообщила, что меня хочет видеть Мария Павловна. Я поднялась к ней в комнату. Улыбающаяся и радостная, она обняла меня, поздравила и сказала: «Как я завидую вашей мамочке, что у нее такая дочка. А ведь у меня тоже могла бы быть такая дочка. Дарю вам маленький подарочек, храните его». И она вручила мне иконочку Николая Чудотворца. «Берегите и храните эту иконочку. Это работа матушки Рафаилы», – продолжила Мария Павловна. Матушка Рафаила была хорошим художником и иконописцем. Мне от неё в этот день Елена Филипповна подарила также картину «Маки, ромашки и васильки» (холст, масло).

Племянники Марии Павловны и Ольги Леонардовны

Евгения Михайловна Чехова – племянница писателя, участница Чеховских чтений в Ялте

Мне очень запомнился этот день и особенно слова Марии Павловны: «...Ведь у меня тоже могла бы быть такая дочка». Тогда я поняла, как Марии Павловне хотелось иметь рядом близкого, родного человека. Позже я всякий раз буду вспоминать эти слова, когда к нам в Ялту будет приезжать племянница Марии Павловны – Евгения Михайловна. В свои приезды она очень мало внимания уделяла Марии Павловне. Более того, к сожалению, неласково, а иногда просто неуважительно относилась к сестре своего отца. Был случай, когда мне даже пришлось по просьбе Евгении Михайловны солгать Марии Павловне.

Евгения Михайловна останавливалась на первом этаже Чеховского дома. Однажды утром, когда ещё в му-

зее не было экскурсантов, она ходила по комнатам, выходила в коридор, где был умывальник, и напевала какой-то мотив «ля-ля, ля-ля». Мария Павловна вышла из своей комнаты наверху и, перегнувшись через перила, позвала: «Женя, Женечка!» Пение смолкло. Я находилась на втором этаже, подумала, что Евгения Михайловна её не слышит. Наклонилась вниз и негромко сказала: «Евгения Михайловна, вас зовет Мария Павловна». И тут я вижу, что Евгения Михайловна прижалась к стенке, чтобы Мария Павловна её

не заметила, прижала палец к губам и шепчет: «Скажите, что я уехала». А Мария Павловна продолжает её звать. И мне пришлось солгать: «Мария Павловна, Евгении Михайловны нет, она уехала». Мария Павловна ответила: «Странно, я только что слышала ее пение». Я вынуждена была сказать, что её племянница пела, когда уходила.

Вот так бессовестно, как это сделала родная племянница (да ещё втянув меня в эту ложь), никогда ни один сотрудник музея не мог бы поступить с Марией Павловной. К сожалению, и Сергей Михайлович не лучше относился к тётушке. Он приезжал вместе со своим сыном Серёжей, который был похож на молодого Антона Павловича (особенно верхняя часть лица – глаза и лоб). Серёжа ещё учился в школе, в восьмом или девятом классе, Марии Павловне очень хотелось поговорить с ним наедине. Сергей Михайлович приводил сына к Марии Павловне, но никогда не оставлял его одного. Мне несколько раз довелось присутствовать при этих встречах. Серёжа был очень застенчивый, как девочка, а тут ещё Сергей Михайлович ему шептал: «Поцелуй бабушке руку». Серёжа краснел, и у него даже слёзы появлялись в глазах. Мне было очень жалко мальчика, и я один раз наедине сказала Сергею Михайловичу: «Зачем вы заставляете его, чтобы он поцеловал руку Марии Павловны? Он и так стесняется, а тут еще вы со своим предложением». Сергей Михайлович, спасибо ему, на меня не обиделся и перестал заставлять сына целовать бабушке руку.

Всегда после таких сцен, когда уходил Сергей Михайлович с Серёжей, Мария Павловна вспоминала своих любимых племянников – Мишу, сына Александра Павловича, и Володю, сына Ивана Павловича. Когда говорила о Мише, всегда называла его Мишечка. А вот по поводу детей Михаила Павловича – Сергея и Жени – часто говорила: «Владыкины нам всю породу испортили». Речь шла о жене младшего брата: Ольге Германовне Владыкиной. Когда Михаил Павлович на ней женился, она служила гувернанткой.

С Сергеем Михайловичем мы, можно сказать, были дружны. Но мне была не очень приятна одна его черта – постоянно хвалиться, что он – племянник

О.Л.Книппер-Чехова, С.М.Чехов и актёры МХТ на Новодевичьем кладбище. 1954 г.

Внучатый племянник Серёжа

О.Л.Книппер-Чехова и Андрей Книппер (сын Л.К.Книппера)

писателя Чехова. Однажды он мне также похвастался (почему-то считая для себя это как бы заслугой), что Михаил Павлович чуть было не женился на графине Кларе Мамуне, особенно при этом подчёркивая, что она – графиня. Я это уже знала из биографии Антона Павловича. Некоторое время Клара Мамуна считалась невестой Михаила Павловича, но неожиданно вышла замуж за другого и к Чеховым в Мелихово больше не приезжала. Сергей Михайлович с таким восторгом об этом эпизоде говорил, словно чувствовал самого себя человеком графского происхождения. Я попробовала остудить его пыл: «Сергей Михайлович, но ведь вы могли и не родиться от этого брака». Он замолчал, несколько минут подумал и потом сказал: «Кажется, у графини Клары детей не было».

Юбилей Марии Павловны

К 85-летнему юбилею Марии Павловны в 1948 году в Ялту не приехали ни Евгения Михайловна, ни Сергей Михайлович. Мы, сотрудники музея, постарались, как могли, порадовать Марию Павловну в этот знаменательный день. ...Хозяйку Чеховского дома очень тепло поздравили руководители

нашего города, городская библиотека имени А.П.Чехова, сотрудники книготорга и других организаций.

В 1948 году «Крымиздат» начал выпускать художественную литературу. Одной из первых в серии «Крым в художественной литературе» вышла маленькая книжечка с портретом А.П.Чехова – «Дама с собачкой». Стоимость была общедоступной – один рубль. Получая зарплату в 80 рублей, я могла позволить себе её приобрести. Эта книжка да ещё купленный чуть позже том «Сочинений» Аркадия Гайдара (он стоил дорого – 16 рублей) положили начало моей личной библиотеке, которая насчитывает сегодня не одну тысячу книг.

Знакомство с Иваном Семёновичем Козловским

Во второй половине июля (1949), в конце рабочего дня, я, как обычно, пришла к Марии Павловне сдавать отчёт. Обратила внимание, что она была в приподнятом настроении. Когда мы закончили оформление сводки, Мария Павловна, неожиданно понизив голос, хотя мы были в её комнате только вдвоем, тоном заговорщика с очень лукавым видом мне говорит: «Душенька, приходите сегодня вечером – придет Иван Семенович Козловский». Надо было видеть её глаза в этот момент – в них сверкали искорки счастья и радости.

**И.С.Козловский, О.Л.Книппер-Чехова,
Г.Е.Сергеева, М.П.Чехова**

Музей в те годы работал до 4-х часов. К 6-ти часам я пришла в Чеховский дом. Через несколько минут появился Иван Семёнович, вместе с ним были его жена Галина Ермолаевна Сергеева и две их дочери – десятилетняя Аня и Туся, на два года младше. Семью Козловского сопровождали несколько мужчин, среди них руководитель санатория «Сосновая роща» по фамилии Тургенев. Иван Семёнович преподнёс Марии Павловне огромный букет красных роз, а Мария Павловна представила ему меня, сказав, что это «главный экскурсовод музея». Иван Семёнович с удивлением посмотрел на хрупкую, небольшого роста девушку. Я ещё носила две косы и выглядела лет на четырнадцать. Козловский взял из букета роз один цветок и подарил мне. При этом он случайно укололся от этой розы. И я, взяв её в руки, тоже укололась. Иван Семёнович улыбнулся и как-то загадочно сказал: «Все прекрасное всегда колется».

Потом все стали фотографироваться. На балконе комнаты Марии Павловны места было мало, поэтому фотограф попросил нас стать поплотнее. Иван Семёнович подхватил меня за талию и приподнял так, что наши лица

Люба Смирнова и Алла Ханило с керамической скульптурой собаки, подаренной Антону Павловичу Софией Львовной Бонье

оказались на одном уровне (и это при том, что у меня рост 162 см, а у Ивана Семёновича, вероятно, был больше, чем 190).

После этого пошли вниз в столовую, где всех ждала Ольга Леонардовна, и уже был накрыт стол с угощениями и шампанским. Посидели немного за столом, как вдруг Иван Семёнович сказал, что он хочет петь. Все поднялись на второй этаж в гостиную, где находится чеховское пианино. Пел Иван Семёнович много и – я бы даже сказала – с наслаждением. Обращаясь к Марии Павловне, он пел романсы: на стихи А.С.Пушкина – «Я вас любил» и на стихи Ф.И.Тютчева «Я встретил вас». А для Ольги Леонардовны была исполнена ария Ленского из оперы «Евгений Онегин» – «Я люблю вас, Ольга». Потом были песенка герцога из оперы «Риголетто» и «Застольная» из «Травиаты». Я слушала, наслаждаясь великолепным пением. При этом, даже при очень большой фантазии, у меня не могла и мелькнуть мысль, что эта первая встреча с Иваном Семёновичем подарит мне 45 лет прекрасной, светлой и чистой дружбы с великим певцом и необыкновенным, мудрым человеком. Этот подарок судьбы, как луч солнца, светил мне все эти годы и продолжает согреть до сих пор!

Через два дня Иван Семёнович приехал в музей в конце рабочего дня. Приехал без жены и без детей, но с гитарой. С ним вместе был художник Николай Александрович Соколов (один из Кукрыниксов) со своей женой. В саду на круглой площадке перед американской сосной с большими иглами (есть фотография этого события, на которой слева виден ствол сосны) Иван

И.С.Козловский играет на чеховском пианино

Семёнович устроил прекрасный концерт, аккомпанируя себе на гитаре. На фотографии справа на скамейке сидят Ольга Леонардовна, жена Соколова и Мария Павловна. Николай Александрович и я сидели на скамейке за сосной, поэтому нас на фотографии не видно. Но Иван Семёнович пел, обращаясь к нам, куплеты герцога из «Риголетто» – «Сердце красавицы склонно к измене...», чем очень развеселил всех слушателей.

Иван Семёнович вообще очень любил шутки, розыгрыши, и главное, умел привлечь к этому всех присутствующих. Марию Павловну это особенно забавляло, и она с удовольствием принимала в этом участие, очень весело смеялась, я бы даже сказала, что она от этого молодела.

Столовая на первом этаже располагается под кабинетом Антона Павловича, по которому в довоенное время ходили экскурсии. Поэтому

Алла и И.С.Козловский

И.С.Козловский, М.П.Чехова, Н.А.Соколов

для страховки в столовой стояли четыре небольших, красиво оформленных столба – два вплотную к стенкам, два посередине, поддерживающие потолок. Наверху они соединялись красивой аркой. Толщина этих столбов была примерно 20 x 20 см или чуть меньше. Так вот, когда я заходила в столовую и оказывалась около столба, Иван Семёнович часто очень ловко и очень нежно обхватывал меня вместе со столбом и говорил: «Вот только так я чувствую, что кого-то обнимаю, а когда без столба, она такая тоненькая, что я не чувствую, что кого-то обнимаю». Мария Павловна однажды после такой сцены сказала: «Вот когда пригодились столбы, я даже не ожидала, ведь они были здесь установлены в 1939 году».

В 1949 году в музей ещё несколько раз приезжал художник Н.А.Соколов – делал в саду зарисовки, фотографировался с Марией Павловной на её балконе. Мне он подарил три прекрасные открытки с рисунками Кукрыниксов – М.Куприянова, П.Крылова и его самого. Приезжал Н.А.Соколов и вместе с Иваном Семёновичем. Есть фотография, на которой они рядом с Марией Павловной. Когда Ольга Леонардовна переехала из Ялты на свою дачу в Гурзуф, Козловский и Соколов тоже туда ездили. Мария Павловна также по обыкновению навестила Ольгу Леонардовну и провела в Гурзуфе три дня.

Я ездила за ней, чтобы привезти обратно в Ялту. Благодаря этому я познакомилась с нашим знаменитым пушкинистом – Борисом Викторовичем Томашевским, дача которого в то время была через ограду от

Гурзуфская дача А.П.Чехова

чеховской. Он пришёл проводить Марию Павловну. Когда ему сказали, что сопровождать сестру Антона Чехова буду я, он удивился: «Неужели в музее не было кого-нибудь посолиднее, чтобы приехать за Марией Павловной?» Она рассмеялась и ответила: «А это, между прочим, мой главный экскурсовод». Борис Викторович попросил прощения у Марии Павловны и добавил: «Я очень завидую вам, что у вас работает музей, да еще есть и экскурсоводы». А обратившись ко мне, сказал: «Приеду послушать вашу экскурсию».

Владлен Давыдов, начало знакомства

В 1949 году на экраны нашей страны вышел фильм «Встреча на Эльбе». Он был встречен зрителями с восторгом. Создателям и ведущим артистам были присуждены Сталинские премии, их фотографии публиковались в столичных газетах. И вот однажды стою я в галерее второго этажа и старательно вырезаю из газет «Правда» и «Известия» фотографии исполнителя главной роли в этом фильме – Владлена Давыдова, в которого я, как почти все девушки Советского Союза, была тогда влюблена. Я была так увлечена этим занятием, что не заметила, как сзади тихонько подошла Ольга Леонардовна. Она заглянула через моё плечо, и увидев, чьи фотографии вырезаю, спросила: «Нравится?» Я сильно смутилась, но честно ответила: «Очень нравится». И тогда Ольга Леонардовна рассказала, что Владлен Давыдов –

**Владлен Давыдов
в фильме «Встреча на Эльбе»**

артист Художественного театра, все артисты его очень любят, он очень способный, что, к сожалению, он немного болеет и что его устроили секретарём у Василия Ивановича Качалова.

Я была очень рада узнать эти новые подробности, а Ольга Леонардовна всячески поддерживала моё увлечение театром и артистами.

«Будь осторожен с ней, она и тебя обставит»

По окончании рабочего дня в музее оставались Мария Павловна, Ольга Леонардовна, София Ивановна и Елена Филипповна. Радио было только в комнате Марии Павловны.

Внизу, в столовой первого этажа, Ольга Леонардовна иногда вечерами что-нибудь читала вслух. Ещё одним развлечением для них было разгадывание кроссвордов. Музей выписывал журнал "Огонёк", в каждом номере которого обязательно был кроссворд. Всё, что относилось к литературе и искусству, они быстро и легко разгадывали, а технические, физические и строительные понятия и термины оставались, как правило, неразгаданными. Они отдавали мне журнал и шутили, что это они оставили для меня.

Однажды с этими кроссвордами произошёл смешной случай. Утром я, как обычно, принесла Ольге Леонардовне стопку газет и забрала те, которые они уже прочитали. Только начинаю подниматься по лестнице, как Ольга Леонардовна меня вдруг останавливает: «Возьмите «Огонёк», мы уже все разгадали», – и протягивает мне через балясины перил журнал. Я беру его, а она и говорит: «Одно только слово мы не могли разгадать, и мне за это особенно стыдно. Ведь я дочь певицы и преподавателя по классу пения». Как известно, мать Ольги Леонардовны – Анна Ивановна – была профессором Московского филармонического училища (ныне ГИТИС). И дальше она мне объясняет: «В кроссворде написано: маленькая оперная ария. Мы перебираем – ариозо, ариетта, речитатив, кабалетта, канцонетта... Ничего не подходит». Я подумала секунду или две и говорю: «Каватина». Ольга Леонардовна тут же стала звать: «Софа, Софа, иди сюда, Алла меня обставила». Потом спрашивает меня: «Откуда вы это знаете?» Я ответила: «Не знаю, откуда, но просто помню, что есть такой термин». Через несколько дней приехал её любимый племянник Лёвушка – Лев Константинович Книппер, композитор. Она со смехом всё это ему рассказала и добавила: «Будь осторожен с ней, она и тебя обставит». Потом, когда я уже буду бывать у неё в Москве, она при мне будет рассказывать об этом своим гостям – актёрам Художественного театра.

Мария Павловна тоже называла Лёвушку своим племянником. И очень часто с лукавинкой в глазах говорила мне: «Душенька, за вами ухаживают все три мои племянника». Это она имела в виду Сергея Михайловича Чехова, Игоря Васильевича Бренёва и Льва Константиновича Книппера. И правда, у нас были очень хорошие, дружеские отношения. Разница между нами в возрасте составляла от 27-ми до 30-ти лет, но относились они ко мне очень уважительно и обращались только на «вы».

1950 год

Работы летом, как всегда, было много. Экскурсанты приходили не только из Ялты, их привозили из Алупки, Симеиза, Фороса, Гурзуфа и других городов и посёлков. Постоянно приезжали артековцы. Они громко скандировали: «Наш пламенный пионерский привет Марии Павловне Чеховой!» Конечно, после этого она выходила к артековцам, беседовала с ними и фотографировалась.

Как-то пионервожатая артековцев после экскурсии отзывает меня и говорит: «У меня в отряде отдыхают дети сына Сталина – Василия Иосифовича, сын и дочка. Если можно, пожалуйста, отведите их к Марии Павловне». И добавила: «Очень хорошо воспитанные и дисциплинированные ребята». Она подвела ко мне девочку и мальчика, и мы пошли в комнату к Марии Павловне.

Я предварительно поднялась наверх, чтобы узнать, не отдыхает ли Мария Павловна. Она сидела за письменным столом и что-то писала. Мария Павловна усадила детей на кушетку и стала спрашивать, нравится ли им отдыхать в «Артеке», понравилось ли им море, что, кроме «Артека», они ещё видели в Крыму. Брат и сестра говорили по очереди, отвечали на вопросы толково, хотя и чувствовалось, что они очень застенчивы. Мальчик (я уже не помню, как его звали) сказал, что ему очень понравился парусный кораблик, который стоит у Чехова на камине, рассказал, как они ездили в Севастополь, где смотрели на военные корабли. Мария Павловна пожелала им хорошего отдыха и успешной учёбы, а потом очень деликатно сказала: «Передайте привет вашим родным».

Мария Павловна к артековцам всегда выходила в пионерской галстучке. Она была почетным пионером города Ялты с 1935 года. фото 50x72

О.Л.Книппер-Чехова на даче в Гурзуфе

И.С.Козловский, М.Н.Чехова

Этим же летом отдыхали в «Артеке» внучка Свердлова и младшая дочь Валерия Чкалова – Лерочка, которая родилась после гибели прославленного лётчика. Этих двух девочек по просьбе пионервожатой я тоже водила к Марии Павловне. Из них двоих много и громко говорила внучка Свердлова. Она вошла и сразу представилась: «Майя Свердлова». Всё время говорила она, а дочь Чкалова, светловолосая, худенькая и очень застенчивая девочка, – молчала.

Как всегда, к 15 июля приехала Ольга Леонардовна. 24 июля отметили в Ялте день её ангела, и она уехала в Гурзуф. Приехали туда и наезжали в Ялту Вадим Васильевич Шверубович (сын В.И.Качалова, заведующий постановочной частью Московского Художественного театра) и Виталий Яковлевич Виленкин (заведующий литературной частью МХАТ). В июле Ольга Леонардовна заболела: плеврит, две недели она лежала в Ялте. Поправившись, снова уехала в Гурзуф.

15 сентября Книппер-Чехова писала из Гурзуфа Нине Николаевне Литовцевой – актрисе театра, жене Василия Ивановича Качалова: «Как

нарочно, все это время здесь стоит чудесная, не жаркая погода, море ни разу не бушевало, только иногда беспокойно ворчал. Розы никогда так поздно и так обильно не цвели. Я вот сижу сиднем, читаю, и все на окружающую меня красоту люблюсь, как дура. Очень хорошо мы пожили с нашими двумя милыми кавалерами (Шверубович и Виленкин. – А.Х.)... Сейчас у нас гостит Мария Павловна. Я пишу на террасе, а она пасьянс раскладывает и очень просит передать тебе сердечный привет. Недели три жила у нас Е.Н.Коншина. Сегодня уезжает Мария Павловна, и мы остаемся одни, и я очень жалею, что никто не приедет отдохнуть в моем райском уголке».

Перед началом лета этого года Мария Павловна мне сказала: «Скоро приедет Иван Семенович, но один, без жены и детей. От него ушла жена и увела с собой девочек». И добавила: «Это вы виноваты, он ведь прошлый раз вас обнимал». Конечно, это была шутка.

Иван Семёнович приехал один и стал приглашать меня и в Мисхор, и в «Сосновую рощу», и в «Ореанду», и в театр на симфонические концерты. Он подарил мне свою фотографию с надписью: «Ах, Алла – Ваш Козловский!».

В этом же году в сентябре Мария Павловна подарила мне книгу А.П.Чехова «Каштанка» с рисунками Д.И.Кардовского и надписью: «Милой Ангелине Васильевне Ханило для её будущих детей на добрую память!! От М.Чеховой. 23 сент. 50 г.». К сожалению, детей у меня не было.

Перед отъездом в Москву Ольга Леонардовна также подарила мне книжечку – «А.П.Чехов. Три сестры». На титульном листе надпись: «У лукоморья дуб зелёный, Златая цепь на дубе том... Маша. (Три сестры.) На память милой Алле. О.Книппер-Чехова. 14 дек. 1950 г. Ялта».

Скатерть Ольги Леонардовны

Во время своего отдыха в Гурзуфе Ольга Леонардовна вышивала очень оригинальную скатерть. Все, кто приезжал к ней погостить, расписывались на этой скатерти, а потом хозяйка вышивала эти автографы разноцветными нитками. Начало было положено в 1929 году. Первым расписался Василий Иванович Качалов. Много подписей оставили артисты Московского художественного театра – Алла Тарасова, Борис Ливанов, Виктор Станицын, есть там автографы и самой Ольги Леонардовны, и Марии Павловны Чеховой. Расписались на знаменитой скатерти С.С.Пилявская, Н.И.Дорохин, Михаил Яншин, Клавдия Еланская. Позже – Святослав Рихтер, Иван Козловский... Перечислять всех не буду, здесь более 80-ти автографов.

Как-то раз, в один из моих приездов в Гурзуф по делам музея, Ольга Леонардовна вдруг предложила расписаться и мне. Я очень смутилась и растерялась, но потом, уступая желанию хозяйки, в левом нижнем углу полотна вывела: «Алла Ханило». Ольга Леонардовна посмотрела на мою подпись и

сказала: «Вы у нас очень тоненькая, я вышью ваше имя толстыми нитками». И она вышила мой автограф не только толстыми нитками, но ещё и красного цвета.

Командировка в Москву

После летнего визита в наш музей главного бухгалтера Библиотеки имени В.И.Ленина – Михаила Ивановича Крутицкого – наш бухгалтер Елена Алексеевна снова и снова поднимала вопрос, чтобы я (в соответствии с рекомендацией московского руководства) поехала в командировку в Москву, и именно в этом году. Но шёл уже декабрь 1950-го...

Ольгу Леонардовну мы проводили в Москву 15 декабря. В Ялту и Гурзуф она всегда привозила с собой любимого кота Тришку. Он обожал гулять в чеховском саду. Но самое интересное, что он своим кошачьим чутьём всегда чувствовал день отъезда и прятался так, что мы его иногда искали дня по два. Он прятался в большие кусты, постриженные кругом, – залезал в самую листву и сидел там не шевелясь. Кота и на этот раз благополучно нашли, и он уехал с Ольгой Леонардовной в своей плетёной корзине, из которой самостоятельно выбраться не мог. Верхняя крышка там завязывалась специальными шнурками.

И вот на второй день после отъезда Ольги Леонардовны должна была ехать и я. <...>

Автобусный билет до Симферополя я купила на 12 часов дня. Железнодорожный билет у меня был на скорый поезд, который отходил в Москву в 23.30. Николай Александрович (помощник Марии Павловны) сказал мне: «Зачем вы едете так рано? Будете шесть часов сидеть в ожидании поезда». И он поменял мой дневной автобусный билет на вечерний. Тогда ялтинский автобус отправлялся в Симферополь ещё и в 17.00.

О.Л.Книппер-Чехова с котом Тришкой

Ольга Леонардовна уезжала в Москву 15 декабря в хорошую погоду. Вовсю светило солнце. А 16 декабря с утра начал падать мягкий, пушистый снег. Казалось, что это ненадолго. Но с каждым часом снегопад усиливался всё больше и больше. До Алушты мы доехали благополучно, но когда выехали за город, то увидели длинную вереницу машин, стоявших на месте. После Алушты, как известно, начинается очень крутой подъём к перевалу, на одном из участков которого есть опасный поворот, проходящий по краю страшного обрыва. Машины не рисковали по снегу подниматься по такой дороге. Зимой на этом участке, который водители называли «Марусин поворот», нередко бывали аварии.

Наш водитель остановил автобус и сказал пассажирам: «Пойду посмотрю, что там делается». Сверху, с перевала, мимо нас еле-еле спускались машины.

Водителя не было почти час. Наконец он вернулся и сообщил: «Такая трудная дорога, что я не знаю, когда мы приедем в Симферополь». Я обратилась к нему: «У меня билет на московский поезд на 23.30». Водитель ответил: «Мне важно вас довезти живыми и целыми, а о времени ничего не могу сказать».

Не буду описывать подробности этого пути, но к железнодорожному перрону крымской столицы мы приехали за 15 минут до отхода поезда. Нам ещё повезло. На Ангарском перевале случались такие заносы, что Ялту на два-три дня отрезало от Симферополя. И тогда не работала почта, не доставлялись газеты, а однажды даже начались перебои с хлебом, так как на Южный берег не могли привезти муку. Вот так иногда мы жили на тёплом юге.

Главное, что в итоге я благополучно приехала в Москву. <...>

По театрам.
На месте К.С.Станиславского

У Ольги Леонардовны стол уже был накрыт для обеда. Я рассказала обо всём, что видела на кладбище (Новодевичьем). Потом Ольга Леонардовна мне говорит: «А у вас нет желания сходить сегодня еще в театр? До начала спектакля целых два часа». Я ответила, что пошла бы с удовольствием. Тогда Ольга Леонардовна дала мне посмотреть театральную афишу на ближайшие дни, а сама стала звонить по телефону администратору. В этот вечер шёл спектакль по пьесе А.Н.Островского «Последняя жертва». Во время разговора Ольга Леонардовна несколько раз повторила слова «только режиссёрские», которые я не поняла. Повесив телефонную трубку, она стала объяснять, что для меня заказаны два места, поэтому я могу кого-нибудь взять с собой. И закончила: «В фойе театра вас встретит Вадим Васильевич Шверубович, вы его знаете».

Я поехала на свою квартиру переодеться. Сняла толстый свитер, в котором ходила по кладбищу, и надела чёрное шёлковое платье. Хотела позвонить по телефону сестре ялтинского знакомого Вере, но потом решила

«Дядя Ваня». К.С.Станиславский, О.Л.Книппер, А.Л.Вишневский

сразу поехать к ней и пригласить в театр. Уже возле их двери я вдруг подумала: «Сейчас она мне скажет, не пойду я ни в какой театр, я всё это видела». Когда же я очень неуверенно стала говорить Вере, что хочу пригласить её сегодня в театр, она очень обрадовалась, а я обрадовалась ещё больше.

Вера быстро оделась, и тут выяснилось, что она не знает, как доехать до Художественного театра. Стали спрашивать у мамы, она начала долго объяснять нам дорогу... Короче говоря, к началу спектакля мы немного опоздали. К счастью, Вадим Васильевич нас ждал. Мы быстро сняли пальто, он забрал их и сказал: «Я сам отнесу в гардероб». По строгим московским театральным законам, нельзя было входить в зал, если спектакль уже начался. Но Вадим Васильевич повёл нас в амфитеатр, открыл дверь и посадил на свободные места последнего ряда.

Мы сели. Я смотрю на сцену, а там Алла Тарасова и другие известные мне по фотографиям артисты. Наслаждаюсь спектаклем и одновременно переживаю, что Вера потом скажет, что я привела её в театр на плохие места.

В первом антракте Вадим Васильевич пришёл за нами и сказал: «Пойдемте, я пересажу вас в партер на ваши места». И ещё дал нам пакетик с мандаринами. Когда мы сели в зале, Вера вдруг спрашивает, показывая

на второй ярус справа: «Алла, это ваши знакомые?» Я обернулась – весь ярус смотрит на нас. Я говорю: «Нет, я их не знаю». Она мне снова: «Посмотрите, и с другой стороны тоже смотрят на вас». Я посмотрела и опять говорю: «Нет, я никого не знаю». Но многие люди действительно на нас смотрели и о чём-то переговаривались. Я подумала: наверное, они увидели, что нас привёл Вадим Васильевич, сын Качалова, и поэтому заинтересовались.

Во втором антракте мы решили погулять в фойе театра. Я встаю со своего кресла, поворачиваюсь и вдруг вижу на спинке сверху длинную узкую медную пластинку, на которой выгравировано: «К.С.Станиславский». И тут я вспомнила слова Ольги Леонардовны – «только режиссёрские». Вот какой подарок она мне сделала. Теперь мне стало понятно, почему на нас смотрели. Эти места никогда не продаются через кассу, на них обычно сидят гости театра – известные артисты, писатели, короче говоря, знаменитые люди. Завсегдатаи театра это знали и поэтому смотрели на нас, на двух худеньких, скромно одетых девочек, вероятно, полагая, что мы дети каких-то знаменитостей.

По окончании спектакля к нам подошёл Вадим Васильевич, проводил нас в гардеробную, помог одеться и сказал: «Завтра тоже жду вас в театре, только, пожалуйста, не опаздывайте». На следующий день мы смотрели «Без вины виноватые» по пьесе А.Н.Островского и сидели через проход от кресла К.С.Станиславского, и на этот раз у меня было именно кресло В.И.Немировича-Данченко. Теперь мы уже ни на кого не обращали внимания и чувствовали себя очень счастливыми.

На третий вечер нам предстояло посмотреть «Три сестры» А.П.Чехова. Вадим Васильевич привёл нас в зрительный зал и обратился ко мне: «Сегодня опять садитесь на место Владимира Ивановича, ведь эта постановка – его режиссерская работа». Я помнила об этом, а также о том, что первый показ спектакля состоялся в 1940 году. «Теперь обо всем забудьте и наслаждайтесь», – сказал Вадим Васильевич.

Подняли занавес, начался спектакль, и у меня с первых минут потекли слёзы. Я этого даже не ожидала, ведь почти наизусть знала пьесу. В антракте подошёл Вадим Васильевич, увидел мои мокрые глаза и улыбнулся: «Это вместе сговорились Антон Павлович и Владимир Иванович, обязательно об этом расскажите Ольге Леонардовне».

19 декабря днём я была у Ивана Семеновича Козловского. Он познакомил меня со своей сестрой Анастасией Семёновной и своим секретарём Ниной Феодосьевной Слезиной. Анастасия Семёновна сказала: «Очень рада, что увидела вас. Иван Семенович очень часто вас вспоминает, особенно после приездов из Крыма».

На следующий день после «Трёх сестёр» я была у Ольги Леонардовны и рассказала о всех накопившихся впечатлениях от Москвы, от спектаклей, о том, как проплакала на «Трёх сёстрах» всё представление. Ольга Леонардовна сказала: «Нужно немного отдохнуть от таких постановок. Я знаю, что вы любите балет, и хочу, чтобы первое посещение Большого театра стало для вас

праздником. Вы посмотрите “Лебединое озеро”». – и дала мне конверт, в котором лежали два билета на этот спектакль.

22 декабря мы пришли с Верой в Большой театр. Когда вошли в зал, весь партер уже был заполнен. Меня удивила тут театральная публика. Это были, в основном, военные, в том числе генералы в орденах и с ними их жёны – почему-то все толстые, одетые в панбархатные платья (была тогда такая мода) и в чернобурках. Мы прошли на наши места и сели. А они у нас были в первом ряду, в самом центре, 24-е и 25-е кресла. Я первый раз оказалась в театре оперы и балета, тем более в таком роскошном. Сажу, смотрю по сторонам и думаю, какой прекрасный подарок мне опять сделала Ольга Леонардовна. Слева от входа в партер стоял театральный служитель, он был в форме, обшитой галунами. Вдруг он покидает своё место и по проходу между сценой и первым рядом партера подходит к нам и требовательно говорит: «Ваши билеты». Я накануне купила себе небольшую чёрную импортную сумочку. Не торопясь, открываю её, достаю оттуда наши гостевые билеты с золотым обрезом и подаю ему. Служитель внимательно смотрит на них с одной стороны, потом с другой, вдруг меняется в лице, вежливо возвращает назад и совершенно иным тоном произносит: «Извините, молодые дамы, извините, извините». После этого начинает спиной пятиться назад по проходу на своё место, до самого конца не позволив себе развернуться. Мне даже стало его жаль. Увидев наши билеты, выписанные администрацией театра на такие почётные места, он, видимо, решил, что эти две худенькие девочки в скромных чёрных платьях (единственным украшением на моём шёлковом с длинными рукавами были три пуговицы из горного хрусталя на кокетке), вызвавшие у него подозрение, какие-то генеральские дочки. Эта история не испортила нам настроения, и мы с большим удовольствием посмотрели замечательный балет. Помню, главную партию исполняла Софья Головкина.

Историю с билетами я, конечно же, рассказала Ольге Леонардовне. Она очень смеялась и сама потом рассказывала её своим многочисленным друзьям и гостям. Иван Семёнович, когда услышал от меня про эти билеты, тоже рассмеялся и сказал: «Когда придёте ко мне в Большой слушать оперу, сидеть будете не в партере, а в гостевой ложе, чтобы усердный служака не вывел вас из театра». Кстати, потом так и было – оперу я слушала в гостевой ложе. А те билеты в Большой театр храню до сих пор.

Во время этой поездки я побывала также в других театрах, во многих музеях, в Третьяковской галерее. Была в рукописном отделе Библиотеки имени В.И.Ленина и там даже немного поработала. Посетила Мавзолей на Красной площади. Ездил с Иваном Семёновичем на его концерты, он выступал не только в Большом театре.

Мне очень хотелось посмотреть «Анну Каренину» в Художественном театре с участием Аллы Тарасовой, но так совпало, что этот спектакль шёл 30 декабря. Я должна была уезжать чуть раньше, но ради этого спектакля, о котором много читала, решила остаться. Так что домой я выехала 31 декабря, Новый год встретила в дороге, в поезде.

Но самое печальное состояло в том, что спектакль «Анна Каренина» мне не понравился. Мне не понравилось, что в театральной постановке Анна очень много плачет. Так много, что ей уже не сочувствуешь, а наоборот – она начинает раздражать. О сцене свидания с Серёжей столько всего критиками было сказано, а в спектакле какой-то большой, длинноногий мальчик так бесстрастно произносит свой монолог, что это совершенно тебя не трогает. Словом, удовольствия от «Анны Карениной» я не получила.

Когда я сказала об этом Ольге Леонардовне, она мне ответила: «Ну вот, хоть один человек говорит правду». И рассказала: после того, как театр осуществил эту постановку, стало ясно, что она оказалась неудачной. Это чувствовали и постановщики, и актёры, но публика приняла спектакль очень хорошо. Тогда театр понял, что публика любит Льва Толстого и потому, не смотря ни на что, спектакль имеет успех.

Всё остальное, увиденное за две недели в Москве, оставило в моей душе восторг, и с тех пор я решила, что каждый свой отпуск буду проводить в столице.

1951 год

Вернувшись в Ялту, я обо всём подробно рассказала Марии Павловне. Она потом ещё много дней вспоминала мой рассказ, задавала вопросы, что-то уточняла и как-то сказала мне: «Я словно побывала в Москве, спасибо. Вы очень хорошо рассказываете. Чувствуется, что вы полюбили Москву». Мне это было очень приятно. Я написала отчёт о своей командировке и много рассказывала о поездке нашим сотрудникам.

Домой я привезла много книг, музейных путеводителей, наборы открыток по Москве, театральные программы – тогда они были в форме брошюр с иллюстрациями. Всему этому была очень рада мама. Она всё внимательно перечитывала и потом тоже сказала: «Словно в Москве побывала и даже в московских театрах».

14 января я как всегда, сдавала отчёт за прошедший день. В комнате у Марии Павловны была Елена Филипповна. Когда все записи были закончены, Мария Павловна сказала: «А теперь мы втроем отметим старый Новый год, так как вы были в поезде и Нового года в кругу близких людей у вас не было». Она попросила, чтобы я ещё рассказала ей о Москве, о театрах, об Олечке. Так мы втроем с вкусными угощениями очень мило ещё раз встретили новый 1951-й год.

29 января – в день рождения Антона Павловича – в столовой первого этажа Мария Павловна собрала всех сотрудников и угощала нас традиционным вкусным пирогом с капустой и всякими печеньями. И снова мне пришлось рассказывать о Москве.

Продолжались музейные будни. Экскурсантов с каждым днём было всё больше и больше. Мы работали и ожидали приезда Ольги Леонардовны. Мария Павловна буквально считала дни до её приезда в Крым. Об эмоциональном состоянии хозяйки чеховского музея в Ялте в этот период говорит её ответ на одно из писем от Ольги Леонардовны. Я приведу этот ответ от 27 апреля 1951 года полностью: «Дорогая Олечка! <...> Ты пишешь, чтобы я с твоим приездом не считалась. А с чьим приездом прикажешь мне считаться? Для меня на этом свете нет никого ближе тебя, и ты отлично знаешь это. В твоей комнате, пока я жива, никто не будет останавливаться. Ты такая же хозяйка в ялтинском доме, как и я, даже больше. Конечно, дом этот – учреждение, но мы в нем будем жить и должны жить, пока мы живы, прочие же родственники – по особому разрешению твоему и моему. <...> Софочку целую и тебя тоже. Спасибо за письма. Маша».

Тот факт, что ялтинская Белая дача Антона Павловича Чехова, с одной стороны, оставалась домом для его родных, где они жили и принимали гостей, а с другой – являлась музейным учреждением, иногда порождал смешные коллизии.

Пробки от шампанского

Летом, в жаркую погоду, после окончания работы музея, обитатели дома накрывали вечерние столы перед балконом второго этажа вокруг круглой клумбы. И когда открывали шампанское, никто не обращал внимания, куда летели пробки. Однажды наутро я веду экскурсию, выхожу с группой на балкон и замечаю, как что-то блеснуло в стоке за балюстрадой. Поскорее отвожу глаза в сторону и отвлекаю внимание экскурсантов на магнолию, догадавшись, что там лежали две пробки от шампанского. Конечно же, я не хотела, чтобы люди увидели эти пробки. Когда экскурсия закончилась, я прошла на балкон и вынула их из стока. Зайдя в комнату Марии Павловны, показала их ей и рассказала о случившемся. Мария Павловна рассмеялась, но сказала: «Надо предупредить Ивана Семеновича, чтобы он был поаккуратнее, экскурсанты не должны видеть пробок, чтобы не подумали плохо о музее».

Отпуска в Москве

Свой очередной отпуск в 1952 году я снова с большой радостью провела в Москве.

Меня, выросшую на юге, очень привлекала московская зима. Я приезжала обычно в середине февраля и уезжала домой в конце марта. У Ивана Семёновича 24 марта день рождения, мне нельзя было его не поздравить. Я подружилась в доме Козловского с его секретарём Ниной Феодосьевной и Ольгой Николаевной Адриановой. Они обе очень хорошо ко мне относились.

И.С.Козловский ведёт Марию Павловну по дороге к катеру. За ними идёт С.Ф.Медунов, ведёт Ольгу Леонардовну, но её закрыл зонтик. Праздник в Гурзуфе. День ангела М.П.Чеховой. Август 1952 г.

Я с большим удовольствием и радостью снова и снова проводила своё отпускное время в Москве. Это продолжалось 42 года подряд. Вплоть до февраля 1992 года, когда поехать в Москву мне помешал развал страны. В последующие годы было очень трудно приезжать в Москву. Зарплаты не хватало даже на железнодорожный билет.

Моё страстное желание учиться

После приезда в 1952 году в конце марта из отпуска я прочитала в нашей ялтинской газете объявление, в котором сообщалось, что в мае в наш город приезжает приёмная комиссия Симферопольского педагогического института имени М.В.Фрунзе, которая будет осуществлять набор студентов на впервые открывающееся заочное отделение. Это было для меня очень важно, потому что в 1946 году, поступив на работу в чеховский музей, я так и не приступила к учёбе на физико-математическом факультете пединститута. Причины, по которым я бросила учёбу, не начав её, было две. Первая – мне буквально нечего было надеть, чтобы ехать учиться в столицу Крыма. За время войны мы с мамой совсем обносились. Вторая – совмещать любимую работу в музее с учёбой на стационаре было невозможно, а заочного отделения тогда в педагогическом не было. Теперь я твёрдо решила снова поступать в институт, но уже на филологический факультет.

Местом проведения выездных вступительных экзаменов был определён Ялтинский дом учителя. Первым экзаменом был письменный – сочинение. Дата его проведения совпадала с моим выходным днём. Я спокойно пришла на экзамен и успешно написала сочинение. На второй день нужно было сдавать устный экзамен по литературе. Указаны были часы экзамена: с 10-ти утра до 2-х часов дня.

Когда я после выходного дня пришла на работу, то сразу сказала, что вчера сдала первый экзамен для поступления в пединститут. Я попросила Елену Филипповну отпустить меня на второй экзамен. Она в тот день собиралась в банк и сказала мне, что я смогу пойти на экзамен только после её возвращения. Обычно она справлялась там с делами за два часа, поэтому я была уверена, что часам к 11–12-ти она уже вернётся в музей. Но в тот день она пришла из банка в четвёртом часу, так что мне уже нечего было думать об экзамене. До сих пор не могу решить, действительно ли Елена Филипповна в тот день задержалась в банке или она просто опасалась, что, поступив учиться, я уйду с работы в музей.

Меня, однако, никогда не оставляла мысль, что я должна получить высшее образование. Училась я всегда легко, у меня была хорошая память. И для меня учёба в институте была так же обязательна, как и учёба в школе. Я сделала вывод, что мне нужно подыскать кого-нибудь, кто мог бы на месяц или полтора подменить меня на работе, чтобы я могла поехать в Симферополь и сдать вступительные экзамены. Было ясно, что нынешний год для этого уже потерян.

Настроение, конечно, было не из лучших. Об учёбе на стационаре мне нельзя было даже мечтать. Ведь я являлась главой семьи: у меня на иждивении была мама. Я забрала её с работы ещё до выхода закона о пенсиях. Многие этого сегодня уже не помнят, но мы после окончания войны много лет отвечали в анкетах на вопрос: «Проживали ли вы или ваши родственники на временно оккупированных территориях?» Это было как клеймо. И я не хотела, чтобы над моей мамой кто-то издевался. Мы с ней скромно жили на одну мою зарплату, не давая себя унижать. Даже позволяли себе ходить в театр, а я свой отпуск продолжала проводить в Москве. Мама за меня очень радовалась, хотя у нас не было холодильника и телевизора. Она понимала, что поездки в Москву были важны и для меня, и для моей работы.

Работа в архивах

Благодаря этим поездкам я приобщилась к работе в архивах. Самый лучший архив А.П.Чехова был в Библиотеке имени В.И.Ленина. Мария Павловна понимала, что для подлинных и ещё неизданных рукописей и писем Антона Павловича нужны особые условия хранения, температурный режим, уровень влажности. В приморской Ялте в музее писателя этого обеспечить было нельзя. Вместе с рукописями Мария Павловна передала в архив большое количество фотографий Антона Павловича, членов его семьи, друзей и знакомых. Всё это положило в 1912 году основание для чеховского рукописного собрания библиотеки Румянцевского музея, которое позже вошло в Литера-

турный музей при Библиотеке имени В.И.Ленина, преобразованный потом в Государственный литературный музей.

С 1950 года я стала работать в этом архиве. Это было очень интересно и позволяло глубже понять А.П.Чехова и его окружение. Позже это помогало мне создавать многочисленные выставки, своеобразным венцом которых стала литературная экспозиция ялтинского музея «Жизнь и творчество А.П.Чехова». Кроме Библиотеки имени В.И.Ленина, я работала в ЦГАЛИ, в фондах музея МХАТа и Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР. Я была очень увлечена этой работой, с большим удовольствием писала статьи в различные издания Крыма, читала лекции в ялтинских санаториях «Нижняя Ореанда», «Россия», «Черноморский», «Гурзуфский», «Сосновая роща».

**Последняя фотография с косами.
Мне 24 года. Ялта, 1952 г.**

Чуть не утонула

Летом, когда уже нагрелось море, я по выходным дням, как всегда, уезжала в Алупку к своей крёстной и купалась в море. Вода там чище, чем в Ялте, и людей на пляже меньше.

В один из моих выходных был довольно сильный ветер и волнение на море. Крёстная не пошла купаться, и я отправилась одна. Были довольно большие волны, но мне нравилось купаться в такую погоду. Придя на пляж, я обратила внимание, что ни одного человека в море не было. Все лежали на берегу и загорали. Даже на мужском пляже не было ни одного купающегося. Мужской пляж был в заливе, и там море было спокойнее. Между мужским и женским пляжем находился причал, к которому подходили небольшие рейсовые катера. Женский пляж был как бы отгорожен от моря большими камнями, вернее, довольно большими скалами. Это были следы крымского землетрясения 1927 года. Мне показалось, что волны не очень большие, и я вошла в воду. Поплавав на волнах, я стала выходить на берег. Но оказалось, что выйти было довольно затруднительно. Это уже было не просто волнение, фактически на море начинался самый настоящий шторм.

Я полежала немного на берегу, но так как я всегда плохо переносила солнце, решила ещё раз искупаться и уйти с пляжа. Меня как-то не смутило, что, кроме меня, никто не плавал. В воду вошла хорошо, поплавала, покачалась на волнах, немного устала и решила, что пора выходить на берег. Когда я подплыла к большому камню, набежавшая волна меня вдруг понесла не

к берегу, а наоборот – в открытое море. Сначала я не испугалась. Но когда я не смогла выйти на берег ни со второго, ни с третьего раза, то мне вдруг стало тревожно. В этот момент набежавшая волна сильно ударила меня о большой камень и тут же потащила назад в море. И когда меня так три или четыре раза бросило на эту скалу, я отчётливо поняла, что не смогу сама выбраться на берег. Я также ясно осознавала, что кричать и звать кого-то на помощь нет смысла, так как даже на мужском пляже не было ни одного купающегося. Стало понятно, что спастись надо самой.

Когда в очередной раз волна бросила меня к скале, я сильно ударилась подбородком, но схватилась рукой за жёсткие и колючие водоросли, которыми обросли камни. Я сообразила, что при следующем ударе волны надо постараться схватиться за водоросли двумя руками. Я сделала это, но следующая волна, накрыв меня, смыла прямо на глаза две мои косы, которые я не уложила перед купанием вокруг головы. Теперь я не только тонула, но ещё и ничего не видела. Одной рукой я сбросила косы на затылок, и снова крепко схватилась за водоросли. Подоспевшая волна подхватила меня, высоко подняла и перебросила через гребень скалы. За скалой я почувствовала под ногами дно, перевела дыхание и медленно пошла на берег.

За камнями на берегу лежали женщины, которые не видели мою эпопею с купанием. Когда я ступила уже на сухой песок пляжа, одна из них вдруг закричала: «Вы разбились, у вас кровь!» Я посмотрела на себя и увидела с левой стороны сверху вниз (от бюстгалтера и до бедра) ровный, как-будто сделанный острым ножом, разрез, из которого текла кровь. Боли я ника-

кой не чувствовала. Может, от страха, а может, морская вода, будучи лечебной, приглушала боль. Женщины, сидевшие на берегу, стали шуметь и давать мне разные советы, как остановить кровь. Я взяла своё махровое полотенце, окунула в воду и приложила к ране. Загоравшие на пляже были удивлены, что я не плачу.

С того самого дня я не купалась, когда на море было большое волнение, а на следующий год – срезала косы.

Внук Сталина

Как-то нам в музей позвонили из санатория «Советский полярник» и попросили, чтобы мы приняли на экскурсию двух женщин с ребёнком. Но чтобы при этом их не присоединяли к общей экскурсии, а провели по музею отдельно. Н.А.Сысоев распорядился, чтобы эту экскурсию провела я. Куль-

Иосиф и его мать Светлана Аллилуева

торганизатор привёл гостей и остался ожидать их во дворе. В гостиной одна из женщин представила мне другую – это была Светлана Аллилуева, дочь Сталина, и с ней её сын, мальчик лет 7–8. Женщина, которая сопровождала их, была певицей. В санатории «Советский полярник» часто отдыхали артисты.

Гости слушали мою экскурсию внимательно. Светлана на меня произвела самое приятное впечатление, держалась очень скромно. Что касается её сына, то чувствовалось – ребёнок хорошо воспитан. После осмотра комнат Антона Павловича они попросили разрешения пройтись по саду. Я сказала нашим сотрудницам, чтобы они предупредили Марию Павловну, кого я веду. Мария Павловна вышла в сад, там стояли шезлонги. Она попросила садовницу срезать цветов и поднесла их Светлане. На фотографии эти цветы держит сын Светланы.

Когда фотограф стал фотографировать Марию Павловну со Светланой и её сыном, подошли экскурсанты и стали сзади. Певица, сопровождавшая Светлану, оказалась на редкость говорливой. Мария Павловна после экскурсии мне сказала: «Я так хотела поговорить с “августейшей”, но болтливая артистка не дала мне возможности сказать хоть слово».

На экзамены, в институт

Для меня 1953 год оказался очень удачным.

Я встретила свою бывшую одноклассницу Майю Эфроимсон. Она после эвакуации, закончив институт, вернулась в Ялту и не могла устроиться на работу. Я ей предложила заменить меня, когда поеду сдавать экзамены в институт. Она согласилась, и я подготовила её к работе.

Всё это время – с 1946 года, когда я поступала на физико-математический факультет, – мой аттестат зрелости находился в Симферополе в Педагогическом институте имени М.В.Фрунзе. Семь лет мама постоянно просила меня забрать его, но я не забирала, видимо, не теряя надежды всё же поступить туда. И я очень благодарна руководству института, что мой аттестат благополучно сохранился. Теперь я написала заявление о приёме на историко-филологический факультет (на заочное отделение). Написала в мае и считала, что до августа у меня ещё много времени для подготовки к экзаменам. Я не знала, что экзамены на заочное отделение начинаются в июне. И где-то через неделю получила вызов на сдачу экзаменов. Отступить было некуда, и я поехала почти без подготовки. Помню, перед отъездом Николай Александрович Сыроев, помощник Марии Павловны, мне сказал: «Семь пядей во лбу надо иметь, чтобы через семь лет после окончания школы сдать экзамены в институт». На что я ему ответила: «Откуда вы знаете, может, у меня все десять пядей». Мне было обидно, что он не поддержал меня и усомнился в моих знаниях.

Перед экзаменами выяснилось, что в этом году поступают, в основном, учителя крымских школ, которые сразу после войны закончили двухгодичный учительский факультет. Им предоставлены льготы, и именно их надо обеспечить студенческими местами в первую очередь.

С первого дня, как мы начали сдавать экзамены, многие друг у друга спрашивали, где и в какой школе они работают. Когда кто-то об этом спросил у меня, я ответила, что работаю не в школе, а в музее в Ялте. И тогда одна из абитуриенток сказала: «Не сдавайте экзамены, вас всё равно не примут в институт». Я этому не поверила и продолжала считать, что главное – это хорошо сдать экзамены.

На вступительную кампанию отводилось десять дней. Экзамены мы сдавали через день: день сдаёшь, день готовишься к следующему. Уже было известно, что учителя освобождены от сдачи экзамена по иностранному языку. Я по-прежнему не очень верила во все эти разговоры о льготах, но меня очень донимала одна учительница из Севастополя. Помню, её звали Люся Марцевич. Она меня просто изводила: «Зачем вы себя мучаете? Вас ведь не примут». Я ей отвечала: «Я же ваше место не занимаю, а сдавать экзамены мне доставляет удовольствие». Или говорила ещё так: «Я это делаю ради спортивного интереса».

После литературы у нас был экзамен по истории. Я вошла в аудиторию, взяла билет и села за стол готовиться. Люся в этот момент отвечала преподавателю. Он ей задал дополнительные вопросы и сказал: «Ну, тройку я вам поставлю». Такая же история повторилась и на экзамене по географии – снова она получила тройку.

За сочинение мне поставили четвёрку. Может, мне специально занизили отметку, не знаю, а может, запятая не там была поставлена. Устный экзамен по русскому языку и литературе я сдала на пять. По истории у меня тоже была пятёрка. Также я получила пятёрку по географии. Преподавательница даже публично похвалила меня за хорошее знание карты. Мне это было приятно. Почти у всех экзамены закончились, а мне ещё предстояло сдавать немецкий язык. И здесь я тоже получила пятёрку, а преподавательница мне сказала: «Почему вы не поступаете на факультет иностранных языков?» Я ей ответила: «Мне нужен только филологический». Преподаватель немецкого языка была очень строгая, но студенты её любили и звали Раечка Боярская.

Симферополь в те годы был очень непривлекателен. Во многих домах отсутствовала канализация. Мух было дикое количество. Грязный, пыльный и жаркий город. После черноморского побережья мне было очень тяжело переносить симферопольский климат. Сдав очередной экзамен, я ездила на железнодорожный вокзал, чтобы послушать паровозный гудок, который напоминал мне гудки пароходов, к которым я привыкла в Ялте. Так я устраивала себе маленький праздник.

На второй день после сдачи экзаменов вывесили списки абитуриентов, которые стали студентами. Я подошла к списку, прочитала его раз, второй и своей фамилии не нашла, но зато увидела фамилию «Л.Марцевич». Тут же, как из-под земли появилась она и злорадно сказала: «Видели, вас нет в списке». «Странно, – сказала я, – что в списке есть вы с тройками. Ну и радуйтесь. Зато у меня одна четвёрка и четыре пятёрки».

У нас в музее недолго работала экскурсоводом Вера Мельник, потом она стала сотрудницей горисполкома, а во время учёбы в институте вышла замуж за преподавателя литературы Бориса Николаевича Перзеке. Она была

у нас в музее перед тем, как я собиралась поступать в институт. Вера мне сказала: «Когда приедешь в Симферополь, приходи ко мне», – и дала свой адрес. Но я сразу не пошла. Решила, что пойду только тогда, когда сдам экзамены. А то она подумает, что пришла, чтобы мне помогли сдать экзамены.

Но теперь всё позади, и я пошла к Верочке. Я рассказала ей и её мужу, как сдавала экзамены, какие получила оценки и как безуспешно искала себя в списках зачисленных. Муж Веры меня пожурил: «Почему вы не пришли, когда только приехали в Симферополь? Ведь у вас было столько поводов – встретиться с Верочкой, познакомиться со мной и увидеть нашего Андрюшу, который только недавно родился. А сейчас я уже ничего не могу сделать. Экзаменационная комиссия закончила работу». Я сказала ему, что стеснялась появиться у них раньше, чем сдам экзамены.

И я уехала в Ялту. Но впервые в жизни решила побороться за правду. Почему троечники становятся студентами, а я с одной четвёркой и четырьмя пятёрками не могу поступить в институт? Я отправилась в горком партии искать правду. Пришла ко второму секретарю по идеологии – Леониду Алексеевичу Кондратьеву, всё рассказала ему и добавила: «Если бы у меня была хоть одна тройка, я бы никуда не пошла жаловаться».

На работе я попросила, чтобы мне дали характеристику, и написала в Москву письмо министру просвещения РСФСР И.А.Каирову. После этого я снова уехала в Симферополь и стала ходить на лекции установочной сессии, которая длилась 30 дней, весь июль. С первых занятий ко мне опять стала цепляться Люся Марцевич: «Зачем вы ходите на лекции – вас же не приняли?». Я ей отвечала: «Вас это не касается. Ваше место я не занимаю. Вы с тройками учитесь, а я со своими оценками не имею права?»

Но самое страшное началось чуть позже. Пока шли экзамены, я как-то держалась, а тут в душном классе стало сдавать сердце. В здании института для нас аудитории не нашлось. Мы занимались в обычной школе на улице Чкалова, сидели за очень неудобными низкими школьными партами. Первые часы я ещё могла конспектировать лекции. Но уже часов в 12 дня не выдерживала: то меня выведут из класса на свежий воздух, то выйду сама, то мне вызовут «скорую помощь». Я испугалась, что не смогу учиться, но не отступала, продолжала ходить на занятия.

Обедать в столовой я не могла – еда была совершенно несъедобной, да ещё и страшное количество мух в зале. Но через неделю я нашла выход из положения: первый раз пошла в ресторан «Симферополь». Еда там была получше, но мухи всё равно донимали. Тогда я пошла в самый дорогой ресторан города – «Астория». Там вход закрывался марлевой занавеской, затем висела вторая занавеска, а потом уже перед входом в сам зал располагалась третья. Денег у меня особенных не было. Зарплату я не получала, так как взяла на время сессии отпуск за свой счёт. Каждый день брала на обед суп харчо и стакан компота. Суп был очень вкусный, он заменял мне и первое, и второе, в нём было много кусочков бараньего мяса. В воскресенье я ходила на базар, покупала стакан мёда и выпивала его за два дня. Все наши студенты считали, что я очень богатая.

Открытие памятника А.П.Чехову

В 1953 году ЮНЕСКО приняла решение отметить во всех странах мира в 1954 году 50-летие со дня смерти Антона Павловича Чехова. Об этом я узнала, когда приехала в Ялту после сдачи экзаменов в институт. И Ялта уже готовилась отметить эту дату. В Приморском парке было решено установить памятник писателю, созданный московским скульптором Георгием Мотовиловым. Открытие памятника должно было состояться 14 июля 1953 года, а 15 июля планировалась торжественная встреча с Марией Павловной и Ольгой Леонардовной в Доме-музее А.П.Чехова.

13 июля после лекций я уехала из Симферополя в Ялту, чтобы 14-го принять участие в открытии памятника Чехову. Слева от него была установлена трибуна, на которой находились Мария Павловна, Ольга Леонардовна, скульптор Г.И.Мотовилов, руководители города С.Ф.Медунов, Тарасов и другие. За памятником полукругом были высажены саженцы эвкалиптов. Перед началом торжества духовой оркестр исполнял старинные вальсы. 15 июля я участвовала в приёме гостей Дома-музея, а вечером вернулась в Симферополь на занятия в институте.

Наконец, я зачислена в институт

До конца установочной сессии оставалось дней десять. За это время я сдала два зачёта – введение в литературоведение и введение в языкозна-

ние. Когда наш староста принёс стопку бланков всем студентам для зачётов, я тоже взяла себе бланк и пошла сдавать зачёт. И опять появилась с вопросами эта Марцевич, но я уже на неё никак не реагировала.

Дня через три после того, как были сданы зачёты, в общежитии после лекций увидела записку на подушке моей кровати. Там сообщалось, что мне нужно пойти на центральный телеграф за телеграммой. Я очень перепугалась: вдруг что-то случилось с мамой. Но в телеграмме было написано, что я должна явиться к директору Педагогического института Александру Николаевичу Киселёву. Телеграмму мне прислали из музея.

Утром, до начала занятий, я уже была в главном здании института возле кабинета директора. Постучала. Мне ответили: «Войдите». Я открыла дверь и увидела мужчину, сидевшего в большом кабинете за большим письменным столом, к которому был приставлен ещё один большой стол. Я сказала: «Здравствуйте, – и, показывая на себя рукой, добавила, – Я – Ханило». Вероятно, я сказала это не очень весело, потому что Киселёв сразу поднял руку и сказал: «Не волнуйтесь, не волнуйтесь! Вы уже приняты». У меня отлегло от души, а он продолжал: «Где же вы пропадали? Вас нет в музее, нет дома». Я ответила: «Я каждый день сижу на лекциях и уже сдала два зачёта». Директор встал из-за стола, подошёл ко мне и сказал: «Вот это настоящее желание учиться! Не волнуйтесь, вы студентка». После этого он пожал мне руку. Я поблагодарила его и счастливая вышла из кабинета. Я догадывалась, что это результат заботы, которую проявили первый и второй секретари Ялтинского горкома партии – С.Ф.Медунов и Л.А.Кондратьев.

Когда я пришла на лекции, все уже сидели на своих местах за партами. Я объявила, что меня зачислили в институт. Студенты курса, с которыми уже сложились очень хорошие отношения, радостно меня поздравили. Но конечно, передо мной опять выросла Марцевич и недовольно произнесла: «Странно». Я ей ответила: «Нормально. Я честно и хорошо сдала экзамены, так что можешь успокоиться». Кстати, на втором курсе она с нами уже не училась – осталась на первом, не сдав экзамены.

<...> В первых числах августа я вернулась в Ялту. Мама пришла в ужас, увидев меня, очень похудевшую. При росте 162 см я весила меньше 40 кг.

Тепло и трогательно меня поздравила Мария Павловна и с грустью вдруг добавила: «Вот вы закончите институт и уйдете работать в школу». Я ответила: «Мария Павловна, из музея я никогда не уйду». Я пишу эти слова в 2017 году в дни, когда исполнился 71 год с того памятного дня, как я начала работать в чеховском доме. Я выполнила данное Марии Павловне Чеховой обещание.

Мария Павловна – преподаватель.
Заветные документы

Мария Павловна поинтересовалась, как я сдавала экзамены и по каким предметам были самые трудные вопросы. Но для меня трудных не было, ведь получала пятерки. Я сказала Марии Павловне, что меня похвалили преподаватели литературы, географии и немецкого языка. Мария Павловна

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

СОСТОЯЩЕЕ ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ

въ засѣданіи 14го Января 1899 года

ИЗБРАЛО

Марью Павловну

Чехову

СВОИМЪ

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫМЪ ЧЛЕНОМЪ.

Председатель Общества *В. Виноградъ*

Секретарь Общества *Н. Крайневъ*

спросила, за что похвалила преподаватель географии. «За хорошее знание географической карты», Марии Павловне это очень понравилось, так как она преподавала в гимназии именно географию, и подтвердила, что знание карты мира очень важно при изучении этого предмета.

На следующий день Мария Павловна после того как я сдала ей отчёт за день, открыла дверцу своего секретера, достала папку, развязала шнурок и сказала: «Это мои заветные документы – как я училась и как работала учительницей!». Там было, например, свидетельство Педагогического общества при Императорском Московском университете о том, что М.П.Чехова избрана действительным членом этого общества, а также документы о награждении её за педагогические труды серебряной, а потом и золотой медалями.

Мария Павловна была скромным человеком, и эти документы никогда не экспонировались в музее. Всё было только об Антоне Павловиче. Но сейчас эти материалы становились очень актуальными, потому что музей готовился к 90-летию Марии Павловны. Я сказала, что использую показанные мне документы на выставке, которая должна открыться 12 августа – в день рождения сестры писателя. Она сначала не соглашалась, так что мне пришлось её уговаривать.

Юбилей Марии Павловны

В эти же предъюбилейные дни 1953 года из Москвы пришло известие, что 4 августа Марии Павловне присвоено почётное звание Заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Я составила тематико-экспозиционный план выставки «90 лет Марии Павловне Чеховой – создателю и хранителю мемориального музея А.П.Чехова в Ялте». План на общем собрании музея утвердили. Он всем понравился, а главное, понравился Марии Павловне и очень понравился Ольге Леонардовне.

По распоряжению С.Ф.Медунова торжество намечено было провести в городском театре имени А.П.Чехова.

Н.А.Сысоев составил программу проведения юбилея: 1) его короткая вступительная речь; 2) поздравление Марии Павловне от сотрудников музея оглашает А.В.Ханило (я, конечно, была счастлива, что мне поручили эту роль); 3) С.Ф.Медунов приветствует юбиляра от Ялтинского горкома партии; 4) от горисполкома – Тарасов, 5) затем поздравляют представители учреждений и организаций города Ялты; 6) концерт артистов Ялтинской государственной филармонии.

Мария Павловна очень смущалась и волновалась, но её поддерживала Ольга Леонардовна.

К 12 августа должны были приехать делегации МХАТа, Государственной библиотеки имени В.И.Ленина, Союза писателей СССР и многие другие почётные гости. В музее до сих пор хранится большое количество красиво оформленных приветственных адресов к 90-летию М.П.Чеховой.

<...> 12 августа – Торжественный вечер в городском театре. В президиуме сидят Мария Павловна, Ольга Леонардовна, директор Государственной

библиотеки имени В.И.Ленина П.М.Богачёв, руководители города, члены делегаций. Во втором ряду – Евгения Михайловна Чехова (племянница Марии Павловны), Елена Филипповна, Сысоев, актриса МХАТа Софья Станиславовна Пилявская и я. Всё было хорошо и торжественно. Мария Павловна во время своего выступления неожиданно развеселила публику. В те годы было принято, чтобы выступавшие говорили по бумажке. Сысоев составил Марии Павловне на одну страницу ответную благодарственную речь. Она начала её читать, опустив на глаза свои очки, но, видимо, света ей было мало. Прочитав несколько первых строк слегка запинаясь, она вдруг подняла очки на лоб и бодро, без запинки, продолжила чтение, чем вызвала дружные аплодисменты зрителей. Потом был большой концерт замечательных певиц и певцов Ялтинской филармонии.

<...> Дня через два-три после юбилея в театре начались гастроли Свердловской оперы. <...>

Настал день, когда в театр поехали Мария Павловна и Ольга Леонардовна. Сергей Фёдорович Медунов прислал машину для них.

Марию Павловну и Ольгу Леонардовну посадили в самом центре первого ряда, остальные работники музея сидели в гостевой ложе. Спектакль начался. Казалось, что музыка звучала даже за стенами театра. Окончилось первое действие. Зал взорвался аплодисментами, закрылся занавес. На авансцену вышел Альфред – Нияз Даутов. Аплодисменты не прекращались. Даутов поднял правую руку, как бы приглашая зал успокоиться. А потом он обратился к зрителям: «У нас сегодня на спектакле присутствуют две великие русские женщины – Мария Павловна Чехова, сестра Антона Павловича Чехова, и Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, жена Антона Павловича Чехова». Зал в едином порыве встал, аплодисменты зазвучали ещё громче и долго не смолкали. Мария Павловна, очень смущённая, встала, повернулась лицом к публике и поклонилась. Так же сделала и Ольга Леонардовна. Аплодисменты продолжались, из публики раздавались приветствия в честь Марии Павловны и Ольги Леонардовны.

Наконец зал успокоился, объявили антракт. Но много людей подошло к первому ряду и всё ещё продолжали аплодировать. «Спасибо, спасибо, – сказала им Мария Павловна, – это все относится к Антону Павловичу. Он очень любил людей!»

Из театра уезжали очень довольные и с огромным количеством цветов.

Нияз Даутов и Ян Вутирас ещё раз приходили в музей, пели в чеховской гостиной и сами себе аккомпанировали на чеховском пианино. И оба, целуя мне руки, горячо благодарили за то, что организовала им после той нашей экскурсии встречу с Марией Павловной и Ольгой Леонардовной.

Секретарь компартии Франции
в Доме-музее А.П.Чехова

Летом 1953 года Ялтинский Дом-музей А.П.Чехова посетили в высшей степени почётные гости, которые были большими поклонниками творчества нашего великого писателя.

Но всё по порядку.

Как-то в 11 утра в музей пришли два сотрудника соответствующего учреждения – тогда ещё МГБ, потом КГБ – и спросили помощника Марии Павловны – Н.А.Сысоева. Летом, когда приезжала Ольга Леонардовна, весь первый этаж занимала она: в столовой обедали, в одной комнате размещалась Ольга Леонардовна, в другой – София Ивановна Бакланова. Поэтому Николая Александровича Сысоева на это время перемещали в летнюю галерею, которая находилась под галереей второго этажа, пристроенной в 1912 году Марией Павловной Чеховой. Туда мы и проводили пришедших.

Минут через двадцать пришёл Николай Александрович и пригласил меня в его кабинет. Сидевшие у него двое сотрудников спросили у меня, знаю ли я французский язык? Я ответила: «Нет, не знаю». Один из пришедших говорит: «Хорошо, это не имеет значения, так как у них будет переводчик». И продолжает дальше: «Сегодня, примерно через час, придут посетители с переводчиком. И вы для них проведете экскурсию. А сейчас идите наверх и ни одного слова не говорите вашим сотрудникам».

Эти двое поднялись на второй этаж и сказали кассиру: «Не продавайте больше ни одного билета. Говорите, что музей сегодня не работает». Потом они прошли по всем музейным комнатам и сказали экскурсантам, чтобы те через 30-40 минут вышли из музея. Мы всё это слушали и ничего не понимали. Только я одна знала, что у нас должны быть какие-то французы.

Через некоторое время приехала ещё одна машина – там было человек пять таких же сотрудников. Они все прошли в сад и там разошлись по разным дорожкам. Всех экскурсантов попросили выйти со двора, при этом им не разрешили стоять даже за оградой чеховского сада, а вывели наверх, на проезжую дорогу.

Прошло ещё какое-то время, и вдруг мне говорят: «Выйдите на парадное крыльцо встречать гостей». Я вышла. К калитке чеховского сада подъехала машина, из неё вышли три человека. Один, видимо, переводчик и двое гостей – мужчина невысокого роста в очень больших очках и женщина в светлом платье. Они прошли от калитки по спуску, потом по гравию чеховского двора и стали подниматься в музей по ступенькам. Переводчик что-то сказал по-французски, гость в больших очках подал мне руку и произнёс какую-то фразу. Я догадалась, что он со мной поздоровался, ответила ему и протянула руку его спутнице, пригласив их войти в дом. Мы прошли в гостиную, и я начала рассказ о Чехове, показывала его портреты, знакомила гостей с интерьером дома. Гости слушали очень внимательно. Особенно они оживились и заулыбались, когда я обратила их внимание на пианино и назвала имена Рахманинова и Шляпина. Показывая на стопку нот, которые лежали на инструменте, я назвала имена нескольких композиторов, чьи произведения здесь находились. По их реакции я поняла, что они хорошо знают этих композиторов и их музыку. Это мне очень понравилось. Смущения я не чувствовала и уверенно продолжала свой экскурсионный рассказ.

С большим интересом гости осматривали с балкона деревья в чеховском саду. Затем перешли в кабинет. Когда я перечисляла произведения, написанные здесь Чеховым, они повторяли их названия по-французски, и я

М.П.Чехова и И.Ф.Шаляпина. 1956 г.

поняла, что с творчеством Антона Павловича экскурсанты хорошо знакомы. Потом я стала рассказывать о поездке Чехова во Францию и о том, что он там видел Эйфелеву башню. Тут уже мои слушатели почувствовали себя просто, как во Франции, и стали рассказывать мне, как они видели «Три сестры» в Париже на французском языке...

В конце экскурсии в биографической комнате я сказала, что в ялтинском доме постоянно живёт сестра писателя Мария Павловна, а также в данный момент здесь гостит жена Антона Павловича – Ольга Леонардовна Книппер-Чехова. Они стали говорить, перебивая друг друга, и обратились к переводчику с вопросом о возможном визите к находящимся в музее дамам. Переводчик передал мне их просьбу. Я ответила, что сейчас пойду и спрошу разрешения у Марии Павловны и Ольги Леонардовны. Они были на террасе, поэтому я спустилась на первый этаж. В ответ на мой вопрос было сказано, что они с удовольствием встретятся с гостями, а Ольга Леонардовна добавила, что с радостью поговорит по-французски с настоящими парижанами.

Я привела гостей на террасу, а сама ушла на второй этаж и попросила сотрудницу принести из нашей библиотеки мартовский номер журнала «Огонёк». Я хорошо помнила, что там была фотография – на трибуне Мавзолея в ряд стоят очень известные иностранные гости, которые

приехали в Москву на похороны И.В.Сталина. И я запомнила, что среди них стоял человек в больших очках. Сотрудница принесла журнал, в котором на развороте была размещена та самая фотография, в тексте под ней я читаю: «Жак Дюкло – секретарь ЦК Французской коммунистической партии».

По коридору второго этажа из конца в конец ходил один из сопровождающих. Я ему говорю: «Я уже знаю – это Жак Дюкло». Он мне ответил: «Да, вы правы, но только не называйте его имени никому из ваших сотрудников. Сможете только тогда сказать, когда в центральной газете прочтёте сообщение, что такой-то посетил Москву и уже вернулся во Францию».

В музее хранится фотография: «Жак Дюкло, его жена Жильберта и Мария Павловна».

Жак Дюкло

Лето 1953 года

В музее Мария Павловна радовалась присутствию Ольги Леонардовны. Сохранилась фотография этого периода, на которой запечатлены Мария Павловна, артистка Мария Бабанова и Ольга Леонардовна. Они втроём выступали 15 июля перед огромным количеством посетителей, пришедших поклониться любимому писателю Антону Чехову в день его памяти.

В эти дни Мария Павловна была очень рада встрече с Виталием Яковлевичем Виленкиным, заведующим литературной частью Художественного театра и актрисой театра Софьей Станиславовной Пилявской. В то лето приехал в Ялту и племянник Марии Павловны – Игорь Васильевич Бренёв. Приехала к Марии Павловне также Ирина Еремеевна Кочнова, врач-фтизиатр, заведующая кафедрой фтизиатрии Второго Московского медицинского института.

Мария Павловна очень подружилась с Ириной Еремеевной. После этого первого приезда Кочнова становится постоянной, желанной и любимой гостьей не только хозяйки, но и всех обитателей чеховского дома.

В лето 1953 года Ольга Леонардовна очень долго жила в Гурзуфе на даче, и несколько дней у неё гостила Мария Павловна.

Когда Ольга Леонардовна плавала в море, Мария Павловна, сидя на берегу, раскладывала пасьянс. В Гурзуфе гостили любимые друзья – Софья Станиславовна Пилявская и Виталий Яковлевич Виленкин. Сохранилась фотография: все обитатели гурзуфской дачи провожают в Ялту Марию Павловну, она одета по-дорожному – в шляпе и с шарфом на шее.

М.П.Чехова и О.Л.Книппер-Чехова с друзьями в Гурзуфе

Лето подходило к концу, вода становилась прохладней, а Ольга Леонардовна продолжала купаться. Она очень любила море и хорошо плавала. И всё же в некоторые дни она слишком долго не выходила из воды, да ещё был ветерок. Ольга Леонардовна простудилась, и даже очень серьёзно – она заболела двусторонним воспалением лёгких. Об этом сразу же по телефону сообщили в Москву её любимому племяннику Лёвушке и доктору Художественного театра Алексею Люциановичу Иверову.

На следующий день к вечеру они уже были в Ялте, где приняли решение срочно увозить Ольгу Леонардовну в Москву. В гурзуфском домике нормального отопления не было, да и в Ялте тоже.

Ольга Леонардовна долго и серьёзно болела. Лечили тогда уколами – вводили пенициллин американского производства. Лекарство это только недавно вошло в оборот. Позже выяснилось, что оно давало осложнения на зрение и слух. Мало того, после этой болезни врачи приняли решение – больше никогда Ольгу Леонардовну в Крым не пускать. И для неё, и для Марии Павловны это была трагедия.

Перед отъездом Ольги Леонардовны была сделана её последняя фотография в Ялте с Марией Павловной и сотрудниками музея. В столовой первого этажа за круглым столом сидят: Мария Павловна, Елена Филипповна Янова, Ольга Леонардовна, Алла Васильевна Ханило, София Ивановна Бакланова. Во втором ряду стоят: Александра Антоновна Овчинникова, Зоя Александровна Проворова и Ксения Васильевна Жукова.

Л.К.Книппер с друзьями в Гурзуфе

Алла Васильевна Ханило, София Ивановна Бакланова. Во втором ряду стоят: Александра Антоновна Овчинникова, Зоя Александровна Проворова и Ксения Васильевна Жукова

В Москве у Ольги Леонардовны медленно слабели зрение и слух. Она очень любила читать и читала всегда много, а теперь это становилось невозможным...

1954 год – 50-летие памяти
А.П.Чехова

Мария Павловна и музей готовились к торжественной дате – 50-летию памяти Антона Павловича Чехова. Я уже писала, что по решению ЮНЕСКО это событие должно было отмечаться во всём мире. Ольга Леонардовна эти юбилейные дни уже будет встречать в Москве.

Мария Павловна приняла решение в день памяти Антона Павловича – 15 июля – учредить в Ялте «Чеховские чтения». На нашем общем собрании мы поддержали её предложение. Она об этом сообщила руководству Библиотеки имени В.И.Ленина. Москва тоже одобрила идею и в помощь Марии Павловне прислала Евгению Михайловну Сахарову – главного библиографа главного книгохранилища страны.

Открытие «Чтений» состоялось в Городском театре имени А.П.Чехова. В первых «Чтениях» 1954 года принимали участие чеховеды Е.М.Сахарова, М.Л.Семанова, Б.И.Ростоцкий, И.В.Фёдоров, И.М.Гейзер, Е.Н.Коншина. Нашими почётными гостями были писатели. Из Москвы приехали Лев Никулин, Леонид Громов и другие. Крым представлял Евгений Поповкин. Так как в этот год было принято решение правительства присоединить Крым к Украине, в Ялту на Чеховские чтения прибыла делегация прозаиков и поэтов из Киева – Леонид Вышеславский, Петро Панч, Олекса Ющенко и другие.

Я в это время уже учусь на втором курсе. В июле у меня в институте сессия, но мне пришлось отпроситься на несколько дней в Ялту, так как Мария Павловна поручила мне провести экскурсию по музею для московской и киевской делегаций. Также она попросила меня провести для этих делегаций экскурсию по чеховским местам Ялты. Когда мы вышли на Набережную, поэт Олекса Ющенко мне говорит: «Ну как тут проживает наше украинское Черное море?» Я ему ответила: «Почему ваше украинское? Это наше крымское Черное море». Ему моя реплика, видимо, не понравилась, но он сказал: «Смелый ответ».

Открыла первые Чеховские чтения сама Мария Павловна. Она хорошо говорила об Антоне Павловиче как о писателе, о его удивительной любви к людям, постоянной и деятельной заботе о детях, об учащих, о начинающих писателях. Потом Мария Павловна все дни чтений внимательно слушала доклады выступающих. Позднее, в 1955 году, выйдет из печати сборник докладов первых Чеховских чтений.

Ольга Леонардовна в эти дни принимала активное участие в юбилейных мероприятиях в Москве – в торжественном заседании в Колонном зале Дома Союзов, в открытии Чеховского музея в Москве, в собрании в Большом театре и многом другом.

Уже с 1953 года в Ялту стали приезжать корреспонденты самых разных изданий в поисках материалов о Чехове, началась съёмка документальных

М.П.Чехова – основатель «Чеховских чтений». Первая конференция 1954 г.

фильмов «А.П.Чехов» и «Записные книжки Чехова». От Мосфильма приехал оператор Иван Андреевич Запорожский, который сделал много наших с Марией Павловной фотографий в саду и в доме. Мне он оставил также мои фотографии с четвероногими обитателями музея – с кошкой Минуткой, с котом Рыжиком и с пёсиком Каштанчиком (моим воспитанником). Но самую интересную фотографию сделал очень известный фоторепортёр Макс Альперт (он известен, в частности, своими фотографиями И.В.Сталина). Он снимал меня во время работы: я веду экскурсию в кабинете А.П.Чехова 20 января 1954 года.

Новые знакомства с известными людьми

Я уже писала, что с 1950 года зимние месяцы – с половины февраля до половины марта – я регулярно проводила в Москве, уходя для этого в отпуск. В эти приезды много внимания мне уделял Иван Семёнович Козловский – возил меня на концерты, где он выступал, и на разные мероприятия. Как-то мы с ним были на вечере, посвящённом А.М.Горькому. В президиуме сидели С.В.Михалков и другие писатели и учёные, которые много говорили о Горьком. По окончании этого вечера Иван Семёнович познакомил меня с Сергеем Михалковым.

Потом мы были в новом здании Московского государственного университета. Там должны были выступать академик Александр Несмеянов (он был тогда ректором МГУ) и Козловский. Первое слово предоставили

Сергей Михалков

Ивану Семёновичу. Он говорил очень интересно и довольно долго – минут 30. Мы сидели в зале с Ниной Феодосьевной Слезинной, секретарём Ивана Семёновича, и с улыбкой сказали друг другу, что после такого долгого монолога петь придётся академику.

У себя дома Иван Семёнович с большим удовольствием представлял меня своим друзьям. Так я познакомилась с лётчиками – Героями Советского Союза Георгием Байдуковым и Александром Беляковым. А ещё раньше, в Ялте, с женой Валерия Павловича Чкалова – Ольгой Эразмовной. Познакомилась я у Козловского и с сотрудником представительства нашей страны в ООН – Анатолием

Анатольевичем Громовым. Причём, представляя меня, Иван Семёнович сказал: «Смотрите, она вас заговорит». Это он шутил по поводу того, что за столом, где сидели гости, я предпочитала молчать.

Как-то Козловский даже высказал мне: «Я очень люблю тебя слушать, когда ты говоришь о Ялте, Мисхоре, об Антоне Павловиче, Марии Павловне, Ольге Леонардовне, но когда у меня гости – ты всегда молчишь». Я ответила: «То, что говорю я, я и так знаю. А где я еще услышу Байдукова,

Г.Ф.Байдуков, А.В.Беляков и В.П.Чкалов

Белякова и других ваших гостей, которых я знала только по фотографиям и газетам?» Иван Семёнович рассмеялся и сказал: «А ты умненькая». И добавил: «И хитренькая».

А с Анатолием Анатольевичем мы подружились, он даже подарил мне книгу своих стихов. Она хранится и до сих пор у меня.

Прекрасные отношения и розыгрыши в Доме Чехова

После 1953 года, когда отметили 90-летие Марии Павловны, уже все знали день её рождения – 12 августа. И в 1954 году в этот день в музей пришло очень много людей – были и приглашённые, но были и те, которых специально никто не приглашал. В хорошую погоду столы накрывали в саду вокруг круглой клумбы, на которой росла невысокая американская сосна с очень длинными иглами. Когда становилось прохладнее, гости собирались в бывшей чеховской столовой на первом этаже. В этот раз столы стояли в саду с восточной стороны дома, где площадка была больше, чем перед домом. У Марии Павловны была хорошая кухарка, а на большой праздник приглашали также повара. Сама Мария Павловна никогда хозяйством не занималась, однако чеховское хлебосольство и гостеприимство ею всегда соблюдалась, как и при жизни Антона Павловича.

На 90-летию Марии Павловны, как известно, Козловский не был, а в 1954-м не только был, но и приехал раньше всех и, конечно, как тамада вёл этот вечер, чем очень веселил нашу дорогую хозяйку. Он буквально за каждого гостя поднимал тост (сама Мария Павловна некоторых даже не знала). При этом Иван Семёнович потихоньку у Елены Филипповны выспрашивал какие-то секреты о каждом из присутствующих, ну и, конечно, всё приукрашал и преувеличивал.

Я спокойно сидела за столом. Моим соседом был Лев Константинович, племянник Ольги Леонардовны. Мы с ним дегустировали вина: он наливал в бокал мне и себе немного вина, мы пробовали, смотрели друг на друга, и если вино нам не нравилось, незаметно выливали его под стол на гравий (ведь мы сидели в саду). И вдруг очередь дошла до меня. Иван Семёнович встал, поднял бокал и говорит: «Вот, посмотрите, сидит за столом скромненькая, воротничок бантиком завязан под самое горлышко, а совсем недавно, когда я еще был в Москве, она уехала в горы в платице, а вернулась оттуда в греческом хитоне». Козловский имел в виду мой перешитый купальный костюм. Он подошёл ко мне. Все сидевшие за столом повернули головы в мою сторону. Я очень смутилась, но обидеться на Ивана Семёновича было невозможно. Он поцеловал меня и выпил за моё здоровье.

Вот такие милые отношения и розыгрыши царили при Марии Павловне в чеховском доме. Но самое главное, что каждый такой вечер заканчивался пением Ивана Семёновича. Жаль, что тогда ни у кого не было ни кинокамеры, ни фотоаппарата, чтобы запечатлеть эти неповторимые встречи.

В тот день сидели очень долго, стемнело, некоторые гости уже ушли. Неожиданно наверху, с дороги, раздались сигналы автомашины, и сигналы эти были очень настойчивые. Иван Семёнович обратился ко мне и говорит: «Молодая хозяйка, иди встречать гостей». Я спросила: «А кого я должна встречать?» Он сказал: «Иди к машине – там и увидишь». Я встала и вышла за калитку.

Как Иван Семёнович остановил «Россию».
Капитан Ман

На дороге стоит чёрный ЗИМ с включёнными фарами и сигналит. Я подошла поближе и в ярком освещении увидела двух мужчин. Одного узнала сразу – это был артист Большого театра Павел Герасимович Лисициан. Другой, высокий, красивый, в морской форме, был мне незнаком. Я догадалась, что их пригласил Иван Семёнович, подошла к Лисициану, подала руку и сказала: «Здравствуйте, Павел Герасимович, я Алла – экскурсовод». Он ответил: «Мне приятно, что вы меня узнали». Второй гость протянул мне руку (моя ладонь в ней буквально утонула) и представился: «Иван Александрович». Я ответила: «Алла» (тогда отчеством я ещё не пользовалась) – и повела мужчин в сад, к столу.

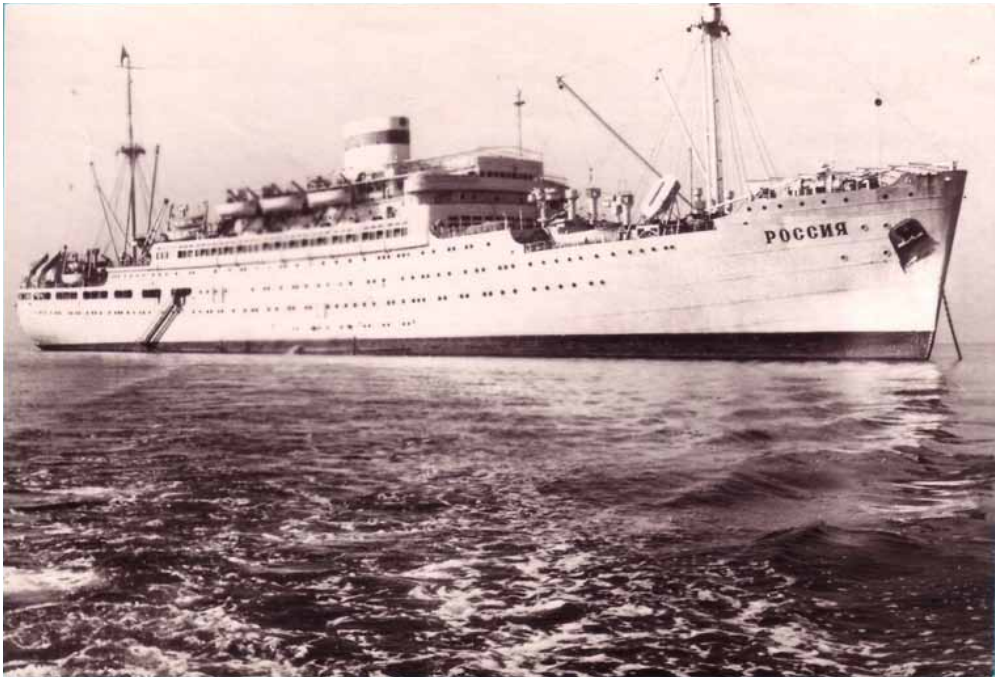
По дороге Иван Александрович не отпускал мою руку. Он сказал: «Здесь темно, ведите меня, я не знаю дороги». Мы подошли к столу. Иван Семёнович стоял рядом с Марией Павловной. Увидев, что Иван Александрович держит меня за руку, он бросил ему: «Отпустите ее, здесь светло», – и стал представлять хозяйке дома гостей.

Только тут я узнала, что «Иван Александрович» – это знаменитый капитан круизного пассажирского лайнера «Россия» по фамилии Ман. Я была очень рада, что смогла познакомиться с капитаном «России», о котором много слышала. Ведь это он ввёл «Россию» в Ялтинский порт. Марии Павловне тоже было интересно с ним поговорить. Она ему сказала, что ее двоюродный брат служил в Ялтинском пароходстве, а племянник был морским офицером.

Мария Павловна пригласила гостей присесть к столу. Но Иван Александрович обратился к ней с просьбой: «Можно, мы сначала посмотрим музей, комнаты Антона Павловича, а уже потом сядем за стол?» Марии Павловне это очень понравилось, и она с улыбкой сказала: «Тогда не отпускайте руку – это вам экскурсовод, она покажет вам музей и комнаты Антона Павловича».

Мы трое вошли в первый этаж, по внутренней лестнице поднялись на второй этаж и прошли в кабинет Антона Павловича. Иван Александрович сразу обратил внимание на парусник, который стоял на камине, и спросил: «А что, Чехов увлекался парусниками?» Я объяснила, что это подарок Антону Павловичу от мальчика – сына доктора Леонида Валентиновича Средина, который увлекался парусниками и строил такие кораблики. Иван Александрович сказал: «Ах, как мне приятно видеть у Чехова такой парусничек!».

Тут же рядом, на камине, стоял и колокольчик, который Антон Павлович привёз с острова Сахалин – подарок одного из каторжников. Я рассказала

в подробностях, какие моря и океаны преодолел Чехов, возвращаясь с острова Сахалин в Россию. Иван Александрович задумчиво произнёс: «А я ведь этого ничего не знал, и теперь очень рад, что Антон Павлович был мореплавателем и я здесь совсем не чужой». Он с большим интересом слушал мой рассказ, постоянно задавал вопросы.

У письменного стола Чехова я рассказала о произведениях, которые Антон Павлович написал в Ялте. Вдруг Иван Александрович Ман спрашивает: «А для Павла Герасимовича у вас что-нибудь есть? А то я все о себе да о себе». Я сказала: «Да, есть».

Мы уже закончили осмотр кабинета и стали переходить в гостиную, где находилось чеховское пианино «Смит и Вегенер». Увидев его, Иван Александрович рассмеялся: «Вы как волшебница – каждому по сердцу». Я рассказала, что на этом пианино в гостях у Чехова играл Сергей Рахманинов. И добавила, что для Ивана Семёновича Козловского, когда он приезжает в музей, с разрешения Марии Павловны всегда открывают инструмент.

Павел Герасимович Лисициан спросил: «Можно мне открыть пианино? Я играть не буду, только потрогаю клавиши». Очень красивый ключик от инструмента всегда хранился в стопке нот рядом с ним. Я достала ключик и открыла пианино. Павел Герасимович очень нежно погладил пальцами клавиши, не издавая звуков. Постоял молча и потом тихо сказал: «А теперь давайте пойдём к Марии Павловне». Повернувшись ко мне, Павел Герасимович добавил: «Большое спасибо – вы доставили нам такое удовольствие!»

Мы спустились по лестнице и вышли в сад к столу. Мария Павловна спросила гостей: «Вам понравилось?» Неожиданно для меня Иван Александрович говорит ей: «Мария Павловна, я бы вашего экскурсовода забрал юнгой на свой корабль. Первый экзамен она уже сдала: я был удивлён, что все морские термины она произносит очень правильно, не так, как их произносят сухопутные люди». Тут вступил Иван Семёнович: «Ни в юнги, ни даже в капитаны мы Аллу не отдадим. У неё здесь в музее есть очень надёжная защита – три племянника Марии Павловны и я, главный».

Сидели за столом долго, шутили, смеялись. Некоторые гости стали расходиться. Как всегда, в 11 часов, за Марией Павловной пришла её медсестра, строго следившая, чтобы та точно по расписанию была в постели. Мария Павловна всем пожелала доброго вечера и хорошего настроения. «Если есть желание, – сказала она, – можно сидеть здесь до утра, мне это будет приятно».

Начинался рассвет. Капитан стал посматривать на часы. Приближалось время отхода «России» из Ялтинского порта, её путь лежал на Одессу. За столом уже оставались только свои. И вдруг неожиданно Иван Семёнович scomандовал: «Едем все на “Россию”!» У музея дежурила легковая машина председателя горисполкома А.М.Тарасова, которая привезла Лисициана и Мана. Нас было восемь человек, но Иван Семёнович усадил всех в ЗИМ, и мы отправились.

Когда приехали к причалу, было уже совсем светло. Мы поднялись по трапу на корабль, прошли через большой салон, где в креслах спали палубные пассажиры. Иван Александрович распорядился, чтобы открыли двухкомнатный номер люкс, в котором стояло пианино. Иван Семёнович сел к инструменту и, сам себе аккомпанируя, запел баркароллу: «Плыви, мой челн, по воле волн...». Мы разместились в креслах и с наслаждением слушали его. Когда он смолк, немного поговорили о море и ещё о чём-то. Капитан опять стал посматривать на часы.

Через некоторое время встали, чтобы уходить с корабля, но тут запел Павел Герасимович. Здесь я впервые услышала в чудесном исполнении Лисициана «Дивлюсь я на небо». Потом опять запел Иван Семёнович... И этот концерт продолжался ещё с полчаса. Было заметно, что Ман уже волнуется, но пение всё равно не останавливает.

Наконец, мы окончательно поднялись и стали прощаться с Иваном Александровичем. Он всех поблагодарил, а мне сказал: «Вас желал бы видеть в числе моих пассажиров». Я поблагодарила, но сказала, что летом это невозможно, у нас в музее очень много экскурсантов. Капитан проводил нас до трапа. Мы спустились вниз, сели в машину и поехали. Иван Семёнович распорядился: «Первую отвезем домой Аллочку, там уже волнуется мама, потом всех остальных».

Подъехали к моему дому. Иван Семёнович взял меня за руку и повёл по ступенькам на второй этаж. Подошли к двери, он очень осторожно постучал. Мама, конечно, не спала и сразу открыла дверь. Иван Семёнович, как всегда, произнёс свою любимую фразу: «Я дочку забрал, я дочку привез». Извинился перед мамой, что очень долго гуляли, и добавил: «А дочка у вас молодец!»

Капитан И.А.Ман

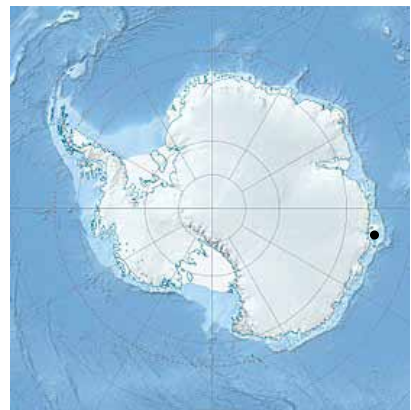

**Алла Васильевна с фотографиями И.С.Козловского
и И.А.Мана**

«Россия» в то утро вышла из Ялтинского порта на час с лишним позднее положенного времени.

Я успела умыться, переодеться и отправилась к девяти часам на работу в музей. Там всё подробно рассказала Марии Павловне. Она задорно смеялась и говорила: «Это, наверное, только Иван Семёнович может такое сделать – остановить теплоход».

(Алла Васильевна хотела сделать памятник И.С.Козловскому и капитану И.А.Ману и установить его у морского вокзала Ялты.)

**Кладбище на острове Буромского в Антарктиде (отмечен точкой на карте),
где похоронен капитан И.А.Ман.**

«Праздник песни»

Энергии Ивана Семёновича можно было только позавидовать. Он умел устраивать не только спонтанные камерные концерты, но и, любя Ялту, большие общегородские песенные мероприятия. Это по его инициативе в начале 50-х годов в Ялте был организован общегородской «Праздник песни», который потом ежегодно проходил в Массандровском парке. Там пел двухтысячный хор, с которым ежегодно, вплоть до конца 70-х, выступал и сам Козловский. Он привлекал к этому мероприятию и других известных музыкантов – скрипачей, виолончелистов, певцов. Многие годы этим хором руководил Даниил Машкевич, главный дирижёр Ялтинского симфонического оркестра. «Праздник песни» в те годы превратился в настоящий праздник города. Хотя специальные гастрольные концерты на сцене Ялтинского городского театра Иван Семёнович никогда не давал, он выступал перед ялтинской публикой с хором городского педучилища и с народной оперной студией при Доме медработников.

«Праздник песни» всегда проходил в воскресенье. У нас в музее это рабочий день, но Мария Павловна каждый раз меня отпускала с Иваном Семёновичем. Сотрудникам она объяснила, что в музее только одна Алла проводит для писателей, артистов и различных делегаций двух- и трёхчасовые экскурсии, поэтому ей нужно иногда дать отдохнуть.

Когда я возвращалась с праздника, я всегда подробно рассказывала Марии Павловне о нём. Особенно ей понравилась такая история. На празднике неподалёку от хора стояли скамейки, на которых сидели руководители нашего города (горкома партии и горисполкома) и члены их семей – жёны и дети. Иван Семёнович сажал там же на скамейку и меня. И стоило ему отойти, как ко мне из толпы зрителей начинали подходить люди и спрашивать: «Вы жена Козловского?» Я отвечала: «Нет». Но некоторые всё равно уверенно говорили: «Мы из Москвы, и мы знаем, что вы последняя жена Ивана Семёновича». Меня это очень сместило, но доказывать что-либо «знающим» людям было невозможно. Это очень веселило и радовало и Ивана Семёновича. А когда я об этом рассказала Марии Павловне, она залилась смехом и сказала мне: «Ничего в этом удивительного нет, ведь за вами ухаживали все три мои племянника». Как я уже писала, говоря это, она имела в виду Сергея Михайловича (сына Михаила Павловича, младшего брата Чехова), Игоря Васильевича Бренёва (двоюродного племянника Марии Павловны по линии Александры Митрофановны Чеховой) и Льва Константиновича Книппера (племянника Ольги Леонардовны, композитора).

В числе дорогих гостей Дома был мастер художественного слова Дмитрий Николаевич Журавлёв. Он замечательно читал «Даму с собачкой». Мария Павловна подарила ему музейный путеводитель со своим автографом. Расстегнув верхние пуговицы рубашки, он прижал книжечку к груди и сказал: «Хочу, чтобы она была поближе к сердцу».

Когда Козловский и Журавлёв приезжали вместе, то они начинали объясняться Марии Павловне в любви: один становился на колени, рядом – другой, и не просто становились на колени, а пытались оттолкнуть один одного. При этом «соперники», шутя, старались подорвать авторитет друг

Иван Семёнович Козловский у парадной двери дома

друга. Сохранилось несколько фотографий того периода: на одной Мария Павловна сидит, обняв обоих кавалеров.

Подобное шуточное соперничество разворачивалось у Козловского и с другими известными деятелями культуры, в частности, с тем же художником-карикатуристом Н.А.Соколовым.

Как-то лето выдалось очень жаркое. Иван Семёнович Козловский приехал в чеховский дом, позвонил, ему открыли – стоит он в рубашечке с отложным воротником, а галстука на нём нет. «Иван Семенович, – говорит Елена Филипповна, – как же так?! Вы к Марии Павловне – и без галстука!» Козловский сделал вид, что очень смущён, поскольку приехал к барышне не в том наряде, который соответствовал бы его положению. Но ничего не сказал, виноватый поднялся наверх – и всё.

Проходит три-четыре дня. Снова раздаётся звонок, открываем дверь – на пороге стоит Иван Семенович с видом победителя: «Ну как?» Он решил исправить досадную оплошность, допущенную несколько дней назад. И каким образом? На шее у него красовались сразу три (!) галстука. Конечно, Мария Павловна очень смеялась, а он весь вечер оставался при трёх галстуках, постоянно их поправляя.

Эта шутливая история говорит о том, что Козловский был последовательным сторонником строгого этикета в поведении. Например, приезжая в чеховский дом, Иван Семёнович всегда входил только через парадный вход, даже тогда, когда дом был закрыт для экскурсантов. Он всегда подхо-

дил к главной, парадной двери, звонил в чеховский звоночек – ему открывали, и тогда уже он поднимался к Марии Павловне наверх.

Подарки

Вспоминается, как однажды Иван Семёнович приехал из города и привёз Марии Павловне в подарок нанизанные на верёвочку гуттаперчевые детские погремушки и среди них – попугай, тоже погремушка. Когда приходили гости, Мария Павловна показывала им эти подарки: «Вот смотрите, что мне привез Иван Семенович». Эти погремушки и сейчас хранятся в музее.

Мария Павловна решила, что надо достойно «отплатить» Ивану Семёновичу и сделать ему тоже какой-нибудь смешной подарок.

Начиная с военных лет, М.П.Чехова из дома практически не выходила, поэтому поручила это непростое дело Елене Филипповне Яновой и мне. Мы отправились в детский магазин, где наш выбор остановился на игрушечной лошадке, модной в то время игрушке – лошадиная голова на длинной палочке. Мы позвонили Марии Павловне – она обрадовалась: «Ой, это очень интересно!» Вероятно, она знала, что Иван Семёнович в годы Гражданской войны одно время служил в кавалерии. Мы привезли игрушку и спрятали. Дня через два приехал Козловский, посидели за столом, послушали его пение, настроение у всех было прекрасное. Вдруг Мария Павловна, улучив момент, говорит: «Да, Иван Семенович, я думаю, вам надо сделать хороший подарок!» И вручила ему игрушечную лошадку. Восторг был неописуемый! Иван Семёнович тут же сел верхом на ту лошадку, проскакал на ней вокруг стола и даже спел что-то, таким оригинальным способом обыграв смешную ситуацию. А потом он увёз игрушку с собою в Москву.

Мария Павловна, Елена Филипповна и я больше любили, чтобы Иван Семёнович приезжал на Белую дачу, когда в доме было немного гостей. Тогда начинались какие-то воспоминания, душевные беседы, в которых раскрывалась душа Ивана Семёновича. Расскажу историю, в которой светится вся душа Козловского.

У Марии Павловны был строгий режим и была специальная медсестра, которая следила за её распорядком дня. Ровно в 11 часов вечера она укладывала Марию Павловну спать. Но Мария Павловна каждый раз просила, чтобы гости на это не обращали внимания: «Сидите, сколько хотите, мне это очень приятно!»

Как-то в один из вечеров, это было уже ближе к осени, медсестра, как обычно, пришла за Марией Павловной. Все находились в столовой первого этажа. Гостей в этот день было немного, человек семь-восемь. Медсестра, стоя на ступеньках, поторапливала Марию Павловну. Она нехотя встала из-за стола, пожелала всем доброй ночи, повернулась к двери, и вдруг, неожиданно для всех, Иван Семёнович подхватил Марию Павловну на руки и бережно понёс её на третий этаж. Мария Павловна ещё раз помахала всем рукой...

Позже, когда многие писали воспоминания о Марии Павловне, подробно описывали этот случай, хотя некоторые из них не были свидетелями происшедшего и прибавляли всякие небылицы.

Поездки с племянниками (1955 год)

Каждый год в июле я уезжала на сессию в институт. Когда возвращалась, Мария Павловна просила меня самым подробным образом рассказывать ей о студенческой жизни, о моих успехах в учёбе и радовалась им вместе со мной.

Институт ещё теснее связал меня с племянником Марии Павловны – Игорем Васильевичем Бренёвым. Детство своё он провёл в Севастополе, там же окончил реальное училище, а потом поступил в Таврический университет на физико-математический факультет. Ему нравилось, что я тоже начинала свою учёбу в институте с физмата. Бренёв был однокурсником Игоря Васильевича Курчатова. Он много мне рассказывал о своих студенческих годах, каждый раз подчёркивая, что я получаю образование в том же учебном заведении, что и он (пусть и на другом факультете). Правда, тогда это был Таврический университет, а теперь только Педагогический институт.

Игорь Васильевич был очень воспитанный и деликатный человек, и мне при моей застенчивости с ним было легче общаться.

В 1955 году наш «Крымиздат» выпустил книгу «Очерки истории Сурожя», автором которой был Сергей Анатольевич Секиринский, кандидат исторических наук, декан историко-филологического факультета Крымского педагогического института. Он читал нам лекции по истории средневековья.

Однажды Бренёв показал мне эту книгу и спросил: «Хотели бы вы посмотреть Сурожскую крепость?» Я ответила, что очень бы хотела, я люблю свой Крым, но в тех местах ещё не бывала. Игорь Васильевич сказал: «Тогда спросим разрешение у Марии Павловны». Он называл Марию Павловну «тётей Машей», в отличие от Сергея Михайловича, который Марию Павловну называл «Машей». Мы поднялись в комнату Марии Павловны, показали ей эту книгу, и Игорь Васильевич спросил: «Тётя Маша, я пригласил Аллу совершить со мной экскурсию в Сурожскую крепость». Мария Павловна сказала: «Если она хочет, я разрешаю», – улыбнулась очень хорошо, задорно и добавила: «Только смотрите, голов не потеряйте».

Мы все трое посмеялись и объяснили Марии Павловне, что поедем на один день и к вечеру вернёмся. «Я отвезу Аллу домой к маме», – пообещал Бренёв. Игорь Васильевич узнал на Морском вокзале, когда из Ялты в мой выходной ходят пароходы в Судак, и мы поехали.

Из Ялты в Судак ходил катер «Пётр Лукомский». Он назывался катер, но это был настоящий небольшой пароход. Он носил имя Петра Лукомского, который был когда-то начальником Ялтинского морского порта. Это при нём строился в городе Морской вокзал, где работал мой папа, а Лукомский бывал у нас дома.

Мы отправились в путешествие в жаркий августовский день. С собой у нас были соломенные шляпы с большими, широкими полями. Очень интересно было с палубы парохода смотреть на восточный берег Крыма. Перед приходом в Судак мы пообедали в ресторане на борту катера. Когда сошли на берег, оказалось, что в Судаке стоит ужасная жара. Как хорошо, что у нас были большие соломенные шляпы, которые буквально спасали нас от солнца.

Сурожская крепость

Мы открыли книжку, по ней нашли главные ворота и вошли в древний Сурож (Судак): «По истории Сурожа первое место, без сомнения, занимают остатки крепостных сооружений. По мнению академика Ю. В. Готье, судакская крепость является... одним из самых замечательных памятников крымского прошлого. Она сохранилась лучше и полнее других средневековых крепостей Крыма».

Мы внимательно и с интересом читали эту книгу и шли от башни к башне, осматривая эти развалины. Как прилежные ученики или студенты, мы на месте изучали «Очерки истории Сурожа». Книга эта сохранилась у меня. Её подарил мне Игорь Васильевич с надписью: «А мы все-таки вершину Сурожской крепости покорили и голов не потеряли. В день 22 августа 1955 г. Игорь В.Бренёв – А.Ханило». Слева от дарственной – рисунок Игоря Васильевича: две фигурки в широкополых шляпах. В книге хранится засушенный цветочек клевера, который я сорвала в тот день у стен крепости.

В начале октября 1955 года приехали в Ялту Сергей Михайлович с сыном Серёжей, который весной этого года с отличием закончил Московское художественное училище, получив серебряную медаль. Мария Павловна пригласила Серёжу с отцом в Ялту, чтобы здесь отметить успешное завершение его учёбы.

Когда они приехали, Сергей Михайлович сказал, что Серёжа хочет побывать в Херсонесе, он интересовался древней культурой, раскопками. Но в те годы просто так поехать в Севастополь было нельзя – это был режимный город и въезд в него был только по пропускам. Я составила письмо в наши органы, которые занимались выдачей таких пропусков, приложив к заявке список из трёх человек: Сергей Михайлович Чехов, Сергей Сергеевич Чехов, Ангелина Васильевна Ханило. Естественно, я была вписана в эту группу как экскурсовод. Я в Севастополе уже была в 1946 году. Это был ещё очень разрушенный город. Тогда я организовывала поездку в Севастополь для нашей объединённой партийной и комсомольской организации. Комсомольскую организацию возглавляла я, она называлась «Комсомольская организация Отдела культуры при Ялтинском горисполкоме». Машину для поездки нам дал санаторий, в котором лечились раненые солдаты. Мы в музее их принимали бесплатно.

В 1955 году мы поехали в Севастополь на рейсовом автобусе. Поехали в мой выходной день, выехали утром. Но когда мы приехали в Севастополь и на вокзале посмотрели расписание автобусов (тогда они ходили очень редко), оказалось, что нам нужно выезжать в обратную дорогу через три часа. Времени на осмотр города и Херсонеса практически не оставалось. Решение принял Сергей Михайлович: «Остаёмся ночевать, в Ялту уедем рано утром».

Мы отправились осматривать город, и в первую очередь решили посмотреть Графскую пристань и памятник затопленным кораблям. Когда мы подошли к Графской пристани, нашим глазам представилось нечто невероятное: в бухте лежал вверх дном большой военный корабль. Мы ещё ничего не знали – не слушали радио, не читали газеты. От людей, стоявших здесь, мы услышали страшную весть – накануне в бухте был взорван линкор «Новороссийск». Вот такую страшную картину нам довелось увидеть.

Мы поехали в Херсонес. Осмотрели Херсонесский музей, потом подошли к Владимирскому музею, очень сильно разрушенному от артиллерийских обстрелов и бомбёжек. Серёжа подбирал какие-то осколки черепков и определял их век. Он хорошо знал археологию. Сергей Михайлович иногда спорил с ним, но прав всегда оказывался Серёжа.

Сотрудники музея, когда узнали, что у них в гостях племянник А.П.Чехова и его внук, были очень обрадованы. Они говорили нам, что всем экскурсантам рассказывают о пребывании здесь в 1900 году Антона Павловича.

Сергей Михайлович попросил у работников разрешения переночевать. Сергей Михайлович и Серёжа ночевали в музее – там была гостевая комната в подвальном помещении. Я ночевала в бывшем Херсонесском монастыре. Там уже были отремонтированы некоторые комнаты, в которых размещались жители разрушенного Севастополя. В этих помещениях жила бывшая сотрудница нашего музея Люба Смирнова. Она вышла замуж за матроса, служившего в водолазном училище. Это был Олег Гринаковский, он был ростом почти в два метра. Когда в стране отмечали день Военно-Морского флота, его всегда посылали в Москву на праздник. Он там выступал в роли

главного Нептуна. Его не раз снимали в художественных фильмах – как каскадёр он заменял в морских съёмках некоторых известных актёров, так как очень хорошо плавал. Позже он был преподавателем в Севастопольском училище водолазов.

На следующее утро мы ещё осмотрели храмы Севастополя, в одном из которых была усыпальница наших адмиралов – героев Первой обороны города в Крымскую войну. Из Севастополя мы поехали в Ялту через Бахчисарай. Там осмотрели город и Ханский дворец. В Ялту вернулись очень довольные этой поездкой.

А в Ялте по распоряжению Марии Павловны уже готовился праздник в честь Серёжи. Был приглашён друг нашего музея художник Юра Корляков. Приехал на праздник и Иван Семёнович Козловский. В музее у Марии Павловны сохранился альбом с фотографиями этого праздника. Фотографии сделал Сергей Михайлович. Он фотографировал не только Марию Павловну, но и меня – то с Серёжей, то с художником Юрой, то с Козловским. Потом Серёжин отец пришлёт и мне несколько фотографий. Там нет только одного человека – самого Сергея Михайловича...

Праздник проходил весело и дружно, как вдруг Сергей Михайлович подошёл к Ивану Семёновичу и попросил его спеть. Наступила пауза, мы переглянулись. Сергей Михайлович не знал, что Иван Семёнович всегда пел в музее, но мы никогда его об этом не просили. Иван Семёнович не мог не петь, это смысл его жизни, но пел он тогда, когда сам этого хотел. Мы знали, что наступит момент, и Козловский начнёт петь, и он очень це-

нил то внимание и такт, с которым мы ждали этого момента. И вот первый раз с 1949 года Иван Семёнович в музее не запел. Сергей Михайлович его дважды просил, но увы! Елена Филипповна остановила Сергея Михайловича.

Иван Семёнович продолжал шутить, развлекал всех, предложил тост за Серёжу, но не более того. Мы потом пробовали объяснить Сергею Михайловичу то, что произошло, но это было бесполезно – он всё равно обиделся на Козловского.

В Ленинград

После нашего путешествия по Сурожской крепости Игорь Васильевич пригласил меня погостить у него в Ленинграде: «Буду рад познакомить вас со своей семьей. А главное – вам будет очень интересно увидеть Ленинград. В Москве вы теперь бываете каждый год, а в Ленинграде не были ни разу».

Я сказала, что согласна и очень рада посмотреть Ленинград, но сделать это смогу только в зимние месяцы – в ноябре и декабре. Летом в музее большая посещаемость, и я не могу оставить Марию Павловну без моей помощи. Он сказал, что готов сделать так, как мне удобно, и что мы ещё спросим тётю Машу. Когда мы рассказали о задуманном путешествии Марии Павловне, она очень обрадовалась и сказала, что мы решили правильно. Мне было разрешено уехать из музея в Ленинград в ноябре-декабре 1956 года. Игорь Васильевич предложил мне приехать к ним в гости к ноябрьским праздникам, чтобы я смогла посмотреть демонстрацию и морской парад. Было решено, что я выезжаю из Ялты 5 ноября утром, а 6-го уже буду в Ленинграде.

Летом 1956 года к нам в музей, как всегда, часто приезжал Иван Семёнович. Он хорошо понимал, что Марии Павловне было очень тоскливо без Ольги Леонардовны. Правда, от неё часто приезжали актёры Художественного театра – они гостили в Гурзуфе и постоянно навещали Марию Павловну в Ялте.

Когда Иван Семёнович узнал, что в ноябре я буду в Ленинграде, то попросил, чтобы после Ленинграда я обязательно побывала у него в Москве.

В январе у меня в институте всегда была зимняя сессия. Я старалась экзамены сдавать заблаговременно и между сессиями. Училась я с удовольствием и легко. Единственное, что меня беспокоило, – это проблемы с сердцем. Оказалось, что у меня увеличена щитовидная железа.

Когда в 1954 году Крым присоединили к Украине, нам, студентам историко-филологического факультета, добавили украинский язык и украинскую литературу в полном объеме, так что количество экзаменов у нас увеличилось вдвое. Некоторые преподаватели нам говорили, что так как

мы поступали в пединститут в 1953 году и в РСФСР, то имеем полное право отказаться от экзаменов по украинскому языку и украинской литературе. Тем не менее, их нам пришлось сдавать. Я никогда не училась в украинской школе, но экзамен по украинскому языку сдала на «хорошо», а все экзамены по украинской литературе – на «отлично».

Летом 1956 года я перешла на 4-й курс, то есть получила незаконченное высшее образование. Мария Павловна написала об этом в Москву в Ленинскую библиотеку, и меня перевели с должности библиотекаря (все сотрудники музея по штатному расписанию числились библиотекарями) на должность старшего библиотекаря. Потом я уже стану, как и Мария Павловна, – главным библиотекарем.

Ближе к ноябрю я стала готовиться к поездке в Ленинград.

Когда в последний день перед отъездом я была в музее, Елена Филипповна мне сказала: «Завтра утром я позвоню в Москву Сергею Михайловичу и скажу ему, что вечером вы проездом в Ленинград будете в Москве, и он придет к вашему поезду». Я ответила Елене Филипповне, что этого не надо делать, потому что ленинградский поезд приходит в Москву в 12 часов ночи.

Вот так я впервые отправилась в столь дальнее путешествие.

5 ноября я уехала в Симферополь и села в ленинградский поезд. В моём купе оказались двое мужчин и одна женщина. Они тоже ехали в Ленинград. Когда я вошла в купе, они очень радостно меня встретили. Оказалось, что несколько дней назад мои соседи были в музее и слушали мою экскурсию. Когда поезд тронулся, они стали задавать мне вопросы о Чехове, о его сестре и о его жене. Расспрашивали меня, есть ли ещё живые родственники писателя. Я рассказала им о родственниках и сказала, что они, возможно, смогут одного из них вскоре увидеть. Я объяснила, что когда поезд придёт в Москву, меня будет встречать племянник Антона Павловича, сын его младшего брата Михаила Павловича – Сергей Михайлович. Они сказали: «Мы спать не будем, нам интересно на него посмотреть. Пригласите его, пожалуйста, в купе». Я пообещала.

Уже на полпути к Москве выяснилось, что наш поезд идёт с опозданием почти на два часа. Ближе к полуночи моим соседям захотелось спать. Я подумала: если Сергей Михайлович придёт на вокзал и узнает об опоздании поезда – он обязательно уедет домой. Но сама я всё-таки спать не ложилась и не раздевалась.

Когда поезд стал замедлять ход, я подошла к двери тамбура и сказала проводнице, что ко мне, возможно, придут. Поезд остановился, я выглянула в открытую дверь, увидела Сергея Михайловича и чуть не рассмеялась. Я привыкла видеть его летом в светлой, лёгкой рубашке, а сейчас еле узнала: он был в меховой шубе и в бобровой шапке. Сергей Михайлович был толстый, а тут ещё шуба – он был похож на Шаляпина с портрета Бориса Кустодиева.

Сергей Михайлович поднялся по ступенькам, вошёл в вагон, и мы с ним сели на откидные стульчики в проходе. Сидели, разговаривали несколько минут, и вдруг поезд тронулся. Сергей Михайлович подбежал к двери, а проводница, оказывается, её уже закрыла. Пока проводница открывала

дверь, поезд постепенно набирал скорость, и Сергею Михайловичу пришлось прыгать на ходу. К счастью, всё обошлось благополучно. Я только представила себе, как он испугался.

Я вернулась в купе и легла спать.

Утром мои попутчики поинтересовались, приходил ли племянник Чехова? Я сказала, что приходил и мы посидели с ним в коридоре. Они обиделись, что я их не разбудила. Я их успокоила: «Не обижайтесь на меня, сегодня утром, уже через час с минутами, вы увидите другого племянника Чехова – Игоря Васильевича. Он приедет меня встречать». Они заулыбались, и мир был восстановлен.

Поезд подходил к перрону, и я уже издали увидела Игоря Васильевича. Высокий, статный, в форме морского офицера, он очень выделялся среди стоявших рядом с ним штатских. Мои попутчики очень уважительно с ним поздоровались и сказали, что они были рады ехать со мной в одном купе. Игорь Васильевич улыбнулся и поблагодарил их, что они сопровождали в дороге меня.

Игорь Васильевич привёз меня к себе домой. Он жил в доме изобретателя радио профессора А.С.Попова (на доме была установлена мемориальная доска). Игорь Васильевич познакомил меня со своей женой Еленой Дмитриевной и с дочкой Ирочкой. Мы позавтракали, всё было очень вкусно. Елена Дмитриевна сказала: «Все эти сдобные булочки и печенья я готовила сама. Мне очень хотелось, чтобы вам это понравилось, но вы так мало едите. Даже Ирина кушает больше вас». Я ответила: «Елена Дмитриевна, вы не обижайтесь, я всегда ем очень мало». Потом, дня через три, они посмеялись, когда я за ужином сказала: «Я не буду кушать эти сладкие печенья. Лучше дайте мне кусочек бородинского хлеба, такого вкусного хлеба я еще никогда не ела». С тех пор на столе, кроме сдобных булочек и печенья, всегда было несколько ломтиков бородинского хлеба.

После завтрака Игорь Васильевич спросил: «Вы не будете возражать, если мы вас устроим ночевать вместе с Ирочкой?» «Делайте, как вам удобно», – ответила я. Игорь Васильевич объяснил, что он спит в своём кабинете, потому что занимается до двух-трёх часов ночи. Он преподавал в Военно-морской академии кораблестроения и вооружения имени А.Н.Крылова. Елена Дмитриевна тоже в спальне работает допоздна, она – преподаватель Ленинградского электротехнического института имени В.И.Ульянова (Ленина). Я сказала, что дома в Ялте я тоже занимаюсь очень поздно ночью, ведь я ещё студентка, учусь заочно, поэтому поступайте, пожалуйста, как удобно, чтобы я не чувствовала, что стесняю вас.

Игорь Васильевич сообщил мне ещё, что вечерами мы будем ходить в театр и в филармонию. Он показал мне составленную им программу и очень удивился, узнав, что некоторые из этих спектаклей я уже видела. «Да, – сказал он, – я и забыл, что вы живете в Ялте, и к вам на гастроли приезжают театры и Ленинграда, и Москвы. А пока отдохните с дороги, сегодня вечером мы с вами идём в Ленинградский Дом ученых на вечер, посвященный Октябрьской революции». Чуть позже я узнала, что Игорь Васильевич был членом правления Дома учёных.

Вечером мы с Игорем Васильевичем поехали в Дом учёных. По дороге Игорь Васильевич мне говорит: «Вы не будете возражать, если я буду представлять вас моим знакомым и друзьям как свою племянницу?» Я ответила, что не возражаю и что мне это даже очень приятно.

Приехали мы вовремя, через несколько минут началось торжественное заседание. Длилось оно недолго, и начались танцы под музыку Штрауса. Игорь Васильевич спросил у меня, хочу ли я танцевать? Я ответила согласием, и он повёл меня на танец. Я даже не предполагала, что он настолько хороший танцор. Я просто с упоением вальсировала с ним два танца. Потом подошёл друг Игоря Васильевича, мне представили его, и он тоже пригласил меня на вальс. Когда музыка смолкла, мы подошли к Игорю Васильевичу, возле которого стояли четыре морских офицера разного возраста. Он сказал: «Алла, это мои друзья и сослуживцы. Они тоже просят вас подарить каждому из них по танцу». Конечно, я не могла им отказать, тем более, что вальсы мы танцевали под музыку Штрауса. Один из морских офицеров спросил: «Вы случайно не балерина? Вы так легко танцуете». Я ответила, что с 1937 по 1941 год училась в балетной студии при Доме пионеров.

Я стала замечать, что некоторые женщины в зале на меня уже посматривали как-то недружелюбно. Поэтому, закончив очередной танец, я сказала Игорю Васильевичу, что хочу отдохнуть. Он рассмеялся: «Я вас понимаю. Давайте сядем вместе на диванчик, и я буду говорить, что вы устали». Мы посидели минут пятнадцать, и потом мне пришлось ещё много танцевать... Праздничные дни мы проводили все вместе – Игорь Васильевич, Елена Дмитриевна, Ирочка и я. Мы ездили на бывшую финскую территорию, где был музей-усадьба И.Е.Репина «Пенаты». К сожалению, в войну он был полностью разрушен. Там был установлен каменный постамент, и на нём – бюст художника.

У Игоря Васильевича была своя машина, которую он прекрасно водил. Благодаря этому я тогда побывала на берегу Балтийского моря. Вечерами мы ходили в Александринский и Мариинский театры. Несколько раз я была в Ленинградской филармонии, слушала концерты симфонического оркестра под управлением Кирилла Кондрашина. Днём с Ирочкой тоже ходила на концерты.

Кончились праздничные дни 7 и 8 ноября. 9 ноября Игорь Васильевич ушёл в свою Академию, Елена Дмитриевна – в свой институт, Ирочка – в школу.

Александр Павлович Чехов

9 ноября 1956 года пошла на Волково кладбище.

Сделаю одно отступление. Мария Павловна в последние годы, особенно тогда, когда уже не приезжала Ольга Леонардовна, чаще всего вспоминала Таганрог, своё детство, детство Антона Павловича и братьев. Она часто говорила: «Все знают, где похоронен Антон Павлович, – в Москве, на Новодевичьем кладбище. Николай Павлович – на Лучанском кладбище в Сумах, Иван Павлович – в Москве, тоже на Новодевичьем, Михаил Павлович

**Александр Павлович Чехов
(1855–1913)**

Ал.П.Чехов и А.П.Чехов

здесь, в Ялте, за этими могилами ухаживают. А вот что с могилой Александра Павловича? Он похоронен в Ленинграде, и я не знаю, сохранилась ли его могила после войны и блокады».

Мария Павловна очень обижалась на Сергея Михайловича, своего племянника, она часто говорила: «Сколько раз просила его разыскать могилу Александра Павловича, давала ему деньги, чтобы он съездил в Ленинград, но он только обещал и больше ничего». Просьбу Марии Павловны Сергей Михайлович не выполнил.

В октябре 1955 года нам позвонила из Москвы Ольга Леонардовна. Она сообщила, что в Америке умер Михаил Александрович Чехов – третий сын Александра Павловича Чехова. Ольга Леонардовна говорила по телефону с Еленой Филипповной и попросила её сказать об этом Алле, то есть мне, и вместе с ней решить – сообщать об этом Марии Павловне или, может быть, скрыть от неё эту весть. Она велела нам обратить внимание на самочувствие Марии Павловны и тогда уже принимать решение.

Мы с Еленой Филипповной посоветались и решили, что говорить не будем. У Марии Павловны было какое-то предчувствие того, что произошло: она за два месяца до смерти Михаила Александровича часто его вспоминала и вспоминала его совсем маленьким, называла его Мишечка. И мы решили, что будем предупреждать всех знакомых, которые к ней приходили, чтобы они не проговорились.

Когда я уезжала в Ленинград к Игорю Васильевичу, я не сказала Марии Павловне, что попробую поискать могилу Александра Павловича. Я ведь никогда не была в Ленинграде и не знала, смогу ли её найти. Также ничего об этом я не сказала и Игорю Васильевичу. Я видела, как он загружен в Академии и в Доме учёных. Поэтому я скрыла от него, что пойду на Волково кладбище...

На улице я увидела, как одна пожилая женщина молилась на храм, который был виден издали. Я спросила у неё, как мне проехать на Волково кладбище. Она ответила, что это очень далеко, почти на окраине города, ближе к железной дороге. Женщина объяснила мне, каким транспортом туда легче доехать, и я отправилась в путь.

Мало того, что это действительно было далеко, это также было довольно пустынное место, и спрашивать дорогу мне было не у кого. И всё же я дошла до кладбища. У ограды увидела двух очень стареньких женщин, которые продавали еловые венки. Я вошла в ворота. Справа от входа стояла то ли часовня, то ли небольшая церковь. Я пошла по центральной аллее и увидела могилы Ульяновых и Елизаровых.

О могиле Александра Павловича я знала только то, что он похоронен где-то недалеко от Литераторских мостков и что памятник ему поставить никто не мог. Значит, мне надо искать скромную заброшенную могилу. Я шла по дорожке и увидела справа целый ряд больших памятников. Я догадалась, что это и есть Литераторские мостки. Я ходила, поднимала веточки, раздвигала руками кусты. Меня удивляли размеры могил: они были маленькие, как детские, овальной формы. На многих не было никаких надписей, иногда не было даже крестов. Я обратила внимание на храм, в окне увидела женщину, которая очень внимательно на меня смотрела.

Ходила я долго, почти два часа. И вдруг моё внимание привлекла одна могила: она была овальной формы, боковые стороны её были обложены плоскими, плохо отёсанными камнями. На могиле была металлическая табличка с загнутыми внутрь верхними углами. Надпись поэтому прочитать было трудно – какие-то половинки букв.

Я попробовала разогнуть углы, но жёсть оказалась довольно толстая, и у меня не хватило сил её отогнуть. Снег был не очень глубокий, поэтому я стала на колени и начала отгибать левый верхний угол. Отогнув уголок, я смогла разобрать заглавную букву «А». Рядом просматривалась другая заглавная буква – «С», дальше – маленькие половинки букв «е» и «д» с хвостиком вверх. Когда я, наконец, отогнула правый верхний угол, под ним явно просматривалась крапочка от буквы «й». И тогда я по этим полустёртым половинкам букв разобрала надпись – «А.Седой».

Я поняла, что нашла то, что искала. Я даже сама была удивлена, что у меня получилось. Вероятно, мне помогли интуиция и очень большое желание найти могилу брата Чехова. «А. Седой» – это литературный псевдоним Александра Павловича Чехова.

Я встала с колен. Обратила внимание, что на меня продолжала смотреть в окно женщина из храма. Я вышла за ограду, подошла к женщинам, продававшим венки, купила один и вернулась к могилке. Положила венок к табличке, постояла и перекрестила место упокоения брата нашей дорогой Марии Павловны.

Прежде чем покинуть кладбище, я решила пойти посмотреть памятники писателям на Литераторских мостках. Я уже отошла от могилы, когда в храме открылась дверь и вышла та самая женщина. Она подошла к могиле, подняла венок, видимо, ничего не понимая. Я остановилась и стояла на

месте, повернув голову в её сторону. Я ждала, что она подойдёт ко мне. Она подошла и спросила: «Вы знаете, кому положили венок?» Я ответила: «Знаю, это могила старшего брата Антона Павловича Чехова – Александра Павловича. Там надпись “А.Седой”, это его литературный псевдоним». Я сказала, что я из Ялты, из Дома-музея А.П.Чехова, и очень рада, что нашла могилу Александра Чехова. Сказала, что Мария Павловна уже много лет хотела узнать о судьбе могилы старшего брата в их семье.

Женщина мне ответила, что она – директор Александро-Невской лавры и что у неё трудное имя – Ирина Иринарховна. Я сказала, что необычные имена как раз хорошо запоминаются. Она попросила меня: «Когда вы вернетесь в Ялту, пусть Мария Павловна напишет письмо в Ленинградский горисполком по поводу могилы брата. Мне тогда выделят средства, и я ее восстановлю. В настоящее время Волково кладбище находится в ведении Александро-Невской лавры. Лавра сейчас закрыта, но если вы хотите, я приглашаю вас ее посмотреть».

Я поблагодарила Ирину Иринарховну и попросила нашу встречу назначить на четыре часа. Я объяснила: «В Ленинграде живет моя одноклассница, я ей позвоню, и мы вместе приедем в лавру». Я также напомнила Ирине Иринарховне даты жизни Александра Павловича Чехова – 1855–1913 годы.

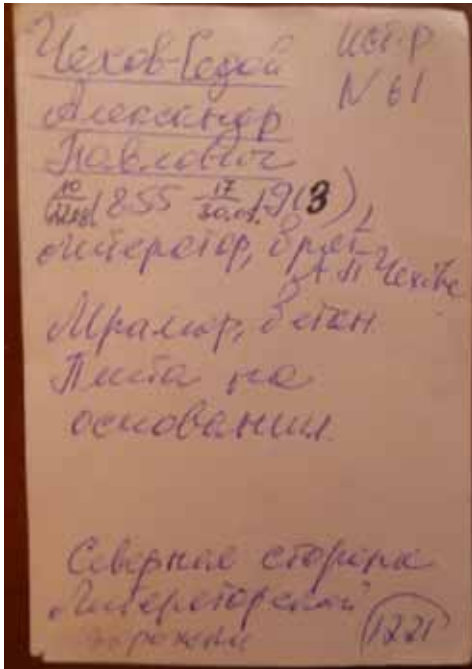
Ровно в четыре часа мы с Ниной Огановой, моей одноклассницей, были в Александро-Невской лавре. Мы ходили долго, уже начало смеркаться, и надписи стало трудно читать. Нина курила, поэтому мы зажигали спички, чтобы подсвечивать текст. Я была рада, что увидела могилу Петра Ильича Чайковского с прекрасным памятником.

Мы ходили одни, как вдруг увидели рядом большую фигуру и очень испугались. Присмотревшись, мы поняли, что это памятник Владимиру Васильевичу Стасову. Но всё же засветили спичку, чтобы убедиться, что это памятник, а не кто-то живой рядом с нами стоит.

Домой я вернулась, когда совсем стемнело. Игорь Васильевич уже волновался, а Елена Дмитриевна ему выговаривала, что он разрешил мне так долго гулять одной. Она сказала: «Аллочка, ведь мы за вас отвечаем перед Марией Павловной».

Я не стала им говорить, что была на Волковом кладбище и нашла могилу Александра Павловича. Мне хотелось, чтобы первой об этом узнала Мария Павловна. Я понимала, что Игорь Васильевич, услышав мой рассказ, сразу бы взялся за восстановление могилы. С одной стороны, мне не хотелось его нагружать, так как даже за эти праздничные дни я поняла, какой он обязательный человек и как много он работает (только по ночам у него есть время писать статьи в научные журналы). С другой, я понимала, что решить вопрос о восстановлении могилы должна сама Мария Павловна. Она очень обидится, если это сделают без её ведома. Поэтому я рассказала только о посещении Александро-Невской лавры, и что я была не одна, а со своей одноклассницей, которая теперь живёт в Ленинграде.

Потом я три дня ходила в Эрмитаж. Это была просто волшебная сказка!

Карточка захоронения Александра Павловича Чехова и восстановленная могильная плита

Побывала я также в пушкинском доме. Там я ознакомилась с экспонатами, относившимися к жизни и творчеству Чехова, и составила список фотографий и документов семьи Чеховых. Мария Павловна потом скажет мне: «Вы не только развлекались и гуляли по Ленинграду, но еще и работали!»

У Игоря Васильевича была прекрасная библиотека, в ней было очень много книг, посвящённых Ленинграду и его достопримечательностям. Так что город я осматривала с предварительной подготовкой. Собираюсь завтра посмотреть Марсово поле – подбираю в библиотеке литературу о Марсовом поле, прорабатываю её и после этого отправляюсь с ним знакомиться. С большим интересом осматривала Казанский собор, в котором тогда была развёрнута очень интересная экспозиция. Днём у меня были музеи и осмотр города, вечерами – театр. В театр ходила по очереди то с Еленой Дмитриевной, то с Игорем Васильевичем. Они вечерами Ирочку одну в доме не оставляли.

Ходили мы в гости и к друзьям Игоря Васильевича. Как-то жена его давнего друга сказала мне, что Игорь Васильевич никому не говорит, что он – племянник А.П.Чехова. Действительно, он был очень скромный, в отличие от Сергея Михайловича, своего двоюродного брата. Просто удивительно, какие они были разные.

Почти три недели я гостила у Игоря Васильевича. Время летело быстро, наполненное интересными событиями – Исаакиевский собор, Сенатская площадь, Зимний дворец, Академия художеств...

Игорю Васильевичу понравилось, что я, как он выразился, знакомилась с Ленинградом «по-научному». Поэтому перед отъездом он подарил мне энциклопедическую книгу «В.И.Кочедамов. Набережные Невы» в серии «Архитектурные ансамбли Ленинграда» с надписью «Дорогой Алле о Ленинграде на память. И.Бренев. 20.11.56».

Ирочка для Марии Павловны тоже приготовила подарок. В Ленинграде тогда продавали интересные сувениры, сделанные из синельки: две птички оригинальной расцветки и яркая разноцветная корзиночка с цветами тоже из синельки.

Я же, кроме всего прочего, взяла для мамы бородинский хлеб. Он был необыкновенный по вкусу, в Москве такого не было.

Итак, я поехала в Москву.

В Москве, в поисках гостиницы

Ещё в Ялте Сергей Михайлович пригласил меня к себе погостить. Но когда ночью он пришёл к поезду, он не повторил своё приглашение, и я решила остановиться в гостинице.

У меня был билет на железнодорожный проезд от Ленинграда до Симферополя. Тогда были такие небольшие твёрдые билеты и на них было написано: «Годен 6 суток». То есть я могла прожить в Москве шесть дней.

В Москве было очень холодно. Я сдала вещи в камеру хранения на Курском вокзале и отправилась искать гостиницу. Нашла её недалеко: новая гостиница, высотное здание. Подошла к дубовой двери, взялась за ручку, потянула на себя. Дверь ни с места, а мои ноги поехали к двери. Это по покрытому замёрзшим снегом асфальту начали скользить мои импортные туфли на толстой кожаной подошве. Так повторилось два раза, и я поняла, что такую тяжёлую дверь я не открою.

И тут я увидела, как два солидных военных подходят к гостинице. Я отпустила ручку и отошла от двери. Военные шли и о чём-то разговаривали. Они подошли, взялись за ручку двери, потянули. Дверь не сдвинулась с места, а ноги у того, кто взялся за ручку, поехали, как у меня. Только тогда они поняли, почему я стою рядом. Один спросил: «Не можете войти?» Я ответила, что не могу. Тогда один из них взялся правой рукой за ручку двери, а левой упёрся в коробку двери, потянул и говорит мне: «Я подержу, а вы проходите».

Когда мы вошли и приблизились к столу регистрации, увидели надпись: «Мест нет». К нам вышла женщина и сказала: «Поезжайте на территорию Сельхозвыставки, там есть гостиница. Тут рядом остановка трамвая, который туда ходит». Военные куда-то в другое место направились, а я пошла к остановке трамвая.

Подошёл трамвай, я вошла, села на ледяное сиденье. Ехали долго, замёрзла я страшно. Трамвай остановился. Передо мной покрытое снегом поле. Я спросила у вышедших из трамвая, где здесь гостиница? Мне указали на небольшое здание в самом конце поля. Я поняла, что дойти до

этой гостиницы я не смогу. Увидела подходящий к остановке троллейбус и поспешила сесть в него. Кондуктор спросила у меня, до какой остановки я еду. Я сказала: «Мне до ближайшей станции метро». Там тепло, решила я, согреюсь, доеду до Курского вокзала, билет в кармане, сяду в поезд уеду в Симферополь и домой.

Когда я добралась до Курского вокзала, решила всё-таки позвонить Сергею Михайловичу и сказать ему, что еду домой. Сергей Михайлович, услышав мой голос, подумал, что я звоню из Ленинграда. Узнав, что я в Москве, он сразу спросил: «Где?» Я ответила: «На Курском вокзале». «Стойте и никуда не уходите, я сейчас за вами приеду», – приказал он. Через несколько минут он действительно приехал, у него была своя маленькая машина «Москвич». Он забрал меня и повёз к себе.

Валентина Яковлевна, его жена, посмотрела на меня, замёрзшую, сразу же сняла с меня пальто и повела в ванную. Она помогла мне раздеться и сделала погорячей воду в кране. Она поняла, что меня нужно отогреть.

Обошлось всё благополучно, я не простудилась.

Сергей Михайлович был очень рад, что я приехала и смогу помочь ему провести Вечер памяти его отца – Михаила Павловича Чехова. Памятные мероприятия должны были пройти 28 ноября в Доме-музее А.П.Чехова на Садово-Кудринской улице.

Утром на следующий день я позвонила Ивану Семёновичу. Его не оказалось дома. Я оставила его личному секретарю Нине Феодосьевне домашний адрес Сергея Михайловича и ушла в Библиотеку имени В.И.Ленина. Мне нужно было немного поработать в отделе рукописей. Когда я вернулась в три часа, Сергей Михайлович стал мне выговаривать: «Пока вас не было, уже два раза вам сюда звонил Козловский. А мне, после того, как мы познакомились с ним в Ялте у Марии Павловны, не позвонил ни разу. А вам позвонил уже дважды. А я ведь племянник Чехова!»

Мне было смешно, что он всегда помнил и всем напоминал, что он – племянник Чехова.

Я позвонила Ивану Семёновичу и сказала, что завтра утром могу к нему зайти. А Сергею Михайловичу сказала, чтобы он приготовил фотографии, документы, книги. Я сделала выставку к 28 ноября.

С Иваном Семёновичем
на Новодевичьем кладбище

Козловский попросил меня, чтобы я пошла с ним на похороны кино-режиссёра Александра Довженко. Людей на кладбище было очень много. Среди прочих стояла группа студентов Литературного института, среди них был, как оказалось, один ялтынец, который всё время смотрел на меня. Я была рядом с Козловским, Б.Н.Ливановым и Ираклием Андрониковым. Мы стояли и тихо переговаривались. Вдруг этот студент что-то стал говорить товарищам, с которыми он был, и они все уставились на меня. Через несколько минут студент подошёл ко мне и спросил: «Вы из Ялты?» Я ответила: «Да, вы тоже ялтынец. Я вас видела в городе». Он сказал: «Спасибо», – и, довольный, отошёл.

После того, как всё было закончено, мы с Иваном Семёновичем пошли к могиле А.П.Чехова, потом подошли к могиле И.И.Левитана. Козловский снял шапку и сказал: «Передай Марии Павловне, что я всегда перед Левитаном снимаю шляпу».

Потом мы пошли дальше по кладбищу. Впереди у одной из могил пожилая женщина разбирала цветы. Иван Семёнович говорит: «Сейчас я познакомлю тебя с очень интересным человеком». Подойдя ближе, я увидела, что это могила и памятник художнику П.П.Кончаловскому, а женщина, ставившая цветы у памятника, оказалась женой Кончаловского и дочерью художника В.И.Сурикова – Ольгой Васильевной.

Иван Семёнович представил меня ей и сказал, что я работаю вместе с Марией Павловной. Ольга Васильевна попросила меня передать привет ей. Я рассказала, что когда Мария Павловна занималась живописью, её работы увидел Суриков и предложил стать её руководителем. Ольге Васильевне очень понравилось, что я знаю о Марии Павловне такие тонкости.

Вернувшись, я рассказала обо всём этом Сергею Михайловичу, и он опять обиделся, что Козловский уделяет мне так много внимания. Я постаралась перевести разговор на другую тему.

Сергей Михайлович помогал как консультант Мелиховскому музею, он часто писал мне письма с многочисленными вопросами по поводу восстановления комнат, просил, чтобы я делала чертежи, сообщала ему, например, размеры аптечки, сколько полок в ней. По его просьбе я сделала чертёж «многоуважаемого шкафа» и рисунок украшения на дверцах.

Я выполняла все его просьбы, и он этому был очень рад. У меня сохранилось более десяти его писем, в которых речь идёт о Мелиховском доме Чеховых.

28 ноября прошёл Вечер памяти Михаила Павловича в Доме-музее А.П.Чехова. Сергей Михайлович остался очень доволен моей помощью и подарил мне по этому случаю со своими автографами два путеводителя – Московского и Мелиховского музеев А.П.Чехова.

На московском путеводителе он написал: «Алла! В этом доме Вы были 28 ноября 1956 года на вечере памяти моего отца. 29-ХI.56. С.Чехов».

На путеводителе мелиховском автограф был уже коллективным: «Аллюшечке от папы и сына – художников этой книжки. 29-XI.56. С.Чехов, С.Чехов».

После Вечера памяти пришла Евгения Михайловна и стала очень настойчиво просить меня переехать к ней. Сергей Михайлович возражал, он говорил Евгении Михайловне, что я помогаю ему в его работе по восстановлению Мелихова. Брат и сестра спорили очень долго. Это вообще было их нормальное отношение друг к другу. Я молча слушала их доводы, где мне будет лучше. Мне стало немного смешно, что меня делят. Я понимала, что в их глазах я была посланником Марии Павловны, и поэтому каждый считал для себя честью, если я буду жить именно у него.

Наконец, я их остановила. Сказала Евгении Михайловне, что в свой следующую поездку в Москву я остановлюсь у неё, а переезжать на 3–4 дня для меня просто неудобно. И Евгения Михайловна согласилась.

Возвращаюсь в Ялту

Мне действительно пора было возвращаться в Крым. Уже был декабрь, приближался Новый год. Всем знакомым Марии Павловны хотелось обязательно что-нибудь передать ей в Ялту. Я уже везла подарки из Ленинграда от Игоря Васильевича, Елены Дмитриевны и их дочери Ирочки. В Москве готовили подарки Ольга Леонардовна, Софья Станиславовна, семья Василия Ивановича Качалова. Узнав, что я в Москве, приготовили подарки Ирина Еремеевна Кочнова, художник Юрий Андреевич Корляков и ещё другие знакомые Марии Павловны.

Самое интересное: в некоторых подарках было то, что приносившие их говорили: «Пожалуйста, не переворачивайте коробку, там особый пирог для Марии Павловны». Другой несёт тоже большую коробку с тортом для Марии Павловны и тоже просит не переворачивать её. Мало того, в те годы в Москве продавались большие красивые коробки с печеньем, и на крышке каждой коробки были укреплены букетики искусственных цветов из шёлка: фиалки, розочки, цветы герани, московские подснежники и другие. И каждый раз мне говорили, что на эти коробки ставить ничего нельзя.

Не буду перечислять все подарки. Скажу только, что когда мне нужно было уезжать, оказалось, что в маленький «Москвич» Сергея Михайловича вместить всё, что нужно было передать Марии Павловне, было невозможно. Хорошо, что приехал художник Юра. У него к этому времени был уже не «Москвич», а «Победа». Мы еле-еле поместили всё в две машины.

Приехали на вокзал, разыскали поезд, нашли мой вагон, поднялись по ступенькам, подошли к купе. Я открыла дверь. В купе уже сидели двое мужчин (один из них офицер) и женщина. Я сказала «Добрый вечер!» Руки мои были заняты вещами. Но когда за моей спиной в проёме двери пассажиры увидели провожатых, у них в буквальном смысле стали круглыми глаза. Сергей Михайлович и Юра держали на руках огромное количество коробок, поддерживая их подбородком.

Я обратилась к своим спутникам: «Я одна еду с вами, а это всё я везу в Ялту сестре Антона Павловича Чехова – Марии Павловне». Мои соседи заулыбались и сразу стали уплотняться. Они сняли с верхних полок свои вещи, чемоданы поставили в проходе, помогли быстро уложить мои коробки. Я попрощалась с Сергеем Михайловичем и Юрой. Офицер, который был в купе, им сказал: «Не волнуйтесь, мы поможем, мы тоже едем на Южный берег». И мы тронулись в дорогу.

Очень скоро все в купе познакомились. Офицер с женой ехал отдыхать в Гурзуфский военный санаторий. Он сказал: «Не беспокойтесь, мы вам поможем доехать до Ялты». Другой спутник, симферополец, сказал, что поможет нам всем сесть в такси.

Когда мои попутчики узнали, что я работаю в Доме-музее А.П.Чехова, вопросам ко мне не было конца. Мы не спали часов до трех ночи. Я рассказывала им о Чехове, о Марии Павловне и Ольге Леонардовне, о племяннике писателя Сергее Михайловиче, который меня провожал. Наконец, моё красноречие остановила жена военного. Она сказала: «Все, дайте человеку отдохнуть, да и всем нам нужно немного поспать. А в Ялту мы приедем и придем к вам в музей».

Мои соседи уснули быстро, а я всё никак не могла заснуть. Меня долго мучила мысль: когда я приеду в Ялту и приду в музей, с чего я начну отчёт для Марии Павловны о своей поездке? С того, что нашла могилу Александра Павловича? Или с рассказа о тех встречах, которые у меня были в Ленинграде и в Москве? Или с подарков – что и от кого я ей везу? Я успокоилась лишь тогда, когда приняла решение, что сначала передам Марии Павловне все приветы от Ольги Леонардовны и от других её друзей и знакомых, а потом уже расскажу о Волковом кладбище и о поиске могилы её брата. Я подумала: если я сначала буду говорить об Александре Павловиче, то потом все приветы, все подарки и поздравления не произведут на Марию Павловну никакого впечатления. Все её мысли будут заняты воспоминаниями о брате и его новообретённой могиле.

Когда я приняла все эти решения, за окном уже светало. Я ненадолго задремала, а вскоре мы уже прибыли в Симферополь. Соседи по купе помогли мне выгрузить вещи из вагона, оставили нас с женой офицера на перроне и отправились искать такси. Потом погрузили всё очень аккуратно в машину, и мы поехали в Ялту.

Когда мы подъехали к Гурзуфу, офицер вынес свои вещи на тротуар у дороги, ведущей в посёлок, помог выйти жене и сказал ей: «Жди, когда подъедет автобус “Ялта-Гурзуф”. Он здесь останавливается, ты на него сядешь. А я поеду в Ялту». Мне было очень неудобно, что он оставил на дороге жену и едет провожать меня. Но его жена успокоила меня: «Не волнуйтесь, он делает правильно. Его помощь в Ялте вам будет нужна, а я спокойно поеду в автобусе. Мы здесь отдыхаем уже не первый раз». К счастью, нам очень повезло: пока мы обменивались любезностями, подошёл рейсовый автобус, и мы благополучно усадили мою заботливую спутницу. Я, конечно, была очень рада, что так всё хорошо получилось.

Потом офицер и его жена приезжали к нам в музей, и я для них провела экскурсию. Они остались очень довольны. А потом я от них получила по почте журнал «Советский воин», в котором была напечатана статья о лечении аллергии активированным углём. Дело в том, что когда мы ехали, я рассказала, что у меня аллергия на цветы, особенно в период цветения софоры. Я до сих пор благодарна моим спутникам за доброе ко мне отношение и особенно за то, что я, благодаря им, излечилась от аллергии.

Мария Павловна была удивлена, как это я привезла ей такое большое количество новогодних подарков. Но первые вопросы Марии Павловны были, конечно, об «Олечке»: «Как она, как чувствует себя, как выглядит, не скучает ли без ялтинского сада?» Мария Павловна знала, что я привезла Ольге Леонардовне огромное количество веток растений, посаженных Антоном Павловичем. Она очень смеялась, когда я рассказывала, как на этот зелёный букет улёгся кот Ольги Леонардовны, растянул лапы, как бы закрывая все ветки, чтобы никто их не трогал. Бедный, он так же скучал по чеховскому саду, как и Ольга Леонардовна, – ведь уже прошло три года, как они не приезжали в Ялту.

Подарков было так много, что если бы я их все перечислила, это заняло бы страницы три. Напомню только некоторые имена дарителей: вся семья Игоря Васильевича Бренёва, Ольга Леонардовна Книппер-Чехова и Софья Ивановна Бакланова, Софья Станиславовна Пилявская, Сергей Михайлович Чехов и Евгения Михайловна Чехова, Иван Семёнович Козловский, Дмитрий Николаевич Журавлёв, семья Василия Ивановича Качалова, Самуил Яковлевич Маршак, Юрий Андреевич Корляков от своей семьи и главное – от совсем ещё маленькой дочери Танечки, крестницы Марии Павловны. Конечно, от Ирины Еремеевны Кочновой и профессора Валентина Сергеевича Маята и многих-многих других...

Потом я сказала: «Мария Павловна, а теперь о самом главном». Я попросила её сесть на кушетку, сама села рядом и начала рассказ о походе на Волково кладбище. Слушала меня Мария Павловна очень внимательно, перебила только один раз, спросив: «А вам не было страшно быть одной на кладбище?» Это когда я стала рассказывать, как поднимала ветки кустов, закрывавших могилы, и пыталась читать неразборчивые надписи. Я успокоила Марию Павловну: «Нет, не страшно, потому что женское лицо, наблюдавшее за мной из окна храма, всё время оставалось на месте».

Когда же я стала рассказывать о том, как опустилась на колени и начала отгибать уголки металлической таблички, Мария Павловна левой рукой прикрыла глаза, а правую положила на мою руку и крепко сжала её. Наконец, я сказала, что разобрала надпись – «А.Седой». Мария Павловна очень тяжело вздохнула и повторила: «А.Седой». Потом добавила: «Саша, конечно, Саша... Больше ничего не написано? Ни даты рождения, ни смерти?» Я ответила: «Нет, больше ничего». «Бедный, бедный Саша», – произнесла Мария Павловна. А после того, как я рассказала о встрече с директором Александро-Невской лавры – Ириной Иринарховной, Мария Павловна ещё крепче сжала мою руку и сказала: «Спасибо, спасибо за Сашу! Конечно же, я напишу в Ленинградский исполком». И добавила: «Какая же вы умница,

ведь столько лет я ждала этих известий, сколько просила Сергея».

Я сказала Марии Павловне, что она первой узнала о находке могилы и что я ничего не говорила об этом ни Игорю Васильевичу, ни Сергею Михайловичу. Мария Павловна обняла меня, крепко прижала к себе и сказала: «А теперь идите поскорей домой, а то ваша мамочка, наверное, давно уже волнуется. И скажите ей спасибо от меня». И я отправилась домой.

На следующий день я пришла в музей на работу. Мария Павловна была удивлена и сказала мне: «Вы бы хоть два-три дня отдохнули». Я заверила её, что совсем не устала. Потом ещё несколько дней Мария Павловна задавала мне по поводу моей поездки вопросы, что-то уточняла и была всё время в хорошем настроении.

Уже заканчивался декабрь 1956-го года. А 1 января мне нужно было на десять дней ехать в пединститут на зимнюю сессию.

Мария Павловна очень ждала к Новому году приезда Ирины Еремеевны Кочновой и её мужа Валентина Сергеевича Маята. 1953-й и 1954-й Новый год они встречали в Ялте у Марии Павловны. Они тогда привезли ей красивую синтетическую ёлку вместе с игрушками. В музее сохранилась фотография – в комнате Марии Павловны у столика, на котором стоит ёлочка, сидят Мария Павловна, Ирина Еремеевна и Маят. Но на встречу 1957-го года они не смогли приехать, и Марию Павловну это очень огорчило.

В самом конце 1956 года Мария Павловна объявила нам, сотрудникам, что мы все будем с ней встречать Новый год. Она добавила: «Вы научите меня танцевать фокстрот, как обещали в ноябрьские праздники. Мне понравился этот танец».

Но ближе к 31 декабря Елена Филипповна вдруг сказала, что Новый год мы будем отмечать не по новому стилю, а по старому – с 13 на 14 января, потому что Алле Ханило нужно ехать на сессию. Я ответила Елене Филипповне, что вполне могу отпраздновать со всеми 31 декабря, а 1 января отправиться на учёбу в Симферополь. Уж кто-кто, а она-то знала, сколько раз я проводила ночи в музее или на том же лайнере «Россия», а утром спокойно приходила на работу. Но Елена Филипповна настаивала на своём. Сотрудники музея решили, что всё дело в её племяннике, который недавно переехал к ней жить. Он работал в клубе медработников кем-то вроде культурного организатора, и ему нужно было устраивать Новогодний праздник в клубе. Видимо, Елена Филипповна чувствовала себя обязанной ему помочь. Все, включая Марию Павловну, были очень огорчены.

31 декабря, в конце рабочего дня, я пришла в комнату Марии Павловны, поздравила её с наступающим Новым годом и сказала, что завтра утром уезжаю в Симферополь, в институт. Мария Павловна обняла меня, крепко прижала к себе и сказала: «Так мне хотелось со всеми вами встретить этот

Новый год! Желаю вам успешно сдать все экзамены. Поскорей возвращайтесь».

Мне как-то впервые показалось, что Мария Павловна прощается со мной чересчур грустно. Как будто я уезжаю очень надолго. А ведь я училась в Крымском пединституте с 1953 года, и Мария Павловна всегда провожала меня на сессии в приподнятом настроении. Её не огорчала, а радовала моя учёба.

Какое-то неприятное предчувствие вдруг кольнуло меня...

Новый 1957 год

Десять дней, заполненных лекциями, занятиями в библиотеке и экзаменами, пролетели быстро. 10 января я приехала из Симферополя домой и на следующий день отправилась на работу. Пришла и, как всегда, поднялась в комнату Марии Павловны.

Меня удивило то, что Мария Павловна не сидела, как обычно, у своего стола, а лежала в постели. Я подошла к ней, поздоровалась и поздравила её с Новым годом. Она поблагодарила и спросила, как я сдала сессию и на каком теперь учусь курсе. Я ответила, что все экзамены сдала успешно и перешла на четвёртый курс.

Мария Павловна очень слабым голосом мне говорит: «А я что-то расхворалась». Я ей в ответ: «Мария Павловна, отдыхайте пока, потом всё расскажу подробно, а сейчас пойду вниз. Там много экскурсантов собралось, и я уже соскучилась без них и без музея». Мария Павловна улыбнулась мне: «Ну, с Богом!»

Я пошла к Елене Филипповне узнать, был ли у Марии Павловны доктор Петрунин, её лечащий врач. Она показала мне в ответ листочек с записью доктора: «Предынфарктное состояние». Мы в те годы ещё не очень разбирались в этих медицинских терминах. Я спросила Елену Филипповну: «А какие инструкции он дал медсёстрам?» Я имела в виду двух молоденьких девочек, которые постоянно были с Марией Павловной. Елена Филипповна сказала, что ничего особенного он им не говорил.

Это было странно, но в эти последние дни у Марии Павловны вдруг появился какой-то неожиданный прилив сил. Когда звонил телефон, она прямо-таки вскакивала с постели и очень быстро подходила к письменному столу, чтобы поднять трубку...

Приближался старый Новый год. <...> 12 января мы достали ёлочку, которую три года назад они привезли из Москвы, и нарядили её на старинном столике-бобике.

14 января 1957 года по приглашению Марии Павловны все сотрудники музея поднялись в её комнату. Там уже хлопотала Елена Филипповна, кухарка Мария Ивановна накрывала стол. Сама Мария Павловна, очень нарядная, сидела в кресле. Она приветливо нам всем улыбнулась и поздравила с Новым годом.

Чтобы не утомлять Марию Павловну, мы посидели часа полтора. Прощаясь, она пожелала нам хорошего года. На 15 января, на вторник, выпал

дал наш музейный выходной день. Мария Павловна сказала: «Как хорошо, что завтра выходной. Вы отдохнёте и с новыми силами придёте на работу».
<...>

Кстати, в те годы 1 января не был праздничным днем. Я знала, что к Марии Павловне 15 января, в выходной, собираются прийти близкие друзья, чтобы поздравить её с Новым годом.

Смерть Марии Павловны

15 января часов в 10 вечера, когда мы с мамой уже собирались ложиться спать, кто-то неожиданно громко постучал в дверь. Я подошла, открыла и увидела на пороге Анатолия Александровича Антонова и его жену Александру Ивановну. Их вид поразил меня – Анатолий Александрович выглядел очень растерянным, а Александра Ивановна прижимала носовой платок к глазам.

Они вошли в комнату, прикрыли за собой дверь, и Анатолий Александрович каким-то глухим голосом обратился ко мне: «Аллочка, несчастье, беда – Мария Павловна умерла!»

Я и моя мама стояли перед ними, как остолбеневшие, ничего не соображая. После долгой паузы Анатолий Александрович заговорил снова: «Аллочка, Елена Филипповна очень просит, чтобы вы сейчас же пришли в музей». Я ответила: «Сейчас, только надену пальто».

Мы вместе с Александрой Ивановной поспешили в музей, а Анатолий Александрович отправился домой. У него и без того постоянно было повышенное давление, так что жена настояла, чтобы он шёл отдыхать. По дороге Александра Ивановна рассказала мне о последних минутах жизни Марии Павловны.

Они с мужем пришли поздравить Марию Павловну с Новым годом. Мария Павловна лежала в кровати, но очень обрадовалась их приходу. Она была в хорошем настроении, прочитала им какие-то стихи и даже спела какую-то весёлую песенку. Посидев ещё немного, они решили уходить. Уже был десятый час вечера. Попрощавшись с Марией Павловной и Еленой Филипповной, они спустились к парадной двери и вышли во двор. Не успели они дойти до калитки, как вдруг в двери показалась Елена Филипповна и закричала, чтобы они поскорей вернулись к Марии Павловне. Голос её был такой тревожный, что они почти бегом поднялись в комнату Марии Павловны. Она лежала с закрытыми глазами и не дышала. Рядом стояли растерянные девочки-медсёстры и Люба из храма Феодора Тирона. Она там пела в церковном хоре. Когда служба кончалась поздно, она часто оставалась ночевать во флигеле чеховского дома у кухарки Марии Ивановны.

Александра Ивановна завершила свой рассказ уже со слов Елены Филипповны: «После нашего ухода Мария Павловна два раза очень тяжело вздохнула, закрыла глаза и больше не дышала».

Наконец мы с Александрой Ивановной пришли в комнату Марии Павловны. Она лежала в кровати с закрытыми глазами. Люба, знавшая церков-

ные обычаи, и медсёстры уже сняли с неё ночную рубашку и осторожно обмывали её мокрыми полотенцами. Я подошла к Марии Павловне и прикоснулась к руке. Рука была ещё теплая. Мне даже показалось, что Мария Павловна как будто спит.

Ко мне обратилась Елена Филипповна. Она попросила, чтобы я остановила стрелки часов на 9.35. Я подошла к часам, которые при мне часто заводила Мария Павловна. Она ловко становилась ногами в кресло, держа одной рукой за его спинку (ведь Мария Павловна до последнего занималась йогой). Став на кресле точно так же, я перевела стрелки на 9.35.

Елена Филипповна сказала, что она уже позвонила в Москву Евгении Михайловне, племяннице Марии Павловны, и та сказала, что завтра утром выезжает в Ялту. «А теперь вы позвоните Сергею Михайловичу», – велела мне Елена Филипповна. Я не стала звонить из комнаты Марии Павловны. Сказала, что позвоню по телефону, который стоит в прихожей музея. Как-то не хотелось нарушать тишину в комнате Марии Павловны.

Долго никто не брал трубку. Наконец Сергей Михайлович ответил. Я постаралась очень осторожно, подбирая слова, рассказать ему обо всём случившемся. Он спокойно всё выслушал, а когда я закончила, вдруг спросил: «А как вы считаете, мне нужно приехать или нет?» Сначала я просто онемела, потом взяла себя в руки и говорю ему: «Ваше присутствие здесь само собой разумеется, ведь вы же самый близкий родственник». Опять пауза. Потом он вдруг спросил: «А когда похороны?» Я ответила: «18 января».

После этого разговора я уже по своей инициативе позвонила в Ленинград Игорю Васильевичу Бренёву. Он очень расстроился и сказал, что приедет, только немного попозже: «У меня в военной академии сейчас экзамены, а потому меня ни за что не отпустят».

Следовало также сообщить о произошедшем Ивану Семёновичу Козловскому. Звонить прямо на квартиру я не решилась: ему все-таки 57 лет, и я не знаю, здоров ли он. И тут меня осенило. Я позвонила нашему художнику – Юрию Андреевичу Корлякову, который жил в Подмосковье, на станции Перловская. Я попросила Юру, чтобы он очень осторожно сообщил Ивану Семёновичу о смерти Марии Павловны, а потом вместе с ним отправился бы к Ольге Леонардовне и там так же осторожно рассказал обо всём Софии Ивановне Баклановой.

После этих звонков я сказала Елене Филипповне, что теперь нам надо срочно звонить Сергею Федоровичу Медунову, первому секретарю Ялтинского горкома партии.

Сергей Федорович тут же приехал в музей.

Пока мы занимались телефонными звонками, девочки-медсёстры обмыли Марию Павловну. Теперь нужно было её обрядить. Мы с Еленой Филипповной открыли шкаф и достали самое лучшее платье Марии Павловны. Оно было пошито к празднику 7 ноября из очень красивой ткани цвета фрез. Мало кто сегодня представляет этот цвет, он напоминает клюквенный кисель с молоком. Платье ещё было с гофрированной пелериной и очень хорошего пошива. Елена Филипповна и я надели это платье на Марию Павловну.

Потом мы спустились на первый этаж в чеховскую гостиную и развернули большой стол, который там стоит, по диагонали комнаты, чтобы его край находился под иконой Николая Чудотворца. Снова поднялись наверх, взяли две большие простыни, положили их в развёрнутом виде одна на другую и подстелили под тело Марии Павловны. На этих простынях мы снесли Марию Павловну по лестнице из её комнаты вниз в гостиную. Несли так, чтобы на столе её голова оказалась под иконой Николая Чудотворца. Простынёй поменьше мы покрыли Марию Павловну до груди, и тогда только позвали Сергея Фёдоровича Медунова. Вместе с ним был ещё преподаватель из Ялтинского педагогического техникума Макаров.

Сергей Фёдорович Медунов

Сергей Фёдорович позвонил директору Ялтинской киностудии Владимиру Сергеевичу Алёшину и попросил его прийти в музей со своими помощниками. Они пришли, всё промерили, а потом к 12-ти часам дня привезли такой гроб, в каких (сужу по материалам кинохроники) хоронили только членов правительства.

Мы с Еленой Филипповной всю ночь провели с Марией Павловной. Люба из храма Феодора Тирона не останавливаясь читала молитвы.

Елена Филипповна сказала мне, что Мария Павловна завещала похоронить её по всем православным законам. Значит, Марию Павловну должен был отпевать священник. Я предлагаю: «Надо сказать об этом Медунову». Но Елена Филипповна боялась об этом говорить первому секретарю горкома партии. Дело в том, что она была гречанкой, а к этому времени уже всех греков из Ялты выслали. Тогда я сказала, что поговорю с Медуновым сама.

Медунов с Макаровым стояли в прихожей. Я подошла к Сергею Фёдоровичу и тихим голосом, чтобы не слышал Макаров, сказала, что Мария Павловна просила похоронить её согласно православным обрядам, поэтому мы должны пригласить священника. На меня очень недружелюбно сверкнул глазами Макаров. А Медунов мне в ответ говорит: «Делайте, как считаете нужным». Я сначала подумала, что Медунов меня не расслышал. И снова всё повторила, а он мне в ответ снова: «Делайте, что считаете нужным».

Я поняла, что разрешение от властей нами получено. Сказала об этом Елене Филипповне, и она послала Любу к священнику. Та через короткое время возвращается и говорит нам, что священник отказался прийти. Он сказал: «Мария Павловна не ходила в церковь, и я не пойду её отпевать».

Церковь Святого Феодора Тирона

Когда в 1955 году умерла Пелагея Павловна Диева, которая с 1910 года жила в музее (она была сиделкой у Евгении Яковлевны, матери Антона Павловича Чехова), священником в храме Феодора Тирона служил отец Александр. С ним в хороших отношениях была Мария Павловна, он и отпевал Пелагею Павловну. Но в конце 1955 года его перевели в Севастополь. Новый священник – отец Алексей – к Марии Павловне никогда не приходил.

Мне пришлось идти к отцу Алексею. Я сказала ему, что Мария Павловна давно не выходила из дома, но связь с храмом она при этом всегда поддерживала и даже состоит в церковной «двадцатке». Выслушав меня, отец Алексей сказал: «Приду завтра рано утром».

На рассвете следующего дня священник отпевал Марию Павловну в гостиной чеховского дома. При этом присутствовали Елена Филипповна, Александра Ивановна Антонова, я, Люба и две девочки-медсестрички.

К вечеру приехала Евгения Михайловна. Она вошла в гостиную. Мы вдвоём с Еленой Филипповной стояли около гроба. Евгения Михайловна подошла к нам, неожиданно ахнула и сказала: «О, какой гроб!» На что Елена Филипповна громко и внятно ей ответила: «Марию Павловну хоронит Государственная библиотека СССР имени Ленина». Елена Филипповна, зная характер племянницы, по её реплике сразу поняла, о чём та беспокоится: как бы на неё не пришлось расходы, связанные с похоронами Марии Павловны. Через некоторое время Евгения Михайловна ушла вниз и легла спать. Вторую ночь около Марии Павловны просидели мы с Еленой Филипповной.

Утром пришла машина, и Марию Павловну перевезли в фойе второго этажа Городского театра имени А.П.Чехова. С 10 часов утра сплошным потоком пошли ялтинцы и отдыхающие прощаться с Марией Павловной.

Третью ночь Мария Павловна должна была провести в театре. Никому из близких при этом не разрешили оставаться с ней.

Вечером приехала из Москвы большая делегация представителей Государственной библиотеки имени В.И.Ленина и Московского художественного театра. В ялтинский театр привезли множество венков с траурными лентами и огромное количество цветов.

18 января с утра опять непрекращающимся потоком ялтинцы и гости пошли прощаться с Марией Павловной.

Днём похоронная процессия вышла из театра и по Ялтинской набережной направилась в сторону городского кладбища. В это время появился и Сергей Михайлович Чехов.

Такое количество людей на похоронах ялтинцы видели только при прощании с начальником Ялтинского порта Петром Лукомским. Было впечатление, что Марию Павловну провожает в последний путь вся Ялта. К сожалению, дорога на кладбище тогда была очень неблагоустроена – ямы, куски асфальта.

Сергей Михайлович поднимался на высокие бугры и фотографировал всю процессию. Потом подошёл ко мне и пожаловался, что какая-то женщина сказала: «За гробом надо идти, а не по горам прыгать». Я ему ответила, что женщина права, и он обиделся на меня.

Наконец похоронная процессия пришла на кладбище к могилам Михаила Павловича Чехова и Евгении Яковлевны (племянника и матери Антона Павловича). Для Марии Павловны было подготовлено место между этими могилами. Начался траурный митинг, играл духовой оркестр.

Гроб Марии Павловны поставили на край могилы и уже готовились опустить его, как вдруг со стороны дороги раздался очень громкий сигнал приближающейся машины. Все поняли, что кто-то опаздывал и спешил. Церемонию приостановили. Машина въехала на кладбище и остановилась недалеко от могилы. Из неё вышел художник Юрий Андреевич Корляков, который прилетел из Москвы. Он подошел к нам с огромным букетом цветов и сказал, обращаясь к окружающим: «Я только что с самолета, от Ивана Семеновича Козловского. Мне нужна Алла». Я подошла к нему. Он продолжил: «Иван Семенович попросил вас перед тем, как гроб начнут опускать, бросить эти серебряные монетки в могилу». И он высыпал мне в руку небольшую горсть серебряных монеток.

Я выполнила это пожелание Ивана Семёновича, и перед тем, как мужчины подняли гроб над могилой, высыпала монетки на землю. После этого гроб опустили в могилу.

Когда ритуал был закончен, все близкие к Марии Павловне люди поехали в чеховский дом. Юра рассказал мне по дороге, что Иван Семёнович хотел сам лететь в Ялту, но его сестра – Анастасия Семёновна – очень беспокоилась о состоянии его здоровья. И тут ещё стало известно, что Симферо-

польский аэропорт из-за плохой погоды закрыт и не принимает московские рейсы. Юра полетел в Киев, и уже оттуда добирался до Ялты.

Юра привёз от Ивана Семёновича магнитофонную бобину с записью прощального траурного мероприятия, в котором, кроме самого Козловского, принимали участие С.Я.Маршак, Д.Н.Журавлёв, С.С.Пилявская и другие близкие Марии Павловне люди.

На этом мероприятии не было только самого главного человека – Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой. А не было её потому, что окружающие не знали, как известие о смерти Марии Павловны, покинувшей этот мир на 94-м году жизни, может подействовать на её задушевную подругу, которой ещё только предстояло отметить своё 90-летие. Поэтому они продолжали скрывать от Ольги Леонардовны факт кончины Марии Павловны.

Сразу после похорон Марии Павловны почта доставила мне из Ленинграда письмо Игоря Васильевича Бренёва. Я хочу предложить его вниманию читателей.

«19 января 1957. Ленинград

Дорогая Алла!

Скорбная весть о смерти Марии Павловны долетела теперь до нас не только из Ваших уст, но мы прочли о том же в “Литературной газете”, в “Советской культуре” и в других изданиях.

Прошло уже несколько дней, но все мы дома находимся целиком под впечатлением этого печального события. Как только соберемся все вместе, так и начинаем вспоминать и говорить о нашей тете и бабушке Маше.

Мне трудно представить Домик Чехова без его хозяйки. Из него ушла его душа. Уже не увидеть нам больше ласковой улыбки дорогой Марии Павловны. Теперь от всего этого остались только одни душевные воспоминания.

Когда пройдет еще несколько дней и несколько затихнут первые, самые острые ощущения горя, Вы возьметесь за перо и сообщите мне о последних днях Марии Павловны, опишите, как друзья и ялтинцы проводили в последний путь любимого ими человека. Пришлите мне ялтинские и крымские газеты, где были напечатаны сообщения и статьи, относящиеся к пережитому.

Меня будут интересовать также события, которые, безусловно, произойдут в музее после смерти ее директора.

Пишите! Ваши письма будут служить той нитью, которая будет связывать нас, ленинградцев, с близкими Марии Павловне людьми и дорогими нашему сердцу местами.

Все наше семейство признательно Вам, что Вы не забыли о нас в самые острые моменты и позвонили нам.

Все мы – Ирочка, Елена Дмитриевна и я – шлем Вам искренний привет и добрые пожелания.

И.Бренёв».

Как я уже писала, на похороны Марии Павловны приехала в Ялту большая делегация сотрудников Государственной библиотеки имени В.И.Ленина, филиалом которой с 1926 года был наш музей. В этой делегации были и представители руководства библиотеки, и сотрудники, которые курировали музей. Среди них была Галина Михайловна Огнева – главный

библиограф. Она была членом КПСС, и её уполномочили три месяца временно исполнять обязанности директора Дома-музея А.П.Чехова в Ялте, чтобы найти за это время достойную кандидатуру, способную возглавить наш коллектив. Приехала и Елизавета Николаевна Коншина, сотрудница отдела рукописей библиотеки.

С обеими мы уже раньше встречались.

Музей был закрыт на неделю, чтобы мы вместе разобрали рукописи Антона Павловича и то, что с особым вниманием хранила у себя Мария Павловна – подлинные письма Павла Егоровича Чехова (отца писателя), Митрофана Егоровича (его дяди) и других близких родственников.

И вот после похорон нашей дорогой и любимой Марии Павловны мы собрались в гостиной музея и сели вокруг большого стола, за которым когда-то собирались гости Антона Павловича Чехова – известные всему миру писатели Лев Толстой, Иван Бунин, Александр Куприн и многие-многие другие. Я хорошо запомнила, как мы стопочками складывали письма. Например, Лев Константинович Книппер – его первая жена, его вторая жена, его третья жена. И так далее. Разбирали мы не только письма, но и очень редкие и мало кому известные фотографии Антона Павловича, Марии Павловны и их дальних и близких родственников.

В эти дни вернулся в музей Сергей Георгиевич Брагин, который мечтал после смерти Марии Павловны стать директором чеховского дома. Я уже рассказывала, как он настаивал, чтобы Мария Павловна в своём завещании написала, что директором после неё должен быть он. Но Мария Павловна его просьбу не исполнила, и с конца 1949 года С.Г.Брагин в музее не работал.

Однако он, оказалось, все эти годы регулярно переписывался с Галиной Михайловной Огневой, надеясь, что место директора музея всё равно в конце концов будет доверено ему, ведь он единственный из сотрудников являлся членом КПСС.

Галина Михайловна относилась к Брагину как-то очень благодушно. И довольно часто, проходя по коридору Дома-музея и ни к кому конкретно не обращаясь, произносила такую фразу: «Только Брагин знает Чехова». Это нас сильно смешило, но в спор с Огневой никто не вступал.

Всё неожиданно решилось само собой.

Незадолго до этого вышла в свет книга: М.П.Чехова. «Письма к брату А.П.Чехову» (Москва: Гослитиздат. 1954). Редактором и автором вступительной статьи был сотрудник музея и помощник М.П.Чеховой – Н.А.Сысоев. А затем Мария Павловна начинает диктовать свои воспоминания «Из далекого прошлого». Запись осуществлял опять же Н.А.Сысоев, а предисловие к книге написал известный прозаик и журналист Лев Никулин. Работа над воспоминаниями была закончена за десять дней до кончины М.П.Чеховой.

И вот Государственное издательство художественной литературы (Гослитиздат) прислало в музей отредактированный текст книги с просьбой написать рецензию. Исполняющая обязанности директора музея Г.М.Огнева отдала текст С.Г.Брагину, с тем, чтобы он подготовил рецензию. Больше недели все ждали её от него. Рецензии не было, а московское издательство напоминало о просьбе и поторапливало музей. Наконец, Брагин принес

свой труд. Галина Михайловна пришла в ужас, увидев эту грудку бумаги. Сергей Георгиевич по образованию был инженер-полиграфист и, вероятно, раньше работал в какой-то типографии, где привык писать не на стандартных листах, а на длинных, более метра, полосках бумаги. Именно в таком виде Брагин принёс своё творчество в музей. К тому же у него был почерк, в котором невозможно было разобрать ни одного слова.

Галина Михайловна говорит Брагину: «Как я могу послать эти метровые полосы, да ещё исписанные таким неразборчивым почерком в издательство?» «А я иначе не могу писать», – отвечает Брагин. Тогда Галина Михайловна берёт из его рук текст книги, присланной из Москвы, и разделяет его на две части. Первую половину отдаёт мне, вторую – Зое Проворовой и говорит: «Девочки, напишите по-человечески и, пожалуйста, поскорей. Нас ведь, вы знаете, подгоняет издательство». И через три дня мы принесли сделанную работу.

После этого Галина Михайловна сказала: «Не уеду отсюда, пока не найду нормального человека на должность директора музея». Всем стало ясно, что кандидатура С.Г.Брагина больше не рассматривается.

Г.М.Огнева начала активно искать нового директора. Помню, помимо прочих, приезжал к нам преподаватель литературы Новосибирского университета. Фамилию его я уже забыла, но он защитил кандидатскую диссертацию по творчеству А.П.Чехова. Г.М.Огнева повела его на утверждение в городской комитет КПСС, но его кандидатуру отклонили, так как он не был членом партии. По законам того времени директор музея обязательно должен был быть коммунистом.

(До этой страницы дописала Алла Васильевна Ханило свои Воспоминания.)

Виктор Хара Мартинес, певец свободного Чили,
в музее Чехова в Ялте

28 сентября 1932 года родился Виктор Хара Мартинес, известнейший чилийский певец, поэт и музыкант, придерживавшийся левых политических убеждений и бывший членом Коммунистической партии Чили. 15 сентября 1973 года сорокалетний Виктор Хара принял смерть мученика на стадионе, превращенном пиночетовской охранкой в концентрационный лагерь для сторонников свергнутого легитимного президента Чили Сальвадора Альенде. На этом стадионе в 1969 г. Виктор Хара выступал и победил на фестивале «Новой чилийской песни».

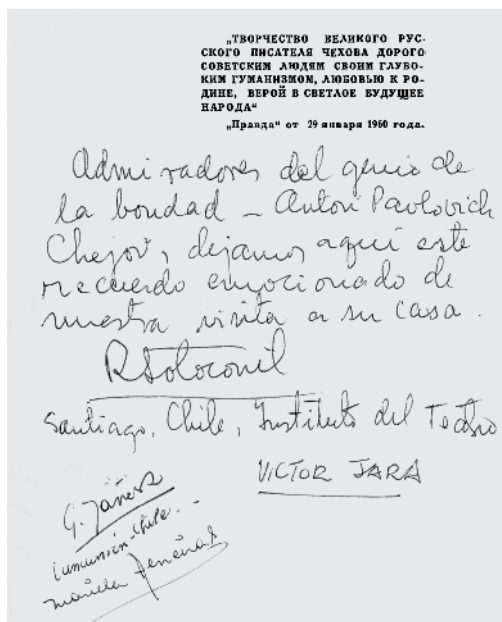
В 1961 года Виктор Хара в составе ансамбля «Кункумен» посетил Советский Союз. Поездка в Москву оказала на Виктора колоссальное впечатление. В письме своей жене Джоан он писал: «...У русских надо учиться, как жить сообща. Они обладают духовной непоколебимостью, которая делает их спокойными, добрыми и в то же время твердыми. Хотел бы я тоже быть таким, иметь убеждения и цели, которые указывали бы мне путь. Знаю, это трудно... Русские – фантастические люди... Они очень открыты и привет-

ливы. Пока я не встретил никого, кто чванился бы завоеванием космоса...». Когда Пабло Неруда (известный чилийский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе) узнал о смерти Хары, он воскликнул: «Боже, это же то же самое, что убить соловья!» Позже стало известно, что Виктора Хару расстреляли 15 сентября 1973 года. В тело певца попало 30 пулемётных пуль.

Я встречала Виктора, провела для него экскурсию. Он на память подписал мне книгу.

Виктор Хара Мартинес

Как мы открывали памятные доски

Много лет, приезжая в Ялту, Иван Семёнович сокрушался о том, что здесь не увековечена память о пребывании в нашем городе Шаляпина и Рахманинова. Я постаралась, в какой смогла мере, исполнить желание певца. 27 сентября 2013 года возле здания бывшей дачи Бушева, где одно время жил А.П.Чехов, совместно с вице-президентом Ассоциации содействия защите населения, членом-корреспондентом Российской академии естественных наук, кандидатом физико-математических

С.С.Цыганков, А.В.Ханило и мэр Ялты С.Ф.Илаш

наук С.С.Цыганковым (Москва) нам удалось установить аннотационную доску, на которой говорится о пребывании здесь С.В.Рахманинова, Ф.И.Шаляпина и В.С.Миролюбова и знакомстве их с Антоном Павловичем.

Вторую памятную доску мы открыли сестре Антона Павловича Чехова, создательнице и первому директору Ялтинского Дома-музея Марии Павловне Чеховой. Мне хотелось напомнить ялтинцам, что сквер рядом с музеем – это сквер имени Марии Павловны Чеховой, как его назвали после её смерти. Я была инициатором и художником проекта. Создателем, как и нашей предыдущей памятной доски, был С.С. Цыганков. Открытие мемориальной доски мы приурочили к двум знаменательным датам: 70-летию освобождения Ялты от фашистских захватчиков и 60-летию Чеховских чтений.

Третью, сделанную нами доску, посвящённую первому приезду А.П.Чехова в Крым, мы решили поставить в Севастополе, городе, где он впервые ступил на крымскую землю. Мы хотели приурочить это событие к 155-летию со дня рождения А.П.Чехова и установить её на Графской пристани, но пока она стоит в Музее истории Севастопольского русского драматического театра им. А.В.Луначарского.

Доска в Музее Истории Севастопольского русского драматического театра им. А.В.Луначарского. Зал № 1

Доска в Сквере им М.П.Чеховой рядом с Домом-музеем А.П.Чехова

Надеемся, что в ближайшем будущем она будет установлена в городе. В крайнем случае, на здании театра.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЛЕ ВАСИЛЬЕВНЕ ХАНИЛО

Воспоминаний об Алле Васильевне много, те, что уже опубликованы, в сборник не вошли из-за ограниченности места. Составитель просит извинения.

Поздравление Алле Васильевне Ханило из Баденвейлера в честь семидесятилетия работы в Доме-музее Антона Павловича Чехова в Ялте.

Deutsche
Tschechow-Gesellschaft e. V.

Госпоже
Алле Ханило
Литературный музей „Чеховский дом”
в г. Ялта
Россия

79410 Badenweiler
Luisenstr. 5

Тel: 0763275-121
Fax: 076 3272-189
E: tschechow@badenweiler.de
<http://www.badenweiler.de/ru/leben-kultur>

Datum 14.11.2015

Глубокоуважаемая госпожа Ханило,

в день Вашего юбилея – семидесятилетия ангажированной и успешной научной работы над творчеством А. П. Чехова – поздравляют Вас искренне и желают здоровья, радости жизни и крепких сил для дальнейшей плодотворной деятельности и сотрудничества Германское Чеховское Общество и Администрация курорта Баденвайлера

Rolf-Dieter Kluge

(Проф. др. Рольф-Дитер Клуге, председатель)

Hainc Zepher

(Хайнц Зепцер, зампрезидент, дир. Литературного музея Баденвайлера „Чеховский салон”)

Karl-Otto Angler

(Карл-Ойген Англер, бургомистр курорта, член управления Чеховского об-ва)

(Проф. др. Дитрих Верн)

Т.БАРСКАЯ. ЭСТАФЕТА ЛЮБВИ К ЧЕХОВУ

Поздравить Аллу Васильевну собрались коллеги, музейные работники Ялты, Ливадии, Гурзуфа, Симферополя, учителя школ и экскурсоводы, члены литературного объединения имени А.П.Чехова и Лиги защиты культуры Ялты, гости из Москвы.

Из Косьмо-Дамиановского монастыря приехал поприветствовать Аллу Васильевну игумен Никанор, наместник этого монастыря. Он преподнёс ей чудный подарок – икону с изображением святых бессребреников Косьмы и Дамиана.

Много было сказано добрых слов в адрес юбиляра, вручено поздравлений, цветов. Звучала музыка, любимые романсы в исполнении ялтинских артистов. Всё получилось по-чеховски изящно, красиво, душевно.

Алла Васильевна и игумен Никанор

**Алла Васильевна ведёт экскурсию
для членов Международной Чеховской конференции**

Поздравление ливадийцев, пожалуй, больше всего тронуло Аллу Васильевну. И поэтому мне хочется привести его полностью:

«Администрация Ливадийского дворца-музея имеет честь наградить грамотой Ханило Аллу Васильевну за большой личный вклад в сотрудничество Дома-музея А.П.Чехова в Ялте и Ливадийского дворца-музея и в связи с 60-летием трудовой деятельности, отмеченной значительными успехами в развитии музейного дела, замечательными публикациями, признательностью и уважением коллег».

Аллу Васильевну я знаю давно. Ещё школьницей со своей первой учительницей и одноклассниками приходили мы в гости к автору «Каштанки» и «Ваньки Жукова». И на крылечке дома встречала нас сестра писателя с доброй улыбкой и ласковым взглядом чуть грустных глаз, приглашая в гости. Алла Васильевна вела экскурсию по Дому, как бы передавая эстафету любви к Антону Павловичу – от Марии Павловны к нам.

Сегодня трудно даже представить, сколько за эти 60 лет проведено экскурсий, сколько посетителей услышали от Аллы Васильевны её признания в любви к Чехову, тем ялтинским адресам, где он жил, работал, встречался с Л.Толстым, М.Горьким, А.Куприным, И.Бунинным, артистами МХТ, С.Рахманиновым, Ф.Шляпинным...

Полученные от Марии Павловны сведения о жизни и творчестве Чехова требовали своего воплощения в дальнейшей, уже научной работе. Прочитаны все тридцать томов произведений писателя, составлены ком-

ментарии к некоторым его письмам, найдены новые материалы в архивах. Сделано полное описание ялтинской библиотеки Чехова, книг, с которыми он не расставался, пометок на их полях. Исследование это вылилось в книгу «Личная библиотека А.П.Чехова в Ялте», увидевшую свет в 1993 году в Германии, США, Франции, Австрии.

После капитального ремонта Дома-музея А.П.Чехова в 1974–1980 годах и реставрации мемориальной мебели Алла Васильевна разрабатывала тематические планы экспозиций по воссозданию комнаты матери Антона Павловича Евгении Яковлевны, четырёх комнат первого этажа, столовой, комнаты для гостей и родственников. До этого они не были открыты для посещения. Экскурсия ограничивалась кабинетом, спальней и гостиной.

А когда было построено новое здание рядом с мемориальным домом, Алла Васильевна, хорошо зная фонды музея, составила тематико-экспозиционный план новой литературной экспозиции «Жизнь и творчество А.П.Чехова», успешно защищённой в Министерстве культуры. Сегодня здесь проходят не только экскурсии, но и научные конференции, творческие встречи с писателями, артистами, художниками.

Затем были работа над новыми экспозициями «Чехов и Крым» на даче К.Иловойской «Омюр», где жил Антон Павлович до своего переезда на Белую дачу, создание интерьеров на даче Чехова в Гурзуфе, участие в создании музея в Ялтинской гимназии имени писателя, организация многочисленных выставок, в том числе за пределами Крыма и Украины.

В 1994 году А.В.Ханило приняла участие в международном симпозиуме, проходившем в германском го-

роде Баденвейлере, на тему «Философия и религия в жизни и творчестве Чехова». Здесь Алла Васильевна выступила с докладом «Кресты и иконы Чехова и его близких». Эта тема вошла в программу международной конференции «Духовное наследие Крыма», которая проходила в июле 2005 года в Партените. В результате её доклад «Православие в жизни Чехова» по благословию митрополита Симферопольского и Крымского Лазаря издан отдельной книгой.

Таким образом, А.В.Ханило приоткрывает ещё одну малоизвестную страницу биографии писателя. От неё мы узнаём, что в Ялте Чехов посещал ауткинскую церковь Святого Фёдора Тирона, находящуюся в квартале от Дома. Священник этой церкви отец Василий Феодори, с которым Антон Павлович познакомился вскоре после начала строительства своего ялтинского дома, подарил ему кипарисовый крест с изображением распятого Спасителя. В свою очередь, священник получил в дар фотографию с надписью: «Отцу Василию Феодори на добрую память. Антон Чехов. 1900.V.24».

В августе 1954 года в театре имени А.П.Чехова отмечали 90-летие Марии Павловны. Она внимательно слушала благодарственные слова в свой адрес, а затем выступила с ответной речью. «И все понимали, – вспоминает Алла Васильевна, – что она в эти годы проживала не только свою жизнь, но и продолжение жизни своего брата».

Сегодня Алла Васильевна проживает не только свою жизнь, но и жизнь Марии Павловны. Запал ей в душу один эпизод из их совместной работы, когда Мария Павловна, повязав пионерский галстук, выходила к артековцам и просила, чтобы берегли дом её брата: «Это я все для вас сохранила...»

Не забывает А.В.Ханило и ещё об одном своеобразном завещании сестры писателя, которая часто повторяла: «Я хочу, чтобы когда меня уже не будет, Дом был таким же живым, как он был при Чехове. Чтобы не было тут все завязано веревочками – туда нельзя, сюда нельзя, как во многих музеях. Я хочу, чтобы, как при Чехове, звучало чеховское пианино, чтобы здесь собирались и пели. Чтобы жизнь продолжалась!»

И Алла Васильевна, будучи воспитанницей, а затем соратницей М.П.Чеховой, продолжает эту традицию. Какие только люди ни встречались на её жизненном пути за эти 60 лет работы в музее! Она дружила с Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой, многими артистами, художниками, писателями. Константин Паустовский на своей книге оставил ей такой автограф: «Алле Васильевне Ханило с завистью к ней за то, что она работала в доме Чехова».

Иннокентий Смоктуновский объяснился по-своему: «Милый, милый друг, – написал он ей на театральной программке пьесы «Иванов» МХТа, – никогда не забуду Вашего доверия ко мне, связанного с А.П.Чеховым».

Многолетняя дружба связывала её с Иваном Семёновичем Козловским. Познакомила их Мария Павловна, которая обожала певца и всегда была рада видеть и слышать его в своём доме. Из года в год, когда он приезжал в Ялту, когда уже не стало Марии Павловны, посещал чеховский дом и ялтинское кладбище, где покоятся мать, сестра и брат А.П.Чехова. До конца своих дней эти места он считал святыми.

Имя Аллы Васильевны Ханило можно смело занести в Книгу рекордов Крыма. За такое многолетнее служение памяти великого писателя, за преданность его ялтинскому дому она заслужила не только почётные звания заслуженного работника культуры АРК и лауреата премии имени А.П.Чехова, которые имеет, но, наверное, и награды повыше. Сохраняя атмосферу чеховского дома и мест, связанных с именем великого писателя, она вводит посетителей Дома-музея в тайну творчества мастера, открывая каждый раз новое и прекрасное в его жизни и творчестве.

Неслучайно её называют «Чеховской энциклопедией». Её вклад по увековечению литературного наследия А.П.Чехова бесценен. И, возможно, пока ещё недостаточно осознан современниками. Но придёт время, и то, что найдено, собрано, сохранено ею, став достоянием уникального мемориального памятника истории и культуры, будет служить не одному поколению почитателей чеховского наследия.

С.П.БОЧАРОВ

Алла Васильевна Ханило объединила в себе огромные знания, воспоминания об Антоне Павловиче Чехове за три столетия. Часто задавался я вопросами: – как будет жить «Белая дача» Чехова в Ялте без Аллы Васильевны?

Смогут ли сотрудники музея так ревностно и жестко сохранять и защищать наследие великого писателя? Когда я впервые познакомился с А.В.Ханило и узнал от неё огромные, до деталей, знания о жизни А.П.Чехова, то мне пришла мысль просто поставить кинокамеру и снять всё, что она говорит об Антоне Павловиче Чехове, о его сестре Марии Павловне, самой жизни дома «Белая дача». И нашёлся такой журналист из Севастополя – Наталья Васильевна Брайко, которая на протяжении нескольких лет снимала об Алле Васильевне репортажи, её рассказы не только о Чехове, но и о жизни музея «Белая дача», о её сотрудниках. Написать портрет Аллы Васильевны Ханило я задумал сразу же после первого знакомства. В портрете показано три эпохи, три столетия, три портрета, которые определили прошлое, настоящее и будущее Дома-музея А.П.Чехова в Ялте. Именно А.В.Ханило меня вдохновила на создание серии картин о жизни А.П.Чехова в Ялте. Благодаря глубочайшим знаниям Аллы Васильевны мне удалось за десять лет работы написать несколько жанровых картин о жизни А.П.Чехова на «Белой даче». Последнее своё интервью Алла Васильевна Ханило дала на моей выставке «От Владимира к Владимиру» в Ливадийском дворце 8 июня 2019 года, где впервые были показаны чеховская серия и портрет А.В.Ханило, который открывал весь цикл картин.

Н.БРАЙКО. АНГЕЛ «БЕЛОЙ ДАЧИ»

Я познакомилась с Аллой Васильевной Ханило в январе 2010 года. Приближалась памятная дата – 150-летие со дня рождения Антона Павловича Чехова, и мне хотелось сделать передачу о писателе. Готовясь к ней, я наткнулась на статью в «Литературной газете + Курьер Культуры» № 18 «Море чудесное, синее и нежное», которая мне очень понравилась. Лёгкий слог, написано с большой любовью к Чехову. Автор – Алла Ханило. Я решила с ней познакомиться. Московский художник Сергей Бочаров рассказал мне, что Алла Васильевна, несмотря на свой почтенный возраст (ей было тогда 82 года), продолжает работать в музее «Белая дача». Узнав у администраторов, что Алла Ханило работает в здании литературной экспозиции, я зашла и увидела маленькую и очень энергичную женщину. Алла Васильевна готовила экспозицию «Чехов и медицинский факультет МГУ». Выступление планировалось в филиале Московского государственного университета в Севастополе. Мы обменялись телефонами и договорились о съёмке. Хочу отметить, что моя фамилия сыграла ключевую роль в знакомстве: мой родственник Сергей Борисович Брайко был в те годы мэром Ялты.

Увидев на бумаге фамилию, Алла Васильевна улыбнулась и согласилась на встречу. Передача о Чехове как о студенте МГУ вышла на телеканале «СТБ» (государственного канала телерадиовещания Украины). С тех пор

**1 ноября 2011 года, празднование 65-летия трудовой деятельности
Аллы Васильевны в ялтинском музее**

Алла Ханило довольно часто приезжала в Севастополь для участия в программах.

Предварительно я вместе с легендарным экскурсоводом прошла буквально все уголки дома «Белая дача», кроме комнаты Марии Павловны (она и сейчас закрыта даже для работников музея). Узнала много интересного о жизни писателя. Алла Васильевна готова была рассказывать часами, остановить её было невозможно. Помню, как она рассказывала малоизвестные факты: «Архитектор Шаповалов увлекся тем, чтобы дом был красивым, а чтобы жить в нем, не подумал». Своими знаниями она делилась с большой охотой, легко даря свои воспоминания, также и о чудесном времени, связанном с Марией Павловной, Ольгой Леонардовной, о встречах с известными людьми. И я решила снять программу «Судьба человека» о жизни самой Аллы Васильевны, но связанной с Чеховым. Почему она стала экскурсоводом, какие линии судьбы привели её к этому, как в её жизнь раз и навсегда вошёл дом «Белая дача» Антона Павловича Чехова. Мы много говорили о знаках судьбы, которые вели к Чехову: рождение в Алушке, в санатории, основателем которого был учитель Чехова – профессор Александр Бобров, жизнь в доме на улице Кирова, где рядом находился «Омюр», где жил Чехов, школа, где училась Алла Ханило, попечителем которой был писатель. Первый раз мы снимали её рассказ в музее, но, к сожалению, эта съёмка получилась бракованной по видео, но звук был хороший. Алла Васильевна

так прекрасно рассказывала, и всё это потерять – пережить было тяжело, хотя с монтажёром мы придумали ход, как использовать часть испорченных кадров: сделали эффект старой плёнки. Позже я приехала специально для съёмки домой к Алле Васильевне. Встреча получилась очень интересной, как и съёмка. Оператором была Наталья Бабкевич, с которой у меня создано много замечательных программ. Она и автор чёрно-белой фотографии на ступеньках лестницы дома Аллы Васильевны в день съёмки в сентябре 2010 года. Фильм по разным причинам готовился долго, в Ялту выезжала самостоятельно, без финансирования телекомпании. И только в начале января 2013 «Судьба человека» вышла в эфир. Вспоминаю интеллигентное лицо Аллы Васильевны, мягкий голос, улыбку, удивительный талант рассказчика. Ей доставляло огромное удовольствие говорить о доме Чехове, об атмосфере, которая царил в комнатах «Белой дачи». Она как-то обмолвилась, что Чехов будто бы был её родным и близким человеком, так хорошо она знала его произведения, жизнь. Помнила наизусть его письма, их она считала главным в познании великого человека. Всякие скабрёзности о писателе, которые появлялись в современное время, после 90-х годов, считала недостойными. «О писателе нужно судить по его произведениям, он там весь» – любила говорить она.

Помню, как в разные годы мы сделали две программы, посвящённые Клементине Черчилль, её приезду в Крым в апреле 1945 года. И каждый раз она готова была рассказать вновь и вновь историю посещения музея женой премьер-министра Великобритании, над разгадкой которой она работала несколько лет. Об этом Алла Васильевна написала в своей статье. У неё было много проектов, хотелось установить памятную доску, посвящённую приезду Чехова в Севастополь. Но не получилось. Здание театра является объектом культурного наследия, и чиновники не давали разрешения, да и начальники управления объектов культурного наследия менялись, словно перчатки. Сама доска до сих пор хранится в музее театра имени А.В.Луначарского. Алла Васильевна мечтала, чтобы Крым стал русским, в день референдума 16 марта 2014 года она шла на голосование по узкому коридору среди домов, был сильный ветер, её, тоненькую, как тростинку, воздушной волной подняло и ударило о края металлического забора. Она сильно поранилась о его зубцы, благо, шли молодые люди, которые вызвали «скорую помощь». Но, истекая кровью, Алла Васильевна говорила врачам, что, прежде лечения, хочет проголосовать за Россию, и не успокоилась, пока не сделала этого. Впоследствии долго лечилась после полученных травм. До последних дней сохранила ясный ум и память. Физические силы уходили, а ум жил своей сильной, насыщенной жизнью, любовью к Чехову, к его дому. Я благодарна судьбе, что в моей жизни был такой человек – Алла Васильевна Ханило – ангел Белой дачи, сильный духом, счастливый человек!

*Наталья Брайко
(член Союза журналистов России,
Севастополь)*

Л.ЗОРИН, В.СОНИН.
А.В.ХАНИЛО С А.П.ЧЕХОВЫМ —
ПО ЖИЗНИ!

(70 лет в Доме-музее А.П.Чехова в Ялте)

Ялта, Крым, целебный воздух;
Солнце, море, кипарис,
Плюс таинственные звёзды,
Вдруг покинувшие гнёзда,
Чтобы с неба ночью поздней
Освещать земную жизнь.

В Ялте заболевший Чехов
Для себя построил дом,
Чтоб здоровья огрехи
Исцелять здесь без помехи,
Строить творческие вехи,
Не забыв гостей при том.

Чтоб легко и гениально
Мир талантом покорять.
Всё, что создал он, реально
И сегодня актуально,
Каждый может ощущать!

Ну, а гости: Горький, Бунин,
Станиславский и Куприн,
Левитан, Шаляпин – люди,
Те, чьи творческие судьбы
Волновали этот мир!

И Рахманинов великий,
Немирович молодой,
Плюс артисты с Ольгой Книппер,
Все характерные типы,
Красного муската выпив,
Посещали дом без скрипа
Развесёлою гурьбой!

...Чехов прожил мало.
Даже и пол-века не успел.
И детей своих не нажил,
Хоть порою их хотел!

Но родил детей особых,
Жизнь которых на века:
Это пьесы высшей пробы
И рассказы – всё от Бога,
Чехов – Божия Рука!

...Дети Чехова – музеи,
Мы, живущие теперь,
Все возможности имеем,
Каждый раз благоговей,
Приоткрыть в бессмертье двери!

Кто поможет нам конкретно,
Чтоб мир Чехова открыть?
Та, кто память-эстафету
Приняла в музее этом
В год далёкий, час заветный
Из рук Чехова – Сестры!!!

Служит Чехову Ханило
Семь десятков ярких лет,
Сколько сил она вложила
В то, что чудом сохранила
Для музея раритет!

И статьи, и выступленья
Шли в страну и за рубеж,
Это было вдохновенье,

А также посаженный
Чеховым сад,
Где каждый возвращённый
Был этому рад!

Склонился в поклоне
Гигант-кипарис:
Ау, именинница,
Мне улыбнись.

Я старше тебя на полтинник,
Ну, что ж!
Ведь ты для меня
Всё равно молодёжь!

Труд, упорство и волнение –
Чувств возвышенных мятеж!

В Баденвейлере Ханило
Эрудицией своей
Безоглядно покорила
Тех, кто чтит в науке силу:
Умных чеховских людей!

Верность Чехову, как знамя,
Символ жизни непростой
Через бури и цунами,
И надежды, и страдания,

Одолов все испытанья,
Алла нынче рядом с нами
На посту. И ей – задание
Приглядеться к цифре 100!

P.S.
Награды пришли к ней
Своим чередом,
Украшив и лацкан,
И чеховский дом.

Я помню, когда ты
Была Mademoiselle.
Теперь ты Madame –
Такова Карусель!

Прими поздравленья
И тёплый привет,
Гуляй по аллеям
Ещё много лет!

90 на пути к 100!

Свершилось всё торжественно
и просто:

Вам минуло заветных 90!
Теперь к 100-летию Вас все пути ведут
И будет всё бесспорно *sher gut!*
Полёту мысли творческой
предела нету!

Так продолжайте жизни эстафету,
Где лидеры Любовь, Талант и Труд
В пути к Олимпу Вас не подведут!

З.Зорин
9 февраля 2018 г.

И.ОБУХОВА «...Я НЕ МОГЛА ОСТАВИТЬ МУЗЕЙ...»

(Алла (Ангелина) Васильевна Ханило 1928–2019)

В очередной приезд Аллы их дом в Оксфорде наполнился запахами России: Питер с радостью размещал на полках своей богатой библиотеки подарок жены – тридцатитомник А.П. Чехова. Вечером, у камина, они вспоминали их первую встречу в Ялте, в музее, намечали их выступления на конференции и путешествия. За всё время её нечастых приездов в Великобританию он показал ей Англию, где они жили, Шотландию, где он работал в университете, остров Мэн. Питер хотел оставить своей «Аллочке», как называл её, в наследство дом и библиотеку. Она отвечала:

– Нет, Питер, спасибо, дорогой мой, мне ведь ничего не надо.

Алла Васильевна ещё до их помолвки сказала, что в Англию навсегда не поедет, Крым и Музей не оставит. И Питер продолжал писать и поддерживать её:

«Милая Аллочка! Посылаю обещанные евро. Надеюсь, что они пригодятся. Живи, будь здорова. Всего тебе самого хорошего.

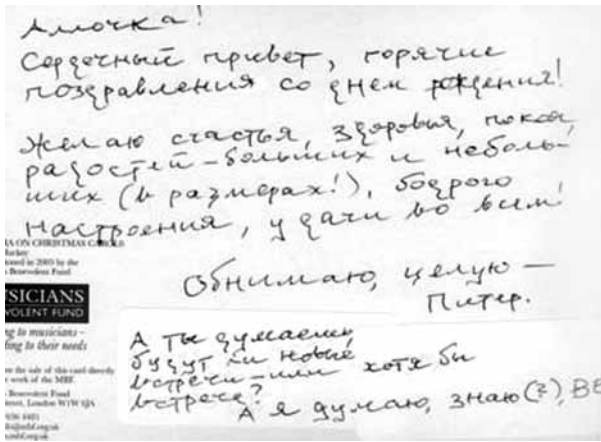
*Питер.
П'бург. 4.П.07».*

Питер Генри

Алла Ханило

Кем же был этот благородный англичанин, муж легендарной Аллы Ханило, отдавшей Чеховскому музею более семидесяти лет жизни после принятия на работу самой сестрой Чехова? Как оказалось, он родился в Германии в г. Марбург, прибыл с матерью в Оксфорд в качестве беженца в 1939 году, зачислен в британскую армию в 1943 году, сменил имя с Ганса Питера Зунца на Питера Генри. На его надгробном камне отражена и его деятельность: «Профессор Ханс Питер Генри-Зунц, 21.04.1926 – 9.06.2010, ученый-славист».

Об удивительной встрече этих двух филологов – Питера Генри и Аллы Ханило можно говорить, как о миссии народных дипломатов-антифашистов. Миротворцы, жертвенники, они своей жизнью и интеллектуальным трудом продвигали влияние идеалов славянской культуры. Мальчик Ханс Зунц в 1939 году бежал с мамой из Германии от преследований за национальность, и в его душе навсегда осталась эта страшная боль обиды. И посещая в 1992 году в Ялте Музей А.П.Чехова, перед которым преклонялся, он услышал из уст экскурсовода Аллы Васильевны рассказ не о бомбёжках Дома-музея во время войны, а о переживаниях девочки Аллы, так же, как и он, пострадавшей от фашизма. Ганс Зунц – Питер Генри понял, что встретил необыкновенную, родственную душу... Её отказ впоследствии от английского наследия лишь подчёркивает альтруизм и преданность Аллы Васильевны Ялте, музею, Марии Павловне Чеховой, стремление продвигать чеховское творчество по всей планете.

*Ирина Обухова,
автор книги «Очерки о психологии личности А.П.Чехова.
Крымские мотивы»*

С.ЦЫГАНКОВ

«НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ СЕРЕЖКОЙ»

Я знаю Аллу Васильевну с 1978 года, когда после окончания Московского инженерно-физического института поступил на работу в лабораторию «Геодинамики» Института Физики Земли АН СССР. Отдыхая в Крыму, будучи рядом с Домом-музеем А.П.Чехова, я заинтересовался оползневой устойчивостью участка Дачи. Рядом стояла женщина. Увидев мой интерес, и узнав, где я работаю, она обстоятельно ответила на мои вопросы, и я подумал, что передо мной специалист по геодинамике. Это была Алла Васильевна. Потом я узнал, что круг проблем, которые её интересуют, необычайно широк: от неопознанных летательных объектов, которые она лично видела, до проблем бессмертия.

Виделись мы, когда я приезжал в Крым в отпуск. С 2005 года я стал бывать в Крыму чаще, а с 2011 года жил практически постоянно. Встречались мы по 2–3 раза в неделю, и на каждой встрече она придумывала новое интересное задание. При этом, где бы я ни был, мы каждый день созванивались, она что-то вспоминала и просила узнать в интернете: в каком году такой-то известный писатель, спортсмен или актер был в Ялте или его отчество, чтобы сравнить со своими воспоминаниями. У Аллы Васильевны была фантастическая память: она помнила всех поименно, с кем встречалась даже в раннем детстве.

Алла Васильевна всегда вспоминала высказывание Марии Павловны перед эвакуацией Ялты: «Какая судьба суждена Музею, такая и мне». Основной задачей Аллы Васильевны было сохранение и спасение Дома-музея А.П. Чехова. Она встречалась с мэрами Ялты, руководителями министерств, депутатами. Что-то удалось сделать, но, к сожалению, многого не удалось. Другая ее главная задача – увековечивание памяти семьи Чеховых. Во имя этого Алла Васильевна выступала практически на всех конференциях, встречах, юбилеях, проводимых в Доме-музее А.П.Чехова, в Ялте и Симферополе, давала интервью на радио и телевидении. Доклады Аллы Васильевны были самыми интересными, информативными, живыми, насыщенными чеховским языком, люди приходили специально послушать ее. Аллы Васильевны была постоянно занята чем-то важным. При этом «радиус ее действия» был велик: по ее просьбе я неоднократно бывал в Москве, Санкт-Петербурге, Таганроге, она писала письма королеве Великобритании, в Баденаейлер.

Отношения у нас были самыми дружескими и нежными. Она считала меня своим приёмным сыном, о чём говорила на встречах. М.П.Чехова подарила ей книгу «Каштанка» с надписью: «Милой Ангелине Васильевне Ханило для ее будущих детей... На добрую память!! от М.Чеховой. Ялта,

Дорогому Сергею Вергеевичу – моему
самому верному и преданному другу –

А.В.Ханило

Эта книга увидела свет только
благодаря Вашему труду,
спасибо от души и чистого сердца !!!

Алла Васильевна

16 сент. 2017 г.

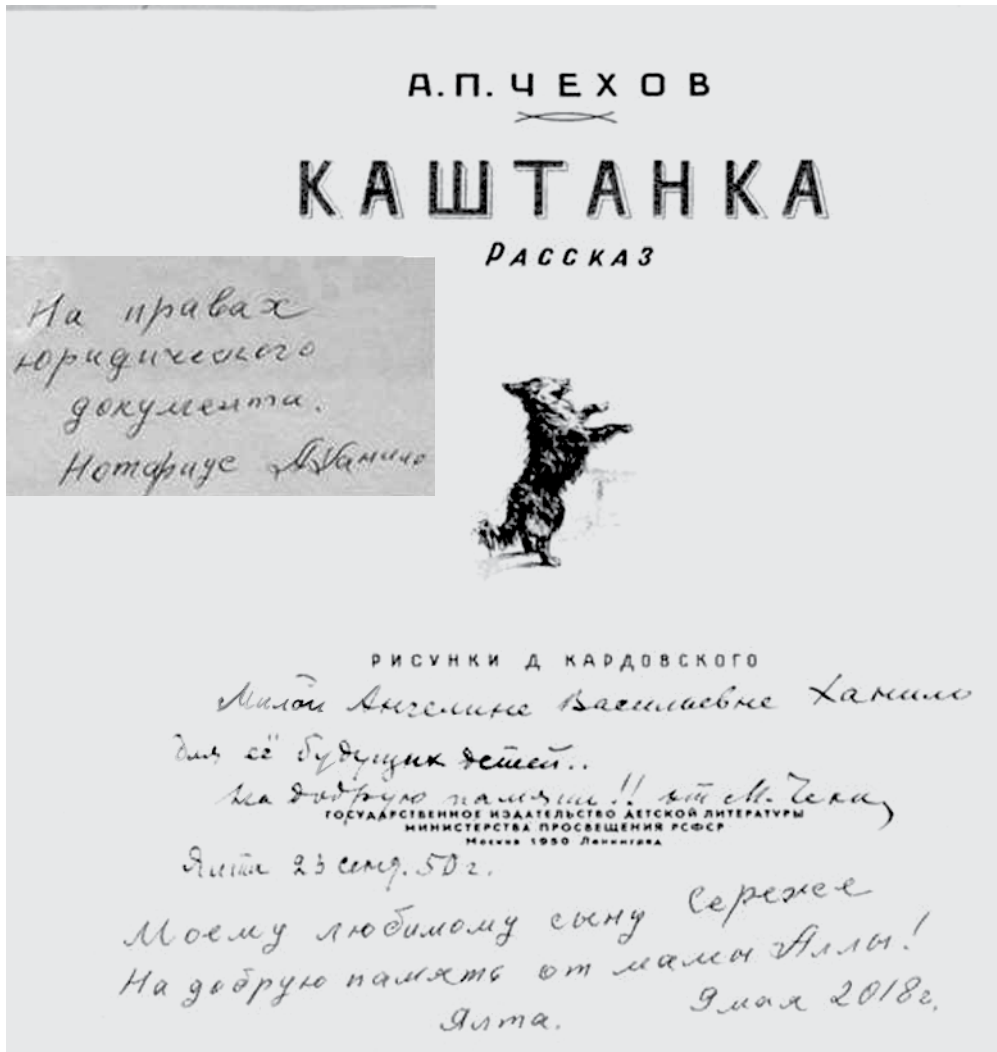
ЧЕХОВ в Ялте

СБОРНИК СТАТЕЙ

Норіада
Симферополь
2016

23 сентября 1950 г.». Алла Васильевна подарила её мне с надписью «Моему любимому сыну Серёжке. Ялта, 9 мая 2018 г.».

Алла Васильевна была очень живой, активной, в детстве непоседой, любила играть, причём представляла себя мальчишкой – «Зовите меня Серёжкой». Эта юность души у неё оставалась до конца жизни. Любила животных, особенно дельфинчиков. В детстве её папа часто брал на охоту, и она могла «трещать», как дроздик. Когда она демонстрировала «трель» дроздика, мы очень смеялись. Очень любила Алла Васильевна свежепойманную и зажаренную ставридку. Когда я её ловил и привозил, она всегда спрашивала, как там море и дельфинчики, и просила передать им привет, и было это очень мило.

Желаем здоровья, счастья, радости,
прожить еще 100 лет!!!
Все мы Вас очень любим!!!
Обнимаем и целуем!
Все мы: А.С., стая деффечиков
и нечеловечий в Африке один Бююздик!

Поздравление меня с днём рождения

Алла Васильевна очень любила Ялту, любила гулять. Мы с ней ходили по городу, она рассказывала... Как интересно Алла Васильевна рассказывала!

Один из её любимейших праздников было 9 мая. Мы каждый год выходили на набережную, шли с колонной, слушали концерт. Ходили мы и в этом году, было немного прохладно, мы зашли отдохнуть и полакомиться мороженым в «33 пингвина». Ничто не предвещало, что через три с половиной

месяца Аллы Васильевны не станет.

Ушёл очень близкий мне человек. К сожалению, осталось очень мало людей, с кем можно говорить «по душам». Людей связывает идея, а общей для всех, близкой людям, идеи нет. И вот сейчас большинство в стране живёт по принципу «каждый за себя». А меня с Аллой Васильевной связывала идея познания мира. Нам было легко и интересно общаться, мы получали от этого удовольствие, ибо сказано: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20).

НЕВИДИМЫЕ МИРУ СЛЁЗЫ

По прочтении книги у читателя может сложиться впечатление об успешной, абсолютно счастливой жизни Аллы Васильевны в Доме-музее А.П.Чехова. При жизни Марии Павловны так и было. После её смерти все проблемы по Музею легли на плечи Аллы Васильевны. Нет, конечно, там работали сотрудники, выполняли свои обязанности, но поддерживать Дух Дома Чеховых, его мемориальность, как это было при Марии Павловне, это легло на плечи Аллы Васильевны. При этом она не шла ни на какие компромиссы. Если нужна плитка именно такая, то должна быть только такая; это же касалось цвета обоев, если в саду росла роза, которую сажал Антон Павлович, то расти должен только этот сорт роз. По жизни же ей чаще попадались директора, которые не были столь скрупулёзны, эти «мелочи» не трогали их за душу, и вместо того, чтобы просто выполнять указания Аллы Васильевны, они амбициозно проводили собственную неверную линию. Они же не жили в Доме, они не знали его душу! При этом Алла Васильевна

А.П.Чехов за посадкой деревьев в саду

испытывала душевные и даже физические мучения, когда видела нарушения в порядке ведения Дома, который стал Алле Васильевне даже ближе, чем родной, а его интересы стали выше интересов её личной жизни. В ней поселилась частичка души Марии Павловны, и Алла Васильевна, сражаясь за Дом, отстаивала уже интересы всех Чеховых, не обладая при этом директорскими полномочиями. Я много раз видел, когда, рассказывая об очередном нарушении в доме или саду, она с болью в голосе говорила о себе: – «Не видимые миру слёзы». Так назывался рассказ А.П.Чехова.

Хочу напомнить здесь те дела, которые Алла Васильевна не успела довести до конца. Может быть, её живая Душа через книгу с нашей помощью достигнет до сердец руководителей Ялты и Крыма, и эти работы по дому и саду будут выполнены.

Первый круг проблем связан с сохранением и спасением Дома-музея. Об этом статья Аллы Васильевны «Сохранить Дом-музей А.П.Чехова». Прочитав её, вы поймёте, сколько сил она положила на достижение этой цели. Есть проблемы, связанные и с садом, над которыми также билась Алла Васильевна, в частности, через сад пустили городскую грязную воду (Приложение 1). Самое обидное и страшное, что все эти проблемы – и дома, и сада решаемы, и деньги были, и Алла Васильевна была жива, и всё можно было сделать...

Помимо этих, Алле Васильевне наносились и личные обиды, в частности, когда директор Дома-музея не передал ей приглашение на поездку в Баденвейлер, куда она поехала за собственный счёт (Алла Васильевна была в Баденвейлере в 1994 и 2004 годах). Она получила это приглашение, потому что оно было продублировано письмом на её домашний адрес (Приложение 2).

Как личное оскорбление воспринимала Алла Васильевна любую неправду, сказанную о Марии Павловне или Ольге Леонардовне. Она тут же бралась за перо, говорила об этом вслух, а люди, допустившие в своих высказываниях ложь или незнание предмета, переставали для неё существовать.

В директорский стол было положено ходатайство и полный набор документов на присвоение Алле Васильевне звания заслуженного работника культуры РСФСР. Об этом в 1991 году перед директором Дома-музея А.П.Чехова Г.А.Шалюгиным ходатайствовал Московский Художественный Академический театр имени А.П.Чехова (МХАТ) за подписью художественного руководителя МХАТ СССР, Героя Социалистического труда, Народного артиста СССР О.Н.Ефремова и директора музея МХАТ, Народного артиста РСФСР В.С.Давыдова (Приложение 3.3). Такие звания посмертно не выдаются, но я хочу, приводя эти документы, показать, что Алла Васильевна, как и Мария Павловна, должна была иметь это звание, которого незаслуженно была лишена (Мария Павловна Чехова была Заслуженным деятелем искусств РСФСР).

Заканчивая эту книгу, хочу, чтобы вы, дорогие читатели, поняли, каким бойцом за спасение Дома-музея, чести и достоинства семьи Чеховых была Алла Васильевна Ханило. Для неё это была семейная проблема, потому что её Душа органически вошла в Душу семьи Чеховых, членом которой она, несомненно, является.

СОХРАНИТЬ ДОМ-МУЗЕЙ А.П.ЧЕХОВА

18 сентября 1898 года А.П.Чехов приехал в Ялту с намерением провести здесь зиму. Врачи запретили ему зимовать в Москве. Но уже 9 октября он писал сестре: «...Местные доктора настойчиво советуют завести маленький домик и в Ялте. <...> Здешний банк дает деньги на дом, и я уже поглядел землю <...> с превосходным видом на море и горы». Участок земли купил Чехов за городом, в деревне Аутка, там дешевле стоила земля. Антон Павлович приобрёл участок в долг, уплатил одну тысячу и остался должен три тысячи по закладной. Это был старый, заброшенный виноградник, косоугом спускающийся вниз от шоссе, весь в оврагах и чертополохе, с южной стороны граничащий с татарским кладбищем. В конце октября начались земляные работы по закладке фундамента. Через 10 месяцев, 9 сентября 1899 года, Чехов вместе с матерью и сестрой поселился в ялтинском доме, но окончательно работы в первом этаже дома были закончены в декабре.

26 сентября 1899 года А.П.Чехов писал к **А.И.Говалло**: «Милостивый государь Анастасий Николаевич! Приношу мою искреннюю благодарность

А.П.Чехов с архитектором Л.Н.Шаповаловым на балконе Дома

А.П.Чехов, О.Л.Книппер-Чехова и М.П.Чехова на прогулке в районе Ялты

Аутскому обществу за воду, которою я пользовался во время постройки, и прошу Вас передать мое пожертвование в пользу Аутской мечети 25 р. Имею честь быть с почтением. А.Чехов».

27 октября 1898 года в Ялту приехала Мария Павловна Чехова. Она вспоминала: «Первой фразой, которой встретил меня Антон Павлович на пристани в Ялте, была: – Знаешь, я купил участок, завтра пойдем смотреть. Вид изумительный. <...> На другой день мы пошли с Антоном Павловичем смотреть участок. Шли мы очень долго. <...> Когда же мы подошли к самому участку, то моим глазам представилось нечто невероятное: старый, корявый виноградник, обнесенный плетнем, ни дерева, ни кустика, никакой постройки. В довершение всего рядом, за плетнем, – татарское кладбище, и как нарочно в это время происходили похороны. Впечатление самое тяжелое».

Из уважения к А.П.Чехову через год с небольшим это кладбище закрыли.

Не всё так хорошо было в доме, как казалось Антону Павловичу, дом был построен на оползневом участке и к тому же близко к поверхности стояли подпочвенные воды.

11 мая 1901 года Чехов уехал в Москву, а Марии Павловне пришлось заниматься серьёзными ремонтными работами. 28 мая она писала брату: «Завтра у меня рабочие будут кое-что ремонтировать в доме. Был Бабакай (Подрядчик – А.Х.), и мы с ним советовались».

В одной из комнат первого этажа появилась очень большая сырость, северная стена примыкала к земляному откосу и вся почернела от сырости.

6 июня 1901 года Мария Павловна писала А.П.Чехову: «Теперь комната, где была Мария Федоровна, будет суха. Я сделала воздушное пространство снаружи той стены, которая уже почернела от сырости внизу. Делала по совету Бабака и Шаповалова (Архитектор, строивший дом. – А.Х.).

И далее все серьезнее. Через год после смерти Антона Павловича Мария Павловна писала Ольге Леонардовне Книппер-Чеховой 12 июня 1905 года: «Развалили все парадное крыльцо и начали копать под домом для осушки стен, красить все, плотничать тоже начали».

4 апреля 1916 года: «Паша замазала потолок в кабинете, и я все устроила по-прежнему».

11 мая 1916 года: «Милая Оля! Вчера начали ремонт кабинета и спальни. <...> В субботу начнут штукатурные работы».

12 июня 1916 года: «Кабинет и спальня приведены в порядок».

5 сентября 1916 года: «Дом наш садится на юго-запад, углом, где спальня Антона Павловича, трещины по потолку и новым обоям. Вернувшись из Мисхора, я не могла открыть окон в спальне – их придавило. Моя дверь наверху тоже не открывалась. Карниз выпер, того и гляди упадет! Теперь уже я не знаю, что делать! Положение серьезное, ремонтировать нельзя, да и не знаю как. Ожидая г. Шаповалова, что он скажет. А ремонт производить все-таки немислимо».

26 августа 1917 года: «В кабинете большая течь, залило весь диван, в спальне продолжается оползень, трещина увеличилась, наклейка разорвалась». При этом залило весь диван, он находился в нише под балконом Марии Павловны (3-й этаж), от оползня там разошлись керамические плиты, покрывающие пол балкона.

1927 года – землетрясение в Крыму. Весь 1928 год музей ремонтировали. Юго-западный угол укрепили металлическим поясом и поставили на углу контрфорс, вверху спальни проложили бетонные балки.

4 декабря 1929 года: « Подпорные стены валятся, их надо укреплять. Ремонт ограды входит в пятилетку, и я должна стараться».

25 апреля 1930 года: «Прислали из Главнауки 2400 руб. на устройство контрфорсов и работу нужно исполнять в боевом порядке».

Дом после землетрясения 14 ноября 1934 года: «Сейчас у меня идут работы по оползням, изрыли весь сад и за оградой на кладбище теперь роют, по причине осадки дома все еще не можем выяснить».

12 января 1940 года, через год после ремонта: «Много труда было с расстановкой вещей. Теперь столовая приняла такой вид, как было при Антоне Павловиче».

20 апреля 1945 года: «Сегодня закончили ремонт нижнего этажа – вышло очаровательно. В твоей комнате – переменили обои».

30 апреля 1945 года: «Твоя комната оклеена новыми обоями».

21 апреля 1945 года: «Я просила обои для своей комнаты и парусины для занавесей на окна».

3-го октября 1946 года все ремонтные работы проводились уже на моих глазах (А.Х.). Меня с первых дней работы в музее удивляла Мария Павловна своим необыкновенным вниманием к чеховскому дому, как к живому организму, о здоровье которого нужно было постоянно заботиться.

В 1948 года был проведён большой ремонт, краску и другие строительные материалы прислали в чеховский дом из государственной библиотеки им. В.И.Ленина. Она очень внимательно объясняла рабочим, что и как нужно делать. Т. е., по сути дела, она была хорошим инженером-строителем. С первых месяцев моей работы, она приглашала меня, чтобы я присутствовала при её разговорах с рабочими. Они четко выполняли её пожелания и удивлялись её эрудиции. В 1951 году Мария Павловна опять провела большие ремонтные работы по осушке западной стены дома, которая находилась в земле, там только окна кладовки и окно туалета были свободны, а остальная часть стен соприкасалась с землёй и всегда была мокрая от сырости.

Дом-музей А.П.Чехова в Ялте с 1926 года был филиалом Государственной библиотеки СССР им. В.И.Ленина. Когда в 1952–1953 годах стал заморозить чеховский сад, как болото, стояла вода, то Библиотека им. В.И.Ленина выделила большую сумму денег для спасения чеховского дома и сада. Была проведена большая работа по сохранению всего участка от подтопления подпочвенной водой. Вдоль подпорной стены проходит дорога с двухсторонним движением, городская трасса, улица Кирова. В парке выше дороги была проложена на большой глубине дренажная галерея и очистные колодцы с металлическими крышками, галерея ограждала дом и весь чеховский участок. Это много лет спасало дом и сад от затопления. Прежде инженер городского водоканала приходил и проверял состояние этих дренажей. Уже много лет никто не приходит и не интересуется этим.

Самый большой ремонт и реставрация были проведены с 1974 по 1980 годы. Шесть с половиной лет музей был закрыт на ремонт. Средства отпустила снова библиотека им.В.И.Ленина. Тогда было решено укрепить фундамент дома. Но когда сняли полы в первом этаже и откопали до основания фундамент, стали рушиться стены дома. В том же году в Москве шло укрепление стен Кремля. С Кремля снимают лучшую бригаду белокаменщи-

Трещина, проходящая сверху донизу

Эта трещина проходит и по отмосткам

ков – 10 человек – и присылают их в Ялту для укрепления стен чеховского дома. Вот такое было отношение к чеховскому дому. Эта бригада укрепила стены дома путём инъекций – цемент марки 600 и каменная инкерманская мука. Проект по укреплению стен дома был разработан инженерами Л.А.Каплиным и Н.А.Киревым, работами руководил Виктор Головин.

Реставрационные работы в 1974 году проводили специалисты Укрреставрации (архитектор Олег Граужис). Позже к этим работам были подключены «Фундаментпроект» и «Гипротееатр». Шесть с половиной лет шли работы по ремонту и реставрации. Таким образом, был спасён чеховский дом, и в 1980 году музей был открыт.

После этого был проведён ремонт в 2006 и в 2010 годах. Ремонты делались без соответствующего обследования Дома и оползневого участка. Через год после ремонта 2010 года опять поползли плитки на полу балкона 3-го этажа, и на потолке в нише кабинета образовалась большая площадь, поражённая грибком, – это все делает оползень.

3 декабря 2011 года в тридцати метрах от чеховского дома на южной стороне ниже по оползню началось строительство жилого дома. Был залит бетонный фундамент площадью 100 кв. м. (10x10). Как мы с Сергеем Сергеевичем Цыганковым потом выяснили в архиве библиотеки им. В.И. Ленина, строительство велось на охранной зоне вокруг Дома-музея А.П.Чехова. Охранная зона была установлена Решениями Исполнительного комитета Ялтинского городского Совета депутатов трудящихся № 538 от 23 октября 1968 года и Решением Исполнительного комитета Крымского областного

А.Ханило и председатель Постоянной комиссии Верховного Совета Автономной Республики Крым по культуре С.Цеков

Совета депутатов трудящихся №571 от 29 августа 1969 года «Об установлении охранной зоны и зоны регулируемой застройки вокруг Дома-музея А.П.Чехова в гор. Ялта» (Приложения 4–6).

В результате строительства 5 января 2012 года в кабинете А.П.Чехова над окном образовалась сквозная трещина, которая прошла и по обоям ниже окна, эта трещина видна снаружи, проходит и по отмосткам. Над Домом нависла угроза разрушения. После моих заявлений руководству Ялты, на сессию Верховного Совета Крыма и помощи С.П.Цекова ялтинский мэр через прокуратуру отозвал разрешение на строительство. Работы были приостановлены, но в любой момент они могут продолжиться. Это приведёт к полному разрушению Дома-музея А.П.Чехова, одного из бесценных памятников Ялты.

Важнейший этап восстановления и сохранения Дома-музея – это объективный анализ геодинамической обстановки территории, состояния дома. Он не был проведён ни в 2010, ни в 2018 годах. Это привело к тому, что после реконструкции Дома-музея, проведённой в 2010 году, на которую было потрачено 8 млн гривен (1 млн долл. США), трещины появились через год. К такому же результату привели работы, проведённые ООО «Меандр» в 2017–2018 годах, на которые было истрачено 40,5 млн рублей.

А ведь мы с Сергеем Сергеевичем в 2013 году провели обследование Дома-музея, написали отчёт и рекомендации. В отчёте ясно прозвучало, что

дом находится в критическом состоянии. Мы написали письма в оползневое управление, водоканал и т. д. Мы договорились с Московским государственным строительным университетом (МГСУ), что они могут заняться этой проблемой и проведут следующие работы: обследование комплекса сооружений музея с фундаментами; геологические изыскания на территории музея и прилегающей территории; геофизические и гидрогеологические исследования; геодезические работы на предмет сдвигов и деформаций; разработают систему мониторинга и выполнят мониторинг за деформированным состоянием сооружений; разработают проект усиления зданий; разработают проект укрепления оползневого склона. Только выполнение этих работ может обеспечить качественные ремонтные работы и длительную сохранность дома. К сожалению, наши рекомендации и предложения МГСУ не были приняты во внимание, и до сих пор дом испытывает проблемы, связанные с геодинамической устойчивостью.

Три года мы обращаемся к мэром Ялты с просьбой восстановить охранную зону, согласно принятым Решениям 1968 и 1969 годов (Приложения 7–9), и разобрать конструкции дома, возводимого рядом с Домом-музеем. Весь круг проблем, связанных с Домом-музеем, неоднократно докладывали руководству Ялты и Крыма. Последний раз отдавали «Дорожную карту на решение вопроса обеспечения сохранности Дома-Музея А.П.Чехова и проведения необходимых ремонтно-восстановительных работ» (Приложение 10) в марте 2019 года.

Дом-музей стал ареной борьбы личных интересов и амбиций и абсолютного забвения интересов культуры Ялты, Крыма и России.

Председателю
Совета министров Республики Крым
Ахсену С.В.
заслуженного работника культуры АРК,
Лауреата премии им. А.П.Чехова,
Почетного гражданина Ялты
Ханнило А.В.

Открытое письмо

Глубокоуважаемый Сергей Валерьевич!

Прежде всего, хочу высказать слова благодарности за Ваш неоценимый вклад по возвращению Крыма в Россию. С большой надеждой, что Вы окажите содействие в сохранении духовной сокровищницы русской культуры – Дома-Музея А.П. Чехова в Ялте «Белая дача».

Ситуация сложившаяся в настоящее время требует вмешательства и контроля на уровне Правительства Крыма. Речь идет не только о срочнейших исследованиях оползневых процессов, укрепления склонов и самого здания. Я не сомневаюсь, что Федеральный бюджет России, при Вашем содействии выделит на это средства. А о том, что мы теряем сегодня и можем навечно утратить уже завтра – Чеховском саде.

По недомыслию предыдущих властей Ялты через территорию сада уже более 25 лет осуществляется сброс ливневых и поверхностных стоков загрязненных не только дорожными остатками ГСМ, но тяжелыми металлами и нечистотами. Самое страшное, что эта вода собирается в накопители и используется для орошения сада. По непонятным причинам у деревьев подгнивают корни. Только в прошлом году сад утратил по этой причине три дерева, и среди них пальму, посаженную Антоном Павловичем.

Мне посчастливилось застать чеховский сад в первоначальном виде. К великому сожалению он меняет не только свое лицо, но что самое страшное чеховский дух и к великому сожалению, почитатели великого писателя, уже завтра могут не увидеть сад глазами А.П. Чехова.

Не обдуманно пересаживаются, а иногда выкорчевываются с корнем, растения, посаженные Антоном Павловичем, которые могли бы еще жить. Утрачена поляна подснежников и чеховский розарий, который, в соответствии с каталогами конца XIX начало XX веков, поддерживался Марией Павловной Чеховой, а до 1980 года дирекцией Государственной библиотекой России, в прошлом имени В.И. Ленина, в структуру которой входил Дом-Музей А.П. Чехова. Сегодня эта традиция утрачена.

Что нужно сегодня для спасения Чеховского сада?

1. Незамедлительно провести ревизию перечня всех растений и места их посадок на соответствие с оригинальной схемой закладки сада.
2. Провести геохимический анализ почв сада и при необходимости улучшить её структуру биогумусом и другими биопрепаратами.

3. Провести гидрологические исследования, как самой территории сада, так и охранной зоны.
4. Укрепить южную подпорную стену сада.
5. Немедленно прекратить полив сада из сбрасываемого стока грязных поверхностных ливневых вод проходящих через территорию Дома-Музея, аккумулированных в емкости, заменив их водами источника Хоста-Баш, или речки Водопадной.
6. Привести осуществляемый полив в соответствии с научно обоснованными нормами и перевести полив на капельное орошение.
7. Воссоздать схему закладки чеховского сада, с последующей его реконструкцией согласно каталогам растений и описания сада А.П. Чеховым, М.П. Чеховой, Ю.Л. Книппер-Чеховой, современников А.П. Чехова и др. архивным материалам.
8. Восстановить весь цветочный ассортимент в местах их высаживания А.П. Чеховым: розы в соответствии с чеховским каталогом, а также ирисы, лилии белые, маргаритки, анютины глазки, незабудки, ландиоль, подснежников, газонные полянки клевера и др. цветочные растения.
9. Восстановить посадки деревьев посаженных А.П. Чеховым и утраченных за последние время.
10. Возродить ежегодную обработку почвы и ограничить выход посетителей за рамки чеховских дорожек, оградив их от остальной территории сада декоративными ограждениями, что значительно уменьшит нагрузку на почву сада.
11. Создать постоянную комиссию при министерстве культуры Крымской Республики, куда бы вошли специалисты Московского и Крымского ботанического садов, почвоведы и чеховеды. Одной из задач которой будет создание проекта реконструкции чеховского сада и ведения постоянного мониторинга за состоянием почвенной биоты, сохранением видов растений и исторических мест их посадки, а также угрозы подтопления сада.

С октября 1946 года я участвовала в уходе за садом, хорошо помню и знаю, где и что произрастало, десятки лет собирала и обрабатывала архивные материалы по истории закладки чеховского сада. Сегодня уже готова машинописная рукопись книги с рабочим названием «Сад А.П. Чехова в Ялте», которая я надеюсь, увидит свет в этом году. Я буду рада, если эти работы лягут в основу проекта реконструкции чеховского сада и готова лично возглавить работу этой постоянной комиссии.

Сергей Валерьевич!

Я обращаюсь к Вам, как к человеку, внесшего значительный вклад в сохранении русской культуры и надеюсь, что с Вашей помощью мы восстановим и сохраним сад Антона Павловича Чехова, как пример бережного отношения к духовному наследию.

Я была бы Вам глубоко признательна за официальный ответ на настоящее обращение, который прошу отправить по адресу: Ялта, ул. Боткинская 27/ул. Кирова 34, кв.9 А. В. Ханило, тел (096) 934-63-65

С уважением,
Заслуженный работник культуры АРК,
Лауреата премии им. А.П.Чехова,
Почетный гражданин Ялты

Ханило А.В.

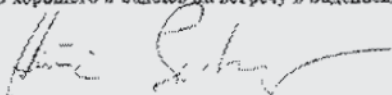
BADENWEILER
AQUAE | VILLAE

Heinz Setzer
Leiter des Literarischen Museums "Tschchow-Salon"
und des internationalen Literaturforums Badenweiler;
Planungsleiter des Internat. Tschchow-Gedenkjahrs 2004 in Badenweiler;
Poststr. Kaisersr. 5, 79410 Badenweiler
Tel.: 07632-799-400 od. -410 od. -450, Fax -115
privat: Kapellenstr. 5a, 76829 Landau
Tel.: 06341-33852; Fax -930045.
Mobil: 0170-9606338. eMail: Heinz.Setzer@t-online.de
Хейнц Зетцер
дир. литературного музея Чеховского салона
в Баденвейлере
Капелленштрассе 5а
76829 Ландау / Пфальц,
ФРГ

Ландау, 17-02-2004

Украина
98635 Ялта, Крым
ул. Ботаническая 27, кв. 9
Г-же Ангелина Васильевна Ханило

Уважаемая Ангелина Васильевна,
я очень извинюсь за то что я так долго не дал читать от себя.
Я был в отпуске в начале января русский вариант официального приглашения из
Третьей Международной Симпозиум в Баденвейлере, однако же добавил только
из-за недостаток времени короткий личный привет.
До сих пор я ожидаю ответ и теперь сомневаюсь в том, что вы вообще получили
мое письмо. Я пишу приглашение теперь по новому. Будьте так добры мне как
можно скорее сообщить о получении письма.
Моя коллега Хейде Виллах-Ледерберг, которую тоже знаете, и я вас уже
включили в круг докладчиков на конгрессе. От г-ни Вюрн мы узнали, что вы
намереваетесь выступить с докладом над темой "Вишневый сад". Пожалуйста
подтвердите тему и пошлите нам как можно скорее подробное название доклада.
Дорогая Ангелина, я чувствую себя вам очень обязанным. Вы уже так много
сделали для нашего музея и мне передали так интересные материалы, что я
глубоко благодарен Вам. Я только в сроке свободных дней около Нового Года еще
раз читал в вашей статье об Автоном Павловиче и Ольге в Крымской газете.
Статья мне очень понравилась!
Я еще вгорчусь обо себе, так как мне не удалось передать вам подарок для нашего
музея через г-на Вюрна в сентябре, но я дурако был перегружен обязанностями. В
сентябре я должен был написать сложную заявку для финансирования
мемориального Чеховского года, участвовал в Чеховской конференции в Таганроге и
планировал программу за 2004-ий год в Баденвейлере.
Я вам пошлю предварительную программу в том конверте, видите сам что все
развивалось.
Надеюсь что письмо будет вас достичь, позвоните мне по телефону после получения.
Здесь мой частный номер телефона 0049-6341-33852, факс 0049-6341-930045,
мобильный тел. 0170-9606338. Если у вас есть электронную почту, то это самое
быстрее: у меня адрес: Heinz.Setzer@t-online.de .
Желаю здоровья и всего хорошего и надеюсь на встречу в Баденвейлере.
Сердечные пожелания

Literarisches Museum
"TSCHCHOW-SALON"

Приложение 3

Министру культуры
Российской Федерации
В.Р.Мединскому

Уважаемый Владимир Ростиславович!

01.11.2017 исполнился 71 год, как я стала сотрудницей Дома-музея А.П.Чехова в Ялте. На работу меня принимала сама Мария Павловна Чехова, которая стала моей великодушной Воспитательницей на протяжении 10 лет моей ежедневной работы с ней в музее (приложение 3.1.). 13 лет я встречалась с Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой, когда она была в Крыму, или я у неё в Москве (приложение 3.1а.). Там я познакомилась с её друзьями, великолепными актрисами МХАТа: С.С.Пилявской, О.Н.Андровской, А.К.Тарасовой, А.И.Степановой. Я встречалась с Б.Н.Ливановым, А.Н.Грибовым, М.М.Яншиным, Н.И. Боголюбовым, В.В.Белокуровым, Н.И.Дорохиным, О.Н.Ефремовым и другими. Когда я спросила Андрея Попова, перешедшего во МХАТ из Центрального театра Советской армии, «почему он это сделал», то он ответил: «На старости лет хотел играть в хорошем театре». С И.М.Смоктуневским нас связывала «общая тайна». Участвовала в пополнении музея Театра. После смерти О.Л.Книппер-Чеховой в 1959 году в её квартире жила её секретарь и помощница Софья Ивановна Бакланова, после смерти которой в 1967 году всё имущество перешло племяннику Ольги Леонардовны, Льву Константиновичу Книпперу. Он решил всю бесценную мебель, которую в 1903 году Антон Павлович и Ольга Леонардовна Чеховы покупали вместе для своего дома, сдать в комиссионный магазин. Я приехала в Москву и уговорила его передать мебель в музей, и, в частности, МХАТа. Я разбирала её личный архив и всё, что касалось Театра, я передала директору музея МХАТа Фёдору Николаевичу Михальскому, с которым, а потом с Владленом Семёновичем Давыдовым, я плодотворно сотрудничала много лет (Приложение 3.2.). В Ялту я перевезла всю обстановку спальни Ольги Леонардовны и часть гостиной, что дало возможность открыть первый этаж Чеховского дома.

27.06.1991 Московский Художественный Академический театр Союза ССР имени А.П.Чехова (МХАТ) ходатайствовал перед директором Дома-Музея А.П.Чехова Г.А.Шалюгиным о рассмотрении вопроса о присвоении мне звания заслуженного работника культуры РСФСР (Приложение 3.3.).

Члены Научно-методического Совета музея проголосовали единогласно «за» (Приложение 3.4.). Было проведено общее собрание работников музея, которые выразили своё согласие (Приложение 3.5.). Это решение вторично поддержал МХАТ (Приложение 3.6.). Необходимые документы были собраны осенью 1991 года и отданы директору. Однако после развала СССР этим вопросом больше никто не занимался (Приложение 3.5.). Директор, что называется, положил «документы в стол». Однако материалы на себя на присвоение звания заслуженного работника культуры Украины

отправил, и в 1994 году это звание ему было присвоено. И это при том, что в 1994 году из Музея пропал ценнейший экспонат – семейная икона Чеховых.

В прошлом году я обратилась к министру культуры России. В своём ответе посоветовали начать всё заново, что мне сейчас просто невозможно по состоянию здоровья.

Прошу Вашей помощи в деле восстановления справедливости по отношению ко мне и присвоения звания Заслуженного работника культуры России, гражданином которой я всегда себя считала.

В 2003 году Президент России Владимир Владимирович Путин приезжал в наш Музей с Президентом Украины, и мы все вместе сфотографировались (Приложение 3.7.). Все сотрудники прижались к Леониду Даниловичу Кучме, а я встала рядом с Владимиром Владимировичем. После фотографирования я сказала сотрудникам, что они поступили нехорошо. Они мне ответили: «А мы встали к своему Президенту», а я им ответила: «А я к своему Президенту». Так что я 4 мая 2003 года выбрала для себя и для Крыма Президентом Владимира Владимировича Путина.

Надеюсь, что Вы найдёте время, и я покажу Дом таким, каким его видела Ольга Леонардовна.

Заранее с громадной благодарностью,
Ветеран Великой Отечественной войны, работник Музея с 1946 года, Заслуженный работник культуры АРК, Лауреат премии имени А.П.Чехова, Медали Леонардо да Винчи, Медали «За честь и достоинство музейного работника Крыма», Член Союза Российских писателей, Почётный гражданин Ялты, кавалер ордена «Миротворца» II степени, Лауреат звания «За отличную работу» Министерства культуры СССР (1971, 1977 и 1991 годов).

Ангелина (Алла) Васильевна
Ханило
г. Ялта, ул.Боткинская, 27/Кирова, 34, кв. 9.
телефон 8-978-858-99-46

P.S. Письмо Вам доставит моё доверенное лицо Цыганков Сергей Сергеевич, член-корреспондент Российской академии естественных наук, с которым мы занимаемся спасением Дома-музея от природно-техногенных опасностей. Его телефоны 978-858-9950, 919-410-3986.

А. П. ЧЕХОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

РАССКАЗЫ

1880—1882

Дорогой Павел

на добрую

память

твоего приезда

22 Окт. в Москве

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1944

Ольга Леонардовна

Приложение 3.1 а.

Надпись, сделанная Ольгой Леонардовной в день её 90-летия

Нашей дорогой Олге
с дружелюбными пожеланиями
и уважением
Александр Диканя

ФОТО
ОРЛОВА
НИКОЛАЯ ДМИТРИЕВИЧА
334200, КРЫМ-ЯЛТА
УЛ. САДОВАЯ 28, КВ. 17
Т. 32-01-88

МОСКОВСКИЙ
ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР Союза ССР
ИМЕНИ А. П. ЧЕХОВА

103009, Москва, проезд Художественного театра, 3

«27» сентября . . . . . 1991 г.

№ 429

ДИРЕКТОРУ ЯЛТИНСКОГО
ДОМА-МУЗЕЯ А. П. ЧЕХОВА

Т. ШАЛЮГИНУ Г. А.

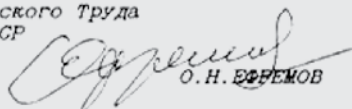
Уважаемый Геннадий Александрович!

Руководство МХАТ СССР им. А. П. Чехова и музея МХАТ ходатайствуют о рассмотрении вопроса присвоения звания заслуженный работник культуры РСФСР старейшему работнику музея Ханило А. В. . 45-летний преданный и бескорыстный труд которой способствует пропаганде творческого наследия А. П. Чехова. Воспитанница, а затем соратница М. П. Чеховой Ханило А. В. много сделала для создания прекрасной экспозиции музея. Сохраняя атмосферу Чеховского дома и мест, связанных с именем великого писателя, Ханило А. В. вводит посетителей дома-музея в тайну творчества мастера, открывая каждый раз новое и прекрасное в любимом писателе.

Мы надеемся на Ваше понимание в решении данного вопроса.

С уважением

Художественный руководитель
МХАТ СССР им. А. П. Чехова
Герой Социалистического Труда
Народный артист СССР

О. Н. ЕФРЕМОВ

Директор Музея МХАТ
Народный артист РСФСР

В. С. ДАВЫДОВ

ВЫПИСКА

из протокола № 6 заседания научно-методического совета
Музея-памятника А.М.Чехова от 23.03.11.

Присутствовали: Фомина Л.А. (председатель), Шалюгин Г.А. директор музея, Рогачев Н.П., Ханило А.В., Головачева А.Г., Скобелев Ю.Н., Пазюк И.И., Севастьянов И.Н. (члены).

П. СЛУШАЛИ:

Шалюгина Г.А., директора музея. В музей пришло письмо от С.И.Ефремова и В.С.Ламыдова с присвоением заслуженного деятеля культуры Ханило А.В.

Есть предложение по поводу ходатайства: мы должны провести общее собрание коллектива и представить выписку о решении.

Мнение методсовета:

Скобелев Ю.Н., гл. хранитель. Поддержать ходатайство.

Фомина Л.А., зам. директора по научной работе. Проработал 40 лет в музее, человек вполне заслуживает это звание.

Рогачев Н.П., Золстых В.М., научные сотрудники – за.
Единогласно.

ПОСТАНОВИЛИ: подготовить проект документа о присвоении звания, узнать в отделе культуры, какие документы необходимы и дополнить (Фомина Л.А.).

Выписка верна:

директор музея

Зам. директора

по научной работе

Секретарь

Г.А. Шалюгин

А.Г. Головачева

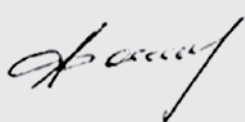
И.И. Пазюк

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

В бытность мою зам.директора по науке в Доме музея А. П. Чехова, осенью 1991 года по представлению директора музея Г. А. Шаюгина на метод. совете, ~~еще~~ было единогласно принято решение о хадатайстве по присвоению звания заслуженного работника Украины А. В. Харпило. Мне было поручено провести общее собрание коллектива, после чего начать сбор необходимых документов. Собрание было проведено в конце года, где сотрудники музея выразили свое согласие. Мною были сделаны телефонные запросы о необходимых документах. Но ввиду того, что в начале 1992 года я уволилась из музея, то в дальнейшем этим вопросом ~~я~~ уже не занималась.

Директор городского
Центра культуры и досуга:

10.04.1997 г.

 Л. А. Фомина

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР

**МУЗЕЙ
МОСКОВСКОГО
ХУДОЖЕСТВЕННОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА**

103846, Москва, проезд Художественного театра, д. 3г

тел. 229-00-80, 229-92-03

.....

..... 199

Первому заместителю Министра
Культуры СССР
И.У. Сохт-Бабункину

Руководство Музея МХАТ СССР поддерживает ходатайство
трудоого коллектива ялтинского Дома-музея А.П.Чехова о прис-
воении старейшему сотруднику музея А.В.Жанило звания-заслу-
женный работник культуры РСФСР.

Директор Музея МХАТ СССР
Народный артист РСФСР

В.С.Лавилов

Приложение 3.7.

Копия

Р Е Ш Е Н И Е

Исполнительного комитета Ялтинского городского
Совета депутатов трудящихся

гор. Ялта

№ 538-м

23 октября 1968 года

Об установлении охранной зоны и зоны
регулирования застройки вокруг Дома-
музея А.П.Чехова в Ялте

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 года "О мерах улучшения охраны памятников культуры" и строительными нормами и правилами /часть II, раз.К, гл. 2,13/, утвержденными Госстроем СССР 7 мая 1966 года и приказом Госстроя СССР № 134 от 9 августа 1968 года-

Исполком городского Совета депутатов трудящихся

Р Е Ш И Л:

1. Установить охранную зону и зону регулирования застройки Дома-музея А.П.Чехова в Ялте в границах согласно прилагаемой схеме.

2. Включить в охранную зону и зону регулирования застройки Дома-музея А.П.Чехова следующую территорию и находящиеся на ней постройки и зеленые насаждения:

- с северной стороны- ул. Кирова с домами № 125,127, прилегающая к ней площадь и выше площади им. И.П.Чеховой сквер до ул. Турмана,

- с восточной стороны- дом и сад по ул. Кирова № 108,

- с южной стороны- территория дома отдыха "Запорожье", свободная от строений до ул. Ломоносова, дома № 41,43,45,47,49,51, 53 по ул. Ломоносова,

- с западной стороны- ул. Музейная с домами № 1,2,3,4,5,6,7, 8, пер. Короткий с домами № 1,3,5,

3. Просить исполнительный комитет Крымского областного Совета депутатов трудящихся утвердить настоящее решение.

Председатель Ялтинского
горисполкома

И. Король

Секретарь горисполкома

В. Турсин

Губерна: *Н. Мельдон* Н. Мельдон

Копия

Р Е Ш Е Н И Е
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА КРЫМСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

гор. Симферополь §571 29 августа 1969 года

Об установлении охранной зоны и зоны ре-
регулируемой застройки вокруг Дом-
музея А.П.Чехова в гор. Ялте.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. № 3898 " О мерах улучшения охраны памятников культуры " и приказом Госстроя УССР от 9 августа 1968 г. № 134 исполком областного Совета депутатов трудящихся РЕШИЛ:

1. Утвердить решение Ялтинского горисполкома № 358-м от 23 октября 1968 г. "Об установлении охранной зоны и зоны регулирования застройки вокруг Дома-музея А.П.Чехова в гор. Ялте" в границах согласно прилагаемой схеме.

2. Обязать Ялтинский горисполком /т.Король/ при застройке прилегающих кварталов строго соблюдать границы охранной зоны и зоны регулирования застройки вокруг Дома-музея А.П.Чехова и не допускать случаев их нарушения.

3. Контроль за выполнением настоящего решения возложить на областной отдел по делам строительства и архитектуры /тов. Мелик-Парсиданов/.

Председатель
исполкома областного Совета
депутатов трудящихся

Т.Чемодуров

Секретарь
исполкома областного Совета
депутатов трудящихся

Н. Сахаров

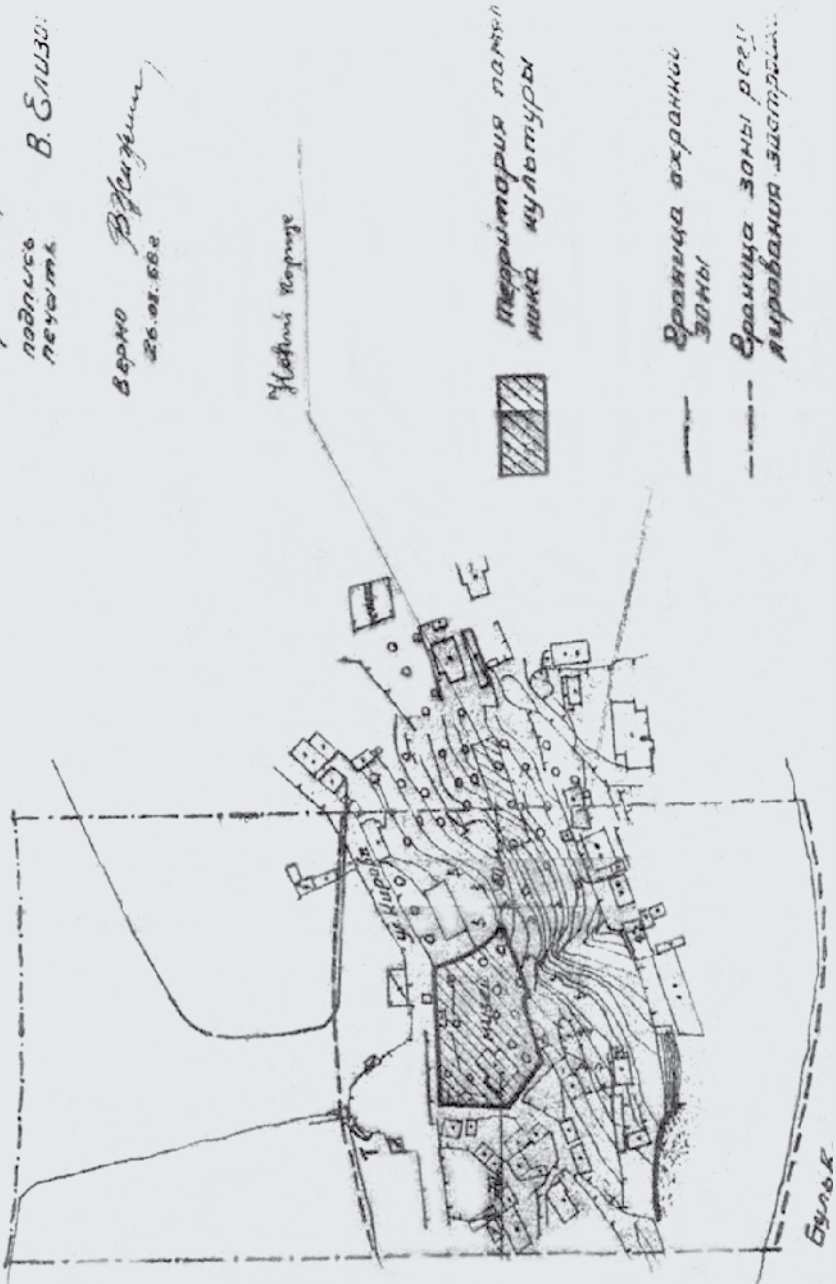
Копия верна:

Н. Мельников

Утверждаю: Приложение 3
Заместитель председателя
Госстроя Украинской ССР

подпись
печать В. СЛИЗОВ

Верно В. Слизов
26.01.58г.

Главе администрации города Ялта
Ростенко А.О.

Глубокоуважаемый Андрей Олегович!

В создаваемом проекте планировки и проекте межевания территории города Ялта просим учесть и принять к исполнению Решение Исполнительного комитета Ялтинского городского Совета депутатов трудящихся №538 от 23 октября 1968 г. и Решение Исполнительного комитета Крымского областного Совета депутатов трудящихся №571 от 29 августа 1969 года «Об установлении охранной зоны и зоны регулируемой застройки вокруг Дома-музея А.П. Чехова в гор. Ялта» (приложения 1 и 2).

В последнее время произошла застройка южной и западной сторон в нарушении установленных зон (схема охранной зоны - приложение 3).

На южной стороне, «свободной от застройки до ул. Ломоносова» в нарушение охранной зоны началось возведение жилого дома в непосредственной близости от Дома-музея. Это привело к образованию в Доме трещин и сдвижек по ним. После многочисленных заявлений А.В. Ханило работы были приостановлены, но многотонная плита площадью 10мх10м осталась и действует как добавочная нагрузка на оползневой участок.

На западной стороне в нарушение охранной зоны и зоны регулируемой застройки, полностью застроен пер. Короткий. Ворота ограды, возведенных строений, лежат на опорной стене Музея, что портит его вид и с внутренней стороны. Эта застройка привела к развитию трещин в здании флигеля.

С северной стороны вдоль ограды Музея установлены мусорные баки, что Музей не украшает.

Просим восстановить охранную зону вокруг Музея, предписанную Решениями Руководящих органов города Ялты и Крыма и разобрать незаконно построенные сооружения.

С уважением

Заслуженный работник культуры АРК, Лауреат премии имени А.П. Чехова, Медали Леонардо да Винчи, Медали «за честь и достоинство музейного работника Крыма», Член Союза Российских писателей, Почётный гражданин Ялты, кавалер ордена «Миротворца» II степени, Лауреат звания «За отличную работу.» Министерства культуры СССР (1971, 1977 и 1991 года), Член-корреспондент Российской академии естественных наук

А. Ханило Ханило А.В.

Цыганков С.С.

Тосуреев 15.02.17
Начальник
отдела по работе с
обращениями граждан

Главе администрации города Ялта
Сотниковой Елене Олеговне!

Глубокоуважаемая Елена Олеговна!

Прошел год, как мы отправили письмо на имя Ростенко А.О. (приложение 1), в котором просили учесть и принять к исполнению Решение Исполнительного комитета Ялтинского городского Совета депутатов трудящихся №538 от 23 октября 1968 г. и Решение Исполнительного комитета Крымского областного Совета депутатов трудящихся №571 от 29 августа 1969 года «Об установлении охранной зоны и зоны регулируемой застройки вокруг Дома-музея А.П. Чехова в гор. Ялта» (приложения 2 и 3).

На южной стороне, «свободной от застройки до ул. Ломоносова» (схема охранной зоны - приложение 4) в нарушение охранной зоны в 2010 году началось возведение жилого дома в непосредственной близости от Дома-музея. Это привело к образованию в Доме трещин и сдвижек по ним. Над Домом нависла угроза разрушения. После многочисленных заявлений А.В. Ханило и помощи С.П. Цёкова работы были приостановлены. Сейчас эти работы возобновились. Их опять временно приостановили, но в любой момент они могут продолжиться. Это приведет к полному разрушению Дома-Музея А.П. Чехова.

Просим срочно восстановить охранную зону вокруг Музея, предписанную Решениями Руководящих органов города Ялты и Крыма, строительство остановить, а возведенные постройки разобрать.

С уважением

Заслуженный работник культуры АРК, Лауреат премии имени А.П. Чехова, Медали Леонардо да Винчи, Медали «за честь и достоинство музейного работника Крыма», Член Союза Российских писателей, Почётный гражданин Ялты, кавалер ордена «Миротворца» II степени, Лауреат звания «За отличную работу.» Министерства культуры СССР (1971, 1977 и 1991 года).

Ханило А.В.

Депутат Ялтинского городского Совета Республики Крым

Алексеева И.М.

Член-корреспондент Российской академии естественных наук

Цыганков С.С.

Ханило 26.02.2015. С.У.

Главе администрации города Ялта
Челпанову А.В.

АДМИНИСТРАЦИЯ ГОРОДА ЯЛТА
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
Тел. (8654) 20-51173

ПОЛУЧЕНО

Прошло два года год, как мы отправили письма на имя Ростенко А.О. и Сотниковой Е.О.

(приложение 1), в которых просили учесть и принять к исполнению Решение Исполнительного комитета Ялтинского городского Совета депутатов трудящихся №538 от 23 октября 1968 г. и Решение Исполнительного комитета Крымского областного Совета депутатов трудящихся №571 от 29 августа 1969 года «Об установлении охранной зоны и зоны регулируемой застройки вокруг Дома-музея А.П. Чехова в гор. Ялта» (приложения 2 и 3).

На южной стороне, «свободной от застройки до ул. Ломоносова» (схема охранной зоны - приложение 4) в нарушение охранной зоны в 2010 году началось возведение жилого дома (фото) в непосредственной близости от Дома-музея. Это привело к образованию в Доме трещин и сдвижек по ним. Над Домом нависла угроза разрушения. После многочисленных заявлений А.В. Ханило и помощи С.П. Цыганков работы были приостановлены. Сейчас эти работы возобновились. Их опять временно приостановили, но в любой момент они могут продолжиться. Это приведет к полному разрушению Дома-Музея А.П. Чехова.

Просим срочно восстановить охранную зону вокруг Музея, предписанную Решениями Руководящих органов города Ялты и Крыма, строительство остановить, а возведенные постройки разобрать.

С уважением

Заслуженный работник культуры АРК, Лауреат премии имени А.П. Чехова, Медали Леонардо да Винчи, Медали «за честь и достоинство музейного работника Крыма», Член Союза Российских писателей, Почётный гражданин Ялты, кавалер ордена «Миротворца» II степени,

Лауреат звания «За отличную работу.» Министерства культуры СССР (1971, 1977 и 1991 года).

Член-корреспондент Российской академии естественных наук

Ханило А.В.

Цыганков С.С.

Фотография строящегося дома, сделанная от стены Музея.

Приложение 10

Главе администрации города Ялты
Челпанову А.В.
Главному архитектору города Ялта
Орлинской Е.Д.

Дорожная карта

на решение вопроса обеспечения сохранности Дома-музея А.П.Чехова и проведения необходимых ремонтно-восстановительных работ

Общие сведения.

1. «Белая Дача» А.П.Чехова в Ялте находится в критическом состоянии из-за протекающих опасных геодинамических процессов:

1.1. Оползневая опасность:

Музей расположен на активном оползне. Процессу деформации и разрушения здания способствует подтопление массива. Эти явления имели место изначально, что подтверждается письмами Марии Павловны ещё в начале XX века и активно продолжались до крупных реставрационно-восстановительных работ, проведённых в 1952–1980 годах, которые на время их приостановили. В последние годы они активизировались. Этому процессу способствуют:

1.2. Антропогенные факторы:

– Более 20 лет не реставрировалась дренажная система, построенная в 1952–1953 годах

– Ялтинские власти без заключений экспертов изменили схему сброса ливневых и поверхностных стоков в районе музея, ранее он проходил по ул. Кирова в сторону города и сбрасывался в море, сегодня этот сброс проходит через территорию музея;

– Незаконная разработка и застройка территории, с юга примыкающая к территории Дома-музея. Развёрнутое самовольное строительство противоречит Решениям Ялтинского и Симферопольского горисполкома 1968–1969 годов.

2. Важнейший этап восстановления и сохранения Дома-музея – это объективный анализ геодинамических данных территории и состояния Дома. Он не был проведён ни в 2010, ни в 2018 годах.

3. Признать, что Дом-музей А.П.Чехова в Ялте находится в критическом состоянии.

4. Признать необходимость срочного проведения укрепляющих и восстановительных работ в Доме и на территории.

5. Рекомендовать назначить Отдел культуры города Ялты Государственным заказчиком предстоящих работ.

6. Для руководства проведения работ создать постоянно действующую Рабочую группу при правительстве Ялты.

7. В Государственном Архиве Республики Крым (Симферополь) взять материалы по техническому состоянию здания Дачи-музея А.П.Чехова и прилегающей территории по состоянию на 1951–1972 годы.

8. Крымскому противооползневому управлению, Гидрогеологической и инженерно-геологической партии г. Ялта представить материалы, проведённых за последние годы инструментальных обследований устойчивости участка Дома-музея, сравнить их с результатами обследований 1951–1972 годов, и доложить рабочей группе результаты анализа устойчивости территории.

9. Пригласить специалистов по оползевым процессам из Московского инженерно-строительного университета, создать совместную комплексную экспедицию с привлечением студентов (на летний период), провести необходимые изыскания и разработать рекомендации по реконструкции Дома-музея и территории.

10. Поручить КРП «Производственному предприятию водопроводно-канализационного хозяйства» провести обследование и очистку созданных выше музея дренажных галерей и убрать сток городской воды через территорию Музея.

11. На ДOME установить трещиномер с постоянной регистрацией деформаций здания.

12. Юридическим службам Ялтинского Исполкома срочно разобраться с незаконным строительством частного дома ниже Музея по оползню, противоречащему постановлениям Ялтинского горисполкома 1968–1969 годов. Установленные конструкции разобрать и вывезти.

13. Поручить Рабочей группе в месячный срок подготовить документацию для объявления конкурса на выполнения работ (включая разработку проектно-сметной документации).

*Заслуженный работник культуры АРК,
Лауреат премии им.А.П.Чехова,
Почётный гражданин Ялты Ханило А.В.
Вице-президент «Ассоциации
«Содействие защите населения»»,
член-корреспондент Российской академии
естественных наук, к. ф. м. н. Цыганков С.С.*

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Духовный потомок семьи Чеховых.....	5
Слава России!.....	10
«Мой Президент».....	11
Поздравление Президента Российской Федерации с 90-летием Ангелины (Аллы) Васильевны Ханило.....	11

ГЛАВА I. СТАТЬИ

Поездки Чехова по монастырям и храмам	13
Самые близкие.....	37
Страницы истории рода Чеховых и страницы истории Российского военно-морского флота	43
Участники Крымской конференции в Чеховском доме.....	47
По следам одной записи	49
In the footsteps of one record	54
Письмо королеве Великобритании.....	57
Letter to the Queen of Great Britan	58
Послание маленького снеговичка детям и даже взрослым!.....	59
А.П.Чехов: познание – счастье – бессмертие	62
А.П.Чехов и К.Э.Циолковский.....	65

ГЛАВА II. ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания Аллы Васильевны Ханило	67
Довоенное детство.....	67
Как меня приняли в пионеры.....	77
А.П.Гайдар.....	77
Оккупация.....	81
Первое близкое знакомство с немцами	82
Что-то человеческое есть и у них.....	82
Мы – советские пионеры.....	83
Я предсказываю окончание войны.....	84
Угоняют в Германию.....	84
В школу	85
Случай новейшего средневековья	87
Бастуем мычанием	88
Духовная защита	89
Бомбёжка	89
Как новогодняя ёлка спасла нас	91
Ливадийский дворец.....	93
Моя маленькая победа.....	94

Последние дни оккупации.....	95
После освобождения	97
На работу в Музей Антона Чехова	100
Снежная баба. Новый год в новом Доме.....	107
Кошка Марии Павловны	111
Моё причастие вместе с Марией Павловной	111
Племянники Марии Павловны и Ольги Леонардовны.....	112
Юбилей Марии Павловны.....	114
Знакомство с Иваном Семёновичем Козловским.....	115
Владлен Давыдов, начало знакомства	119
«Будь осторожен с ней, она и тебя обставит»	120
1950 год	121
Скатерть Ольги Леонардовны.....	123
Командировка в Москву	124
По театрам. На месте К.С.Станиславского.....	125
1951 год	129
Пробки от шампанского.....	130
Отпуска в Москве	130
Моё страстное желание учиться.....	131
Работа в архивах.....	132
Чуть не утонула	133
Внук Сталина	134
На экзамены, в институт	135
Открытие памятника А.П.Чехову	138
Наконец, я зачислена в институт	138
Мария Павловна – преподаватель. Заветные документы.....	139
Юбилей Марии Павловны.....	141
Секретарь компартии Франции в Доме-музее А.П.Чехова.....	142
Лето 1953 года	145
1954 год – 50-летие памяти А.П.Чехова.....	148
Новые знакомства с известными людьми	149
Прекрасные отношения и розыгрыши в Доме Чехова.....	151
Как Иван Семёнович остановил «Россию». Капитан Ман	152
«Праздник песни»	156
Подарки	158
Поездки с племянниками (1955 год)	159
В Ленинград.....	163
Александр Павлович Чехов.....	166
В Москве, в поисках гостиницы.....	171
С Иваном Семёновичем на Новодевичьем кладбище.....	173
Возвращаюсь в Ялту.....	174
Новый 1957 год	178
Смерть Марии Павловны	179
Виктор Хара Мартинес, певец свободного Чили, в музее Чехова в Ялте.....	186
Как мы открывали памятные доски.....	187

ГЛАВА III. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛЛЕ ВАСИЛЬЕВНЕ

Поздравление Алле Васильевне Ханило из Баденвейлера.....	190
Т.Барская. Эстафета любви к Чехову.....	191
С.П.Бочаров.....	195
Н.Брайко. Ангел «Белой Дачи»	196
Л.Зорин, В.Сонин. А.В.Ханило с А.П.Чеховым – по жизни!	199
90 на пути к 100!	200
И.Обухова «...Я не могла оставить музей...» (Алла (Ангелина) Васильевна Ханило 1928–2019)	201
С.Цыганков «Называйте меня Сережкой»	203

ЭПИЛОГ

Невидимые миру слёзы.....	207
Сохранить Дом-музей А.П.Чехова.....	209

ПРИЛОЖЕНИЯ

Открытое письмо Аллы Васильевны по спасению Сада	216
Письмо-приглашение из Баденвейлера.....	218
Письмо министру культуры РФ В.Р.Медынскому	219
Документы на присвоение звания заслуженного работника культуры РСФСР.....	221
Решение Ялтинского исполкома об установлении охранной зоны вокруг Дома-музея А.П.Чехова в Ялте	229
Решение Крымского областного Совета депутатов трудящихся об установлении охранной зоны вокруг Дома-музея А.П.Чехова в Ялте	230
Схема охранной зоны.....	231
Письмо главе Администрации г. Ялта Ростенко А.О. от 15.02.17 г.	232
Письмо главе Администрации г. Ялта Сотниковой Е.О. от 26.02.18 г.	233
Письмо главе Администрации г. Ялта Челпанову А.В. от 04.03.19 г.	234
Дорожная карта на решение вопроса обеспечения сохранности Дома-Музея А.П.Чехова и проведения необходимых ремонтно-восстановительных работ	235

Знак полиграфической
продукции 12+

«Духовный потомок Чеховых»

Составитель Сергей Сергеевич Цыганков

Подготовка к печати:
ИП Дымникова Н.В. 91 № 000002810 от 25.11.2014 г.

Подписано к печати с оригинал-макета 29.05.2018.
Формат 70х100 1/16. Гарнитура «Myriad Pro».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,9. Тираж 1000. Заказ №

«Н.Орианда»™ 295051, Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, ул. Калинина, 25
Тел.: 8 (365) 60-49-19, 8 (978) 726-76-68
E-mail: n-orianda@mail.ru; <http://n-orianda.ru>

Полиграфическое исполнение: